

МИНИСТЕРСТВО
КУЛЬТУРЫ
Архангельской области

Архангельский
краеведческий
музей

Литературно-
мемориальный
музей Ф.А. Абрамова

XI АБРАМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВЕРКОЛА 29 ФЕВРАЛЯ 2024

Сборник материалов конференции
**«Деревенская проза и поэзия.
Пути развития»**
29 февраля 2024 г.
д. Веркола, Архангельская область

XI АБРАМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

УДК 80(470.11)(082)

29 февраля 2024 года в Верколе состоялись XI Абрамовские чтения. В конференции «Деревенская проза и поэзия. Пути развития», ставшей частью XI Абрамовских чтений, приняли участие исследователи из Архангельской, Кемеровской, Вологодской, Курской, Пензенской областей, Республики Коми и Санкт-Петербурга.

Вошедшие в сборник статьи и доклады посвящены литературному и публицистическому наследию Ф.А. Абрамова и других писателей Русского Севера, роли музеев в современном литературном процессе, вопросам сохранения духовной культуры.

Издание адресовано филологам, литературоведам, краеведам, студентам и школьникам, всем, кто интересуется деревенской поэзией и прозой, литературой Русского Севера.

Афанасьева Н.Л.

Две войны в судьбе Афанасьева Леонида Григорьевича из коми деревни Ёлькыб

Аннотация. Ценность воспоминаний защитников нашего Отечества в прошлом, как опубликованных, так и неопубликованных, возрастает в современных условиях вооруженного противостояния России с Западом. Афанасьев Л.Г. участвовал в двух войнах, советско-финляндской (1939–1940 гг.) и Великой Отечественной, на Карельском фронте. В статье раскрываются личностные качества, мужество и отвага, умения и навыки Афанасьева Л.Г., которые он проявил в суровых северных условиях, в составе 54-й дивизии, выдержавшей 46-дневную блокаду финнов, в 30 походах партизанского отряда «Боевой клич» в тыл врага в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: советско-финляндская война, Великая Отечественная война, воспоминания, личный документальный фонд.

На берегу Мезени в Удорском районе Коми Республики расположена маленькая деревня Ёлькыб. Одним из основных видов хозяйственной деятельности коми крестьян на протяжении веков была промысловая охота и рыболовство. Коми обладали хорошими навыками выживания в условиях снежной зимы, пониженной видимости и северных ветров, умением ориентироваться в лесной и болотистой местности, были выносливыми и сильными. В годы войны коми воины успешно действовали в составе лыжных батальонов, разведывательных отрядов, неожиданно появлялись и настигали врага там, где он не ожидал опасности.

В 1937 г. в деревне проживало 97 человек [14, с. 429], Афанасьевых, Ванеевых, Власовых, на фронт в 1941–1942 гг. призвали 31 человека, из них погибли и пропали без вести – 18, вернулись с фронта – 13. Афанасьев Андрей Ионович и Афанасьев Леонид Григорьевич участвовали в двух войнах, советско-финляндской и Великой Отечественной.

Афанасьев Леонид Григорьевич родился 18 апреля 1913 г. в деревне Елькыб, в многодетной крестьянской семье. Отец – Афанасьев Григорий Ионович, мать – Афанасьева Анна Филипповна. После успешного окончания Готовской школы крестьянской молодежи в 1929 г. Леонид Григорьевич работал в должности счетовода, бухгалтера Чупровского и Важгортского лесопунктов Удорского леспромхоза треста «Северолес». В 1933–1934 гг. учился на курсах по переподготовке бухгалтеров в городе Архангельске. По возвращении работал бухгалтером, затем бухгалтером-ревизором Удорского леспромхоза треста «Северолес». В 1935 г. женился на Пешаковой Евдокии Ильиничне. 25 октября 1936 г. родилась дочь Людмила.

В июне 1936 года Л.Г. Афанасьев по направлению треста «Северолес» был назначен главным бухгалтером Тундровского мехлесопункта Исакогорского района Архангельской области. В июне 1937 г. по приглашению треста «Севкареллес» переехал с семьей в Карельскую АССР, где стал работать главным бухгалтером Кестеньгского леспромхоза «Севкареллеса» [4, л. 1].

Время было тревожное. В 1937 году, в условиях нарастания военной угрозы со стороны Германии, начались советско-финляндские переговоры в Москве. Советский Союз стремился обеспечить безопасность своих северо-западных границ и, прежде всего, Ленинграда, и, следовательно, безопасность советской страны в целом. Переговоры носили вялотекущий характер.

1 сентября 1939 г. с агрессии Германии против Польши началась Вторая мировая война. Европейские страны сразу же приступили к приведению своих вооруженных сил в повышенную боевую готовность. В Советском Союзе началась частичная мобилизация. 4 сентября 1939 г. Афанасьев Л.Г. был призван в действующую армию, в 118 стрелковый полк, 54 стрелковой дивизии, 9 армии [5, с. 4–5].

Перспектива мирного развития советско-финляндских отношений сохранялась до 29 октября 1939 г. Окончательное решение советского руководства о подготовке к войне против Финляндии было принято после срыва второго раунда переговоров с финляндской правительственной делегацией в Москве. Безрезультативность переговоров воспринималась правительством Финляндии как успех. «...в Хельсинки после срыва переговоров даже не искали путей и способов возобновления диалога с Советским Союзом» [2, с. 231]. Война явилась ответом Советского Союза на прозападный и антисоветский характер внешней политики Финляндии и ведущих государств Западной Европы.

В 8 часов утра 30 ноября 1939 г. войска Ленинградского военного округа перешли границу Финляндии на Карельском перешейке и в других районах. 118-й полк 54 -й дивизии 9-й армии вместе с пограничниками наступал на Ребольском направлении. В опубликованных в 1983 г. воспоминаниях Афанасьев Л.Г. посвятил участию в советско-финской войне 1939-1940 гг. всего два абзаца [1, с. 105–106]. В машинописной рукописи несколько более подробно писал о первом дне войны: «Первую финскую заставу после полудо-

рачасового боя разгромили. Финнов было около 150 человек. В плен взяли 12 человек, часть убежали, а остальные были убиты. После этого подразделения 118 стрелкового полка, 72 погранотряда и другие части 54 стрелковой дивизии пошли в наступление вглубь Финляндии» [6, с. 1].

Войска 9-й Армии в условиях бездорожья продвинулись за линию государственной границы на глубину до 30-45 километров. Перед ней стояла задача рассечения сил противника и выхода к Ботническому заливу. 118-й и 337-й полки 54-й дивизии наступали по южной дороге на Кухмо. 4-я усиленная рота 118-го полка продвигалась по северной дороге. Финны, отступая, упорно сопротивлялись. 6 декабря 1939 г. 54-я дивизия подошла к важному дорожному узлу Расти, чем создала угрозу коммуникациям, связывающим север и юг Финляндии. Финское командование срочно сформировало отдельную бригаду под командованием подполковника А.Л. Вуокко, которая перешла в контрнаступление.

В ожесточенных боях 20–23 декабря 1939 г. части 54-й дивизии (лыжные отряды Маклецова и Алексеенко) понесли большие потери [21, с. 423, 425–426].

Афанасьев Л.Г. в своих воспоминаниях писал, что был зачислен в подвижной лыжный отряд под командованием майора пограничника Маклецова, комиссара Иванникова для введения разведки и борьбы с финскими снайперами. «Финны мелкими группами прорывались в наш тыл и вели кратковременные боевые действия. Много было беспокойных ночей и переходов нашего отряда, чтобы вести разведку и уничтожать «кукушек» [6, с. 1].

До 20 января 1940 г. части 54-й стрелковой дивизии, ломая сопротивление финнов, углубились по территории Финляндии до 168 км. Потом был дан приказ командования дивизии закрепиться на занятых позициях.

В январе финны нанесли фланговые удары по частям 54-й стрелковой дивизии, 28 января 1940 г. дивизия была окружена. К 1 февраля финнам удалось рассечь район обороны дивизии на восемь частей, окончательно прервать все коммуникации 54-й дивизии. 3 февраля 1940 г. из состава 9-й армии была сформирована лыжная бригада под командованием полковника В.Д. Долина, которая попыталась деблокировать 54-ю дивизию, но потерпела поражение [20, с. 164–165].

В конце февраля финны перешли к тактике подавления отдельных осажденных участков артиллерийским огнем. Войска, атакованные мобильными лыжными отрядами финнов с тыла, сворачивались в «клубок», «мотти», как их называли финны. Наличие танков и боеприпасов позволяло окруженным красноармейцам превращать их в неподвижные огневые точки. На 3 полка ВВС 9-й армии была возложена задача снабжения бойцов и командиров 54-й дивизии продовольствием и боеприпасами. Благодаря этому осажденные красноармейцы избежали голодной смерти [21, с. 427–430].

Афанасьев Л.Г. писал: «46 дней и ночей шли непрерывные бои. Надо было организовать крепкую оборону, зарываться в землю, строить землян-

ки, блиндажи. Финны, особенно ночью, вели атаку за атакой, а мы с блиндажей почти в упор били. Потери были с той и другой стороны колоссальные. Погибли командир и комиссар отряда. Я был дважды ранен» [6, с. 2].

Голодные и замерзающие красноармейцы, в так называемых «мотти», и на сороковой день окружения защищались отчаянно, с мужеством обреченных.

Афанасьев Л.Г. рассказывал в 1967 г.: «Дело было перед самым заключением перемирия. Шел ожесточенный бой. 38 красноармейцев, которыми я командовал, атаковали 1500 финнов. Наши пулеметы накалились от беспрестанной стрельбы, а финны шли и шли на нас лавиной. Мы их били, как куропаток, и перед нами уже лежало множество трупов. У нас погибло 2 человека, но в конце концов мы были бы перебиты. Я ходил по окопам и приказывал стрелять беспрестанно и ожесточенно. Вдруг на стороне финнов появился белый флаг. Мы прекратили стрельбу. На поле появился финский офицер с белым флагом. Он прокричал, чтобы к нему вышел русский офицер. Я поднялся и подошел к финскому офицеру. Он объявил мне, что между Россией и Финляндией заключено перемирие. Затем он предложил мне закурить и спросил: «У вас, наверно, две тысячи солдат, вы так ожесточенно оборонялись?» Я ответил: «Вы ошибаетесь, у меня только 38 солдат». Финский офицер этому не поверил. Я приказал всем своим солдатам подняться, и только тогда он мне поверил, пересчитав их всех пальцем. После этого он пожал мне руку и сказал: «Я поражен Вашим мужеством и мужеством ваших солдат». Такая похвала, да еще в устах финского офицера, много значит. Я видел в боях, как дерутся и немцы, и финны, и венгры. Все труднее было воевать с финнами, т. к. они дерутся до последнего» [3].

Леонид Григорьевич Афанасьев помолчал, тяжело вздохнул и затем сказал: «Тяжело нам досталась победа, тяжело. Из окружения из 15 тысяч человек вышло только 900 чел., остальные все были уничтожены, да и среди оставшихся в живых не было ни одного не раненого или покалеченного» [Там же].

54-я стрелковая дивизия была разблокирована лишь 14 марта 1940 г., уже после того, как 13 марта в 12.00, согласно мирному Договору, прекратились военные действия между Советским Союзом и Финляндией, и финны отвели свои войска. Задачу сковывания сил противника СССР малочисленная 54-я дивизия выполнила успешно, так как 9-я финская дивизия могла бы сдерживать до 4-х советских дивизий на Линии Маннергейма.

Ставка и штаб 9-й стрелковой дивизии возложили вину за большие потери на командование 54-й дивизии. По решению военного руководства СССР её личный состав, который 46 дней стойко держал оборону, находясь в окружении, остался без наград и повышений [20, с. 169].

В результате войны Советский Союз достиг своих стратегических целей, но уже к лету 1940 г. политика Финляндии начинает приобретать ярко выраженную прогерманскую направленность.

После демобилизации из Красной армии 2 октября 1940 г. Л.Г. Афанасьев вернулся на прежнюю работу в Кестеньгский леспромхоз «Севкареллеса» [8].

22 июня 1941 г. фашистская Германия вероломно, без объявления войны напала на Советский Союз, началась Великая Отечественная война. 26 июня 1941 г. президент Финляндии Ристо Рютти по радио официально объявил о начале совместных действий с Германией против Советского Союза. В ночь на 1 июля финские войска перешли границу и вторглись на территорию СССР [15, с. 29, 39].

24 июня 1941 г. на базе управления и войск Ленинградского военного округа был создан Северный фронт, 23 августа он был разделен на Ленинградский и Карельский. В состав Карельского фронта вошли 14-я и 7-я армии, оперативно ему был подчинен Северный флот. Карельский фронт был самый протяженный фронт, войска которого располагались на расстоянии более 1600 км, существовал дольше многих других фронтов – более 3,5 лет [15, с. 3, 23, 45].

На кестеньгском и ухтинском направлениях наступал 3-й финский армейский корпус, который должен был после прорыва пограничных укреплений овладеть рубежом Ухта, Кестеньга, затем поселком Лоухи, перерезать Кировскую железную дорогу, имевшую важное стратегическое значение. 10 июля 1941 г. 242 полк 14 армии и 72 погранотряд остановили финнов в районе реки Софьяги [15, с. 18–19, 36].

В боях участвовали и партизанские отряды, которые были сформированы, вооружены и отправлены в тыл противника уже в июле 1941 г. В первой декаде августа 1941 г. на Карельском фронте боевые действия в тылу врага вели 15 партизанских отрядов общей численностью 1771 человек [18, с. 12].

18 июля 1941 г. на территории Кестеньгского и Лоухского районов начал формироваться партизанский отряд «Боевой клич». Первым командиром стал М.В. Медведев, комиссаром – Л.В. Власов [16, с.324]. 23 июля 1941 г. по направлению ЦК ВКП(б) Карело-Финской ССР Афанасьев Л.Г. был зачислен в качестве бойца в партизанский отряд «Боевой клич», сформированный в селе Кестеньга [5, с. 4]. В отряд вступило 55 человек. Из них 35 коммунистов и комсомольцев: были среди них местные жители, демобилизованные воины-пограничники. В отряд были зачислены товарищи Леонида Афанасьева: Петр Олькин, Иван Голубев, Саша Макоев, Николай Швецов и другие участники войны с финнами в 1939–1940 гг. [1, с. 105].

28 июля 1941 г. отряд «Боевой клич» отправился в свой первый поход в тыл врага. На вооружении отряда были два ручных пулемета, винтовки, взрывчатые вещества. Перед партизанами была поставлена задача вести разведку в тылу врага, минировать дороги, по которым шла переброска войск, вооружения, продовольствия врага, устраивать засады на коммуникациях, перерезать связь, уничтожать фашистов.

Пограничники ночью перебросили отряд на катерах по Топозеру в тыл противника. Леонид Афанасьев был во взводе Петра Олькина, который с разведкой направился в село Большое Озеро. Обнаружили две роты финнов в селе и около Топозера, которые спокойно отдыхали в палатках. Партиза-

ны открыли огонь, среди финнов началась паника. Одни бежали в глубину леса, другие прыгали в озеро, но и там их настигали партизанские пули. Было убито 20 финнов. Затягивать бой было опасно, так как противник по численности превосходит партизан в несколько раз. Финны группами целый день искали их, перекликаясь выстрелами из автоматов. Но партизаны оторвались от преследователей. В этом погиб командир отделения Андрей Захаров, которого похоронили в лесу [1, с. 107].

Из района Софьянги и Кокосалмы круглые сутки доносился грохот артиллерийской канонады. На следующий день к партизанам подошли два катера пограничников и буксирное судно «Войма», которые привел представитель Кестенгского райкома партии К.К. Прилукин. Отряд быстро погрузился, и ведущий катер взял курс на северо-восток.

В пути Прилукин рассказал об обстановке в Кестеньге. Немецкая дивизия СС «Норд» была переброшена с кандалакшского направления на кестеньгское. Оказалось, что в то время, когда отряд «Боевой клич» действовал в тылу противника, крупные силы последнего, форсировав реку Софьянгу, прорвали оборону 242 полка. Начался бой в районе Кокосалмы. Положение осложнилось еще больше, когда фашистский десант, переправившись на катерах через озеро, высадился в тылу 242 полка, отрезав его подразделения от армейских тылов [1, с. 108].

В Кестеньге под прикрытием темноты передвигались подразделения армейцев и пограничников, бойцы истребительного батальона занимали новые позиции. Из поселка уходили последние жители, вывозились ценности, продовольствие. Поражали спокойствие и мужество защитников, которые отстаивали каждый рубеж, сдерживая натиск превосходящих сил противника. Так закончился первый поход партизанского отряда «Боевой клич».

За два дня до ухода в поход Леонида Григорьевича его жена, Евдокия Ильинична, родила дочь Валентину, она с детьми эвакуировалась из Кестеньги на станцию Лоухи, а затем, в октябре 1941 г., со станции Лоухи – в Коми АССР, Удорский район, деревню Ёлыкыб [10]. В пути поезд бомбили немецкие самолеты, дочь Людмила чуть не погибла под обстрелом. В 1941–1946 гг. Афанасьева Е.И. с детьми жила у родителей мужа в д. Ёлыкыб и работала в колхозе им. Бабушкина телятницей, затем заведующей МТФ. В 1946 г. была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Трое суток 242-й полк под непрерывными бомбовыми ударами авиации противника удерживал Кестеньгу, она была почти полностью сожжена. В ночь на 8 августа полк оставил город, занял рубеж на реке Така, в 5-6 км северо-восточнее Кестеньги [16, с.37].

В августе 1941 г. дивизия СС «Норд» ближе всех других немецких дивизий подошла к Мурманской железной дороге, её части были остановлены в 30 километрах от станции Лоухи [18, с. 38]. Партизанский отряд «Боевой клич»

до конца ноября 1941 г. действовал в глубоком тылу дивизии СС «Норд» и провел ряд удачных операций [17, с. 37].

Перед партизанским отрядом «Боевой клич» были поставлены задачи:

– контролировать населенные пункты, дороги, тропы, обходные пути с тем, чтобы не допустить выхода маневренных групп врага в тыл советских войск со стороны Пяозера в направлении железнодорожных станций Лоухи и Чуупа;

– проводить диверсии на дороге Софпорог – Кестеньга;

– нападать на немецкие и финские гарнизоны, посты на дорогах;

– организовать снабжение отряда боеприпасами, продовольствием, одеждой, создать надежную службу тыла.

Решение этих задач осложнялось спецификой Карельского фронта. Суровая природа, густая тайга, скалы, непроходимые болота, студеные озера и быстрые реки, малонаселенность края. Л.Г. Афанасьев вспоминал о втором походе партизан «Боевой клич»: «Глубокой ночью отряд вышел в село Елетозеро, остановился у сельского Совета. Уныло стояли опустевшие дома. После непродолжительного отдыха мы разведгруппами пошли во все ближайшие деревни с задачей установить связь, если в деревнях окажутся наши армейские подразделения или пограничники. Однако ни населения, ни воинских подразделений не обнаружили» [1, с. 109].

Все эти особенности препятствовали созданию партизанских баз в тылу врага. Поэтому уже с самого начала войны было принято решение о проведении только рейдовых операций. Партизанские отряды базировались на не оккупированной врагом территории края, вблизи линии фронта. Основная партизанская база была развёрнута на севере республики около деревни Хайколя осенью 1941 г. В период боевых действий на Карельском фронте здесь в разное время дислоцировались и готовились к боевым походам отряды «Красный партизан», «Боевой клич», «Комсомолец Карелии», «Красное знамя», отряд имени Чапаева.

Л.Г. Афанасьев писал: «На период весенней распутицы из штаба партизанского движения прислали обширную программу подготовки личного состава. Занялись изучением тактики партизанской борьбы и нового оружия. В свободное время читали книги, газеты. Но война не переставала напоминать о себе. 10 апреля 1942 г. на базу отряда в Хайколе налетели вражеские самолеты, пятеро бойцов получили ранения. После этого было решено построить для бойцов землянки, так как дома, в которых размещались, были уязвимы с воздуха. За это взялись очень дружно и 5 мая справили новоселье – перешли жить в землянки. И опять учеба, подготовка к новым походам и боям!» [1, с. 115].

С прифронтовых баз партизанские отряды совершали глубокие рейды по тылам противника. Поэтому с собой каждый боец брал по максимуму боекомплект, продукты, медикаменты. Тяжелые рюкзаки весили по 35–40 килограммов. Эти рейды могли продолжаться более месяца – пока хватало

патронов и еды, а потом истощенные, зачастую раненные, прошедшие сотню и более километров партизаны возвращались на базы.

В воспоминаниях Л.Г. Афанасьева часто встречаются фразы, свидетельствующие о том, что в походах партизаны нередко были на пределе и даже за пределами физических и моральных сил:

«Дул сильный, свирепый ветер. Ближе к берегу не могли подъехать и пришлось нам до метра глубины бросаться в воду и брести до суши» [6, с. 8].

«Река бурлила. Группами по пять-шесть человек, взявшись за руки, вошли в холодную воду. Сильным течением валило с ног. Однако все перебрались благополучно» [1, с.116].

«Уже в первые дни обратного пути некоторые бойцы вконец обессилили, ложились на землю, казалось, что уже не было сил двигаться дальше» [1, с. 114].

Карельский фронт стабилизировался уже зимой 1941 года. Отряд «Боевой клич» до конца 1941 г. действовал в глубоком тылу немецкой дивизии «Норд» на дороге Кестеньга – Кушеванда. В октябре 1941 г. на охрану флангов немецких войск пришли финские егерские батальоны. Они сразу же предприняли экспедицию против партизан и пограничников, находящихся в деревнях Никольская губа, Елетьозеро и Зашеек. На базе тогда находились взвод пограничников и небольшая группа партизан под руководством командира Я.Н. Исакова и политрука А.И. Петрова. В схватке было уничтожено более десятка фашистских солдат, остальные убежали [18, с. 38].

В ноябре 1941 г. в целях укрепления партизанских отрядов, упразднения малочисленных отрядов и групп, образовавшихся в результате потерь в боях с противником, Ведлозерский отряд «За Отечество» под командованием Ф.А. Федорова был влит в отряд «Боевой клич». Командиром его был назначен офицер-пограничник Е.М. Кокора, комиссаром Ф.М. Кудрявцев. М.В. Медведев остался в отряде заместителем командира по разведке, командиром первого взвода Ф.И. Канторов [18, с. 71].

В ноябре 1941 г. партизанам «Боевой клич» на станции Лоухи дали непродолжительный отдых. Бойцы получили зимнее обмундирование, лыжи, подгоняли снаряжение, начались тренировки. Выяснилось, что многие плохо ходят на лыжах, а то и просто не умеют. Командир отряда Е.М. Кокара придавал большое значение лыжной подготовке. Финны создали отдельные лыжные батальоны, сформированные из отборных лыжников, значит, все партизаны должны отлично бегать на лыжах. Не владеющим лыжами идти в тыл противника было нельзя. Все другие занятия, кроме политических, были отменены. Иногда занятия проводились ночью. В темноте ходить на лыжах было еще сложнее. Особенно донимали спуски с высот, многие падали, зарываясь в снег, налетали друг на друга [1, с. 112].

В декабре 1941 г. отряд перебазировали в г. Кемь. Там разместились в поселке Рабогеоостровске, который и стал базой отряда на зимнее время.

Из Кеми партизаны несколько раз выходили в тыл противника с тем, чтобы добыть разведывательные данные.

Наиболее крупные операции выполнялись сводными силами нескольких отрядов.

В марте 1942 г. сводный отряд, объединявший отряды «Красный партизан», «Боевой клич» и спецшколу под командованием капитана Ф.Ф. Журиха, вышел на выполнение боевого задания. К ночи на третьи сутки отряд подошел к деревне Кентозеро, где располагался финский гарнизон. Отряды приняли боевой порядок, все было подготовлено для внезапного броска, но один боец подорвался на mine. Взрыв всполошил противника. Финны начали стрельбу. Партизанские отряды пошли в атаку с флангов. Финны, построившие оборону, проволочные заграждения и ходы сообщения находились в более выгодном положении, чем атаковавшие партизаны. Отряд «Боевой клич» находился на самом остром участке боя с левого фланга, перехватив дорогу, идущую на Ломозеро. На участке враг был разгромлен. Но в других местах деревни атаки партизан не увенчались успехом. Бой за Кентозеро длился 10 часов. И только с наступлением темноты была дана команда отходить. Хотя овладеть деревней партизанам не удалось, врагу был нанесен серьезный урон.

Партизаны везли на санитарных лодочках раненых и убитых. Маша Суворцева, Аня Тарасова и Тоня Иванова ухаживали за ранеными. Тяжело было смотреть на эту процессию. В 7 километрах от Кентозера партизаны похоронили павших в бою: политрука А.А. Евгеньева, И.М. Карху из отряда «Красный партизан» и А.В. Баранова – командира отделения спецшколы. [1, с. 112].

12 апреля 1942 г. отряд «Боевой клич», проделав большой путь, вышел на дорогу Вокнаволок – Кентозеро, где партизаны устроили засаду, разгромили вражеский обоз, следовавший из Кентозера в Финляндию. Было убито шестеро солдат и офицеров, сопровождавших обоз. Когда стрельба стихла на дорогу выскочила группа захвата, состоящая из восьми бойцов во главе с Леонидом Афанасьевым. Они окружили обоз, захватили в плен двух финнов, пытавшихся бежать в лес, а также трофеи: винтовки, пистолеты, документы и целый мешок с письмами [18, с. 57].

Особенно отрадно было читать, что в письмах финские солдаты жаловались своим родным на участвовавшие нападения русских партизан. Писали о недавнем бое в Кентозеро. Об этом ужасном бое рассказывали и пленные, говорили, что пятая часть солдат гарнизона осталась в живых [6, с. 12–13].

Летом 1942 г. успешно прошли операции в тылах немецкой дивизии СС «Норд» на кестеньгском направлении, предпринятые партизанским отрядом «Боевой клич» под командованием Е.М. Кокоры и комиссара Ф.М. Кудрявцева.

9 июня 1942 г. отряд «Боевой клич» в составе 105 чел. вышел в глубокий тыл врага. Леса, болота, перелески. Снова леса и болота. Казалось, им

нет конца. Продвигались только ночью. Днем было невозможно идти из-за жары. Тяжелые рюкзаки давили немилосердно. Ночью предстояло перейти линию вражеского охранения, которая по данным разведки располагалась здесь на реке Логоваракке и дороге Ругозеро – Тунгозеро. На одиннадцатые сутки отряд вышел к озеру Кокоярви. Это рядом с советско-финской границей. Позади осталось 160 километров пути, десятки болот, рек и ручьев, озер и дамб. Труднее всего было форсировать широкую и быструю реку Валда. Недалеко от Кокоярви сделали временную базу, решив отсюда группами начать операцию.

Прежде всего начали вести разведку мелкими группами, переходя на территорию Финляндии. Командование приняло решение – создать повзводно три группы и поочередно выходить на коммуникации противника для выполнения боевых заданий. Одна группа отдыхает, вторая возвращается, третья выходит [1, с. 113].

Первый взвод остался на базе (затем взводы менялись), второй (командир Е.М. Мастинен) действовал на дороге Кестеньга – Софьяга – Куусамо, третий (командир Ф.И. Канторов) контролировал дороги Кестеньга – Софьяга и Ухта – Кестеньга. По последней ходили как финские, так и немецкие автомашины. На ухтинском направлении стояла 3-я финская дивизия, а на кестеньгском – немецкая дивизия СС «Норд». Финская дивизия подчинялась немецкому командованию, поэтому сообщение между финнами и немцами было очень оживленным [18, с. 118].

24 июня 1942 г. взвод Ф.И. Канторова на дороге Куусамо – Кестеньга сбил легковую автомашину, в котором находились три офицера и шофер. Захватили трофеи, заминировали дороги, подорвали связь [Там же, с. 119].

28 июня 1942 г. Ф.И. Канторов получил задание идти на дорогу Куусамо – Юнтусранта. Вызвали добровольцев. Выступили 70 человек. Командир взвода Ф.И. Канторов и политрук Л.В. Власов выбрали 23 наиболее выносливых и смелых. С этой группой отправился и Леонид Афанасьев. В пути ловили рыбу, убили четырех оленей, чем и питались. До пункта операции было около 50 километров. [1, с.113].

К дороге Куусамо – Юнтусранта подошли около полуночи, расположились в засаде. Ждать пришлось недолго: вскоре появились две легковые автомашины. Пропустив едущих впереди мотоциклистов, по команде партизаны открыли огонь из автоматов по машинам. Они опрокинулись в кювет. Когда огонь прекратился, Леонид Афанасьев, первым выскочил к легковой автомашине, нашел секретные документы, захватил портфель с ними и другие трофеи. Раненые финны были в упор расстреляны» [9]. В числе убитых оказался финский епископ, он же был депутатом финского сейма. Как выяснилось потом, они ехали на передовую линию фронта, чтобы вручить захватчикам ордена и медали. В машинах нашли карты, на которых указаны места расположения воинских частей, фамилии начальников, списки награжденных военных и не врученные еще ордена и медали. Все это было

захвачено партизанами и с нарочными было отправлено в штаб фронта в Беломорск. Взяли также оружие, автоматы, две винтовки и пистолеты. Шестеро врагов было убито [1, с. 114].

Взвод Е.М. Мастинена уничтожил несколько автомашин с продовольствием и боеприпасами, взорвал пассажирский автобус, в котором 15 немецких офицеров ехали в дом отдыха в Финляндию [18, с.119].

Много еще выходов было на коммуникации врага на самой территории Финляндии. Видя опасность от действий партизанских отрядов, финские власти вынуждены были эвакуировать население вглубь страны из пограничных районов.

21 июля 1942 г. отряд вышел на свою базу в Хайколя. За время летнего похода было пройдено более 600 километров. Партизаны умело и без потерь провели шесть успешных операций в глубоком тылу врага, проявили высокую организованность, сноровку, приспособленность к невзгодам, более 20 суток отряд питался олениной и рыбой, добытыми самими бойцами [1, 114]. С 9 июня по 9 июля 1942 г. было уничтожено 13 финских и немецких автомашин, зенитная установка с пулеметом, танкетка, сожжена 1 застава, 2 моста, заминировано дорог на площади 1050 метров, уничтожено 7 тонн артиллерийских снарядов, проводов – 844 метра. Потери противника составили 36 человек [15, с. 203].

За мужество и героизм, проявленные в походах весной-летом 1942 г., группа партизан отряда «Боевой клич» была награждена орденами и медалями. Афанасьев Леонид Григорьевич был награжден медалью «За Отвагу» [9].

С августа по декабрь 1942 г. отряд «Боевой клич» трижды выходил на боевое задание, один раз в составе сводного отряда.

Летом 1942 г. на территории Карело-Финской ССР оказались совершенно исчерпанными людские резервы на пополнение партизанских отрядов. В июле-октябре 1942 г. на Карельский фронт прибыли добровольцы из Коми АССР, Архангельской, Свердловской, Иркутской областей, Красноярского края, Ташкента, Новосибирска.

В августе 1942 г. по решению Коми обкома ВКП(б) была сформирована добровольческая партизанская группа численностью 103 человека. Отряд «Коми партизан» предназначался для действий в тылу врага. После обучения маршевый отряд «Коми партизан» поступил на пополнение отрядов карельских партизан имени Тойво Антикайнена и Чапаева [18, с. 81–85].

В марте 1944 года в отряд «Боевой клич» прибыло пополнение из Брянска и Орла – 35 человек [19, с. 117].

Новый 1943 год партизаны встретили в боевом походе на Кентозеро и Ломозеро. Тогда уже отрядом командовал Федор Иванович Канторов, который сменил Кокору, получившего новое назначение. Решено было устроить засаду. Леонид Афанасьев принимал участие в этой операции. Ждать пришлось недолго. Вскоре на контрольной лыжне врага появился вражеский патруль из 15 человек. Пропустив противника поближе, партизаны открыли дружный

огонь. Командир отделения Костя Клюквин, первым открывший огонь, убил сразу двух солдат. Было убито 10 финнов, остальные поспешно ушли в лес. Тогда партизан обнаружила вражеская авиация и из пулеметов обстреляла.

Для борьбы с партизанами финны организовали несколько карательных отрядов. Они искали лыжни, костры, устраивали погони за партизанами, использовали авиацию, так называемые самолеты-разведчики «Рама», которые все время кружились в небе и много-много раз обстреливали партизан [1, с. 114–115].

В первой половине июня 1943 г. отряд «Боевой клич» предпринял поход в район Куусамо-Юнтусранта по лесам и болотам вражеского тыла, который продолжался полтора месяца. Было пройдено около 560 километров. Партизаны уничтожили 18 автомашин, убили 47 немецких и финских солдат и офицеров, взяли много оружия, разрушили около трех километров телеграфно-телефонной связи. Но отряд понес и тяжелые потери. 10 партизан были ранены и контужены в начале похода [19, с. 99–100, 103].

Во время возвращения в свой тыл взвод П.А. Олькина попал в засаду. Немцы и финны ударили с трех сторон: взвод оказался в огненном мешке. Командир взвода П.А. Олькин поднял бойцов в атаку. Политрук Лазарь Власов был тяжело ранен. Окруженные противником партизаны мужественно сражались. В этом бою пали смертью храбрых помощник командира отряда по разведке К.В. Муравьев, партизаны В.И. Леванков, Е.Е. Кемов, Н.М. Лопаткин, В.А. Колчин, А.М. Богданов и пулеметчик Г.В. Васильев. Тяжело раненный политрук Л.В. Власов умер по дороге.

Фашисты подобрали тяжелораненых И.П. Богданова и Н.Т. Осипова. Как потом выяснилось после войны, Богданова и Осипова пытали в лагерях, их повезли в Норвегию по железной дороге вместе с советскими военнопленными. В пути несколько пленных договорились, перебили охрану и выскочили из поезда. Пятеро советских военнопленных оказались в норвежском хуторе. Хозяин хутора был партизаном, и он доставил русских беглецов в норвежский партизанский отряд. Летом 1945 года Леонид Афанасьев встретил на улице Петрозаводска Николая Осипова и Ивана Богданова, которые вернулись из Норвегии с документами и норвежскими медалями, как активные участники партизанского движения в Норвегии [1, с. 119].

В 1944 г. перед партизанскими отрядами Карельского фронта были поставлены уже новые задачи. В условиях разворачивающегося наступления советских войск в Карелии партизаны должны были своими действиями в тылу финских и немецких частей срывать переброску резервов, затруднять их отход на новые рубежи обороны, обеспечивать советское командование своевременной разведывательной информацией.

В течение зимы 1944 года отряд «Боевой клич» четыре раза выходил на задания в составе сводных отрядов. Однако в этих походах по тылам противника действия отряда ограничивались лишь разведкой финских гарнизонов и коммуникаций.

В апреле 1944 г. сводный отряд, в составе отрядов «Красный партизан», «Боевой клич» и «Красное знамя», вышел в поход с задачей разгромить вражеский гарнизон в Шуоярви. Командиром сводного отряда был Ф.Ф. Журих. Задача оказалась сложной. Резко изменилась погода – пошел дождь, который почти не переставая лил день и ночь. Лыжи проваливались в раскисший снег. Люди измучились вконец, а до цели было еще далеко: как-никак расстояние от базы около 170 километров» [1, с. 120].

Цепочкой, след в след двигались разведчики, оставляя на снегу две узенькие, аккуратные полоски. За разведчиками на некотором расстоянии шли отряды. За ночь прошли большой путь, под утро до места оставалось около десяти километров.

Гарнизон оказался сильным, многочисленным, располагавший минометом, пулеметами и укреплениями в виде дзотов, траншей и широкой сетью минных полей. И все же враг оказался зажатым двумя партизанскими отрядами. Финны потеряли убитыми и ранеными более 50 человек [1, с.121].

23 апреля 1944 г. во время боя около Шуоярви, когда отряд теснил фашистов к деревне, «Леонид Афанасьев не сразу понял, что он ранен. Вдруг повисла левая рука, потом на груди появилась кровь. Он потерял сознание и упал. К нему бросилась сандружинница Зина Фролова. Она сделала перевязку и с автоматчиком Казакевичем отправила Леонида к командному пункту. При переходе реки Казакевич поскользнулся и вместе с Афанасьевым упал в воду. Леонида Афанасьева понесло по течению. Казакевич не растерялся. Вмиг выскочил на берег, сбросил автоматы, лыжи и бросился спасать товарища. Вытащил Афанасьева из воды, поднял и доставил его к месту расположения медицинской службы отряда» [19, с. 122].

Во время боя было тяжело ранено 18 партизан, из них в пути следования скончались 8 человек. Для эвакуации тяжелораненых единственным транспортом было спаренные четыре пары лыжи, на которые укладывались плащ-палатки, на них раненые, и свои же товарищи вытаскивали их из глубокого тыла [6, с. 25].

После боя отряд выходил на базу четверо суток. Последние сутки Л.Г. Афанасьев был без сознания и не помнил, как его доставили в медсанчасть. Там ему поставили диагноз: слепое пулевое ранение левой половины грудной клетки [11]. Хирурги не стали оперировать Л.Г. Афанасьева, пуля осталась в его легком на всю оставшуюся жизнь. Она его не беспокоила, Леонид Григорьевич Афанасьев никогда не жаловался на болезни, а инвалидность второй группы он оформил в 1985 г. на основании ранения, полученного в боях при защите СССР [12].

Это был последний, тридцатый поход Л.Г. Афанасьева в тыл врага. После лечения 6 августа 1944 г. он был отчислен из партизанского отряда, «ввиду непригодности к походам по состоянию здоровья после тяжелого ранения» [7]. А партизаны отряда «Боевой клич» провели еще два похода в тыл врага.

25 августа 1944 г. правительство Финляндии обратилось к Советскому

Союзу с предложением начать переговоры о перемирии или заключении мира. Советское правительство 29 августа согласилось вступить в переговоры, если Финляндия публично заявит о разрыве отношений с Германией и обеспечит вывод немецко-фашистских войск со своей территории в течение двух недель. 4 сентября 1944 г. Финляндия заявила о своем разрыве с фашистской Германией, и финская армия прекратила военные действия.

5 сентября 1944 г. по приказу Ставки ВГК Карельский фронт прекратил боевые действия против Финляндии. 15 октября 1944 г. партизанские отряды и штаб партизанского движения были расформированы как выполнившие свои задачи. Большая часть партизан была направлена в действующую армию и продолжала сражаться на фронтах Великой Отечественной войны.

Афанасьев Л.Г. после лечения в освобожденной от фашистов Карелии был направлен на партийную работу, его избрали партторгом ЦК КП КФССР по Олонецкому леспромхозу «Южкареллес». Он окончил одногодичную школу при ЦК КП КФССР, в 1947 г. избран первым секретарем Суоярвского РК КП КФССР, в 1951 г. окончил двухгодичную школу при ЦК КП КФССР в г. Петрозаводске. В 1952 г. Л.Г. Афанасьев был избран первым секретарем Прионежского РК КП КФССР.

В августе 1953 года Л.Г. Афанасьев был направлен в распоряжение Коми ОК КПСС и 13 декабря 1953 г. был избран первым секретарем Ухтинского ГК КПСС. До декабря 1953 г. в городе Ухте был РК КПСС, как говорил Л.Г. Афанасьев, «не райком, а райкомишко», политотдел Ухталлага ему не подчинялся. Однако Л.Г. Афанасьев две войны прошел, обладал сильным, волевым характером. Не случайно, его, фронтовика, коммунисты на I Ухтинской городской партийной конференции избрали не вторым, как предлагал Коми ОК КПСС, а первым секретарем Ухтинского ГК КПСС.

1950-е гг. были очень сложными в истории нефтяной Ухты. Началась ликвидация системы ГУЛАГа, переход на работу с вольнонаемными кадрами в нефтегазовой промышленности и строительстве.

Н.Н. Кочурин писал в своей книге «Уроки покорения Севера»: «Период работы Л.Г. Афанасьева в Ухте характерен бурным развитием нефтяной промышленности, связанным с освоением вновь открытого Западно-Тэбукского месторождения. Добыча нефти за 10 лет (с 1953 года по 1963 год) возросла почти в три раза. Бурными темпами развивалась геологоразведка, геологи вышли с разведками в северные районы. На базе разрозненных геологоразведочных организаций было образовано Ухтинское территориальное геологическое управление. Ускорились темпы строительства Ухты. К 1963 г. уже была создана база строительной индустрии, начата массовая застройка города кирпичными домами» [17, с. 47].

В 1957 г. Л.Г. Афанасьев был назначен министром коммунального хозяйства Коми АССР, а в ноябре 1958 г. на Ухтинской городской партийной организации вновь избран первым секретарем Ухтинского ГК КПСС. Н.Н. Кочурин писал в связи с этим: «Это был, пожалуй, единственный случай в

областной партийной организации, когда один и тот же человек возглавлял парторганизацию с перерывом в несколько лет. В обычной партийной практике тот или иной работник избирался несколько раз подряд, а затем его переводили на другую должность. Мне трудно судить о причинах, побудивших обком партии принять такое решение. Скажу лишь, что был Леонид Григорьевич незаурядным человеком» [6, с. 47].

Свое уважение к Л.Г. Афанасьеву ухтинцы выразили в марте 1963 г., избрав его депутатом Верховного Совета РСФСР. В истории Ухты Афанасьев Л.Г. был единственным первым секретарем ГК, избранным депутатом высшего органа государственной власти РСФСР.

В этот период Л.Г. Афанасьев получил высшее образование, закончив заочно Высшую партийную школу при ЦК КПСС.

В сентябре 1963 г. Л.Г. Афанасьев был назначен заместителем Председателя Совета Министров Коми АССР. Он курировал коммунальное, торговое и бытовое обслуживание населения республики. А когда было подписано соглашение между СССР и Народной Республикой Болгарией о строительстве лесозаготовительных предприятий и совместной заготовке леса в Удорском районе Коми АССР, Л.Г. Афанасьев возглавил специальную комиссию Коми ОК КПСС для своевременного решения вопросов, связанных со строительством и эксплуатацией предприятий, организацией торговли, общественного питания, медицинского и культурно-бытового обслуживания болгарских строителей и лесозаготовителей.

Афанасьев Л.Г. избирался Депутатом Верховного Совета Коми АССР 1954 г. по 1974 г., депутатом Ухтинского городского Совета депутатов трудящихся с 1954 г. по 1963 г. За участие в Великой Отечественной войне и многолетний напряженный труд Л.Г. Афанасьев был награжден орденом «Отечественной войны» (1-й степени), двумя орденами «Трудового Красного Знамени», орденом «Знак Почета», медалями «За отвагу», «За победу над Германией в годы Великой Отечественной войны», шестью юбилейными медалями. В 1971 г. Л.Г. Афанасьеву было присвоено Почетное звание «Заслуженный работник народного хозяйства Коми АССР».

Афанасьев Л.Г., выйдя на пенсию, с 10 октября 1974 г. по 1 июня 1985 г. работал референтом Президиума Верховного Совета Коми АССР. Кроме того, он являлся Председателем Республиканского Совета ветеранов. Благодаря ему, во многих селах и деревнях Коми Республики были установлены памятники воинам, павшим в годы Великой Отечественной войны.

По инициативе Леонида Григорьевича Афанасьева и при его деятельном участии 26-28 июня 1976 г. в Сыктывкаре был проведен I слет, а 1-2 сентября 1982 г. – II слет партизан Карельского фронта, на которые приезжали из Ленинграда бывший член Военного Совета Карельского фронта, первый секретарь ЦК ВКП(б) КФ СССР Геннадий Николаевич Куприянов, из Карелии бывшие командиры партизанского отряда «Боевой клич» Михаил Владимирович Медведев и Федор Иванович Канторов, боец отряда Егор Петрович

Семенов, группа бывших партизан из отряда имени Антикайнена во главе с комиссаром отряда Николаем Николаевичем Макарьевым. В слетах принимали участие живущие в Коми Республике бывшие партизаны из отрядов имени Антикайнена и Чапаева. Встречи были очень теплыми и дружескими. Леонид Григорьевич относился к партизанам, с которыми он защищал свою Родину, как к своим братьям.

Л.Г. Афанасьев скоропостижно скончался 9 сентября 1986 года.

В 2000 г. Леонид Григорьевич Афанасьев был признан лауреатом городского конкурса «Ухтинец века» «За выдающиеся заслуги в возведении и развитии города Ухта, в формировании экономического и интеллектуального потенциала региона, в воспитании подрастающего поколения» [13].

Леонид Григорьевич был внешне неторопливым и рассудительным, но это не мешало ему быть волевым и сильным. Все, кто его знал, относились к нему с глубоким уважением, отмечали его строгость и справедливость, скромность и душевную щедрость, честность и принципиальность.

Источники и литература:

1. *Афанасьев Л.Г.* Побратимы / Побратимы. Воспоминания ветеранов Карельского фронта. Документы. Редактор-составитель И.В. Изъюров. – Издание второе, дополненное. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1983. – С. 105–122.

2. *Барышников В.Н.* Финская война. – М., Издательство «Кучково поле», 2023. – 448 с.: 32 л. ил. URL: <https://djvu.online/file/yLjB79EmSNzMc> (дата обращения – 10.01.2024). – Текст электронный.

3. Беседа Н.Л. Афанасьевой с Афанасьевым Леонидом Григорьевичем 1913 г.р. от 10 ноября 1967 года [Текст стенограммы беседы] // Семейный архив Н.Л. Афанасьевой.

4. Документ [Оригинал]. Автобиография Афанасьева Леонида Григорьевича. Написана в 1972 году. 2 л. // Семейный архив Н.Л. Афанасьевой.

5. Документ [Оригинал]. Военный билет офицера запаса Вооруженных сил Союза ССР Афанасьева Леонида Григорьевича. Выдан 11 октября 1948 г. 32 с. // Семейный архив Н.Л. Афанасьевой.

6. Документ [Оригинал]. Воспоминания Афанасьева Леонида Григорьевича, помощника комиссара партизанского отряда «Боевой клич». Авторизованная машинопись 1976. 28 л. // Семейный архив Н.Л. Афанасьевой.

7. Документ [Оригинал]. Выписка из приказа № 23 по партизанскому отряду «Боевой клич» от 2 августа 1944 года об отчислении личного состава отряда. // Семейный архив Н.Л. Афанасьевой.

8. Документ [Оригинал]. Выписка по тресту «Севкареллес» от 2 ноября 1940 года за № 111/ л. с. // Семейный архив Н.Л. Афанасьевой.

9. Документ [Копия]. Наградной лист на Афанасьева Леонида Григорьевича, бойца связного штаба партизанского отряда «Боевой клич» от 12 октя-

бря 1942 г. Текст: электронный // – URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=10787409&tab=navDetailManAward> (дата обращения 5.02.2024)].

10. Документ [Оригинал]. Справка, выданная Лоухским райсоветом Афанасьевой Евдокии Ильиничне 9 октября 1941 г. // Семейный архив Н.Л. Афанасьевой.

11. Документ [Оригинал]. Справка о ранении помощника комиссара партизанского отряда «Боевой клич» Афанасьева Леонида Григорьевича. Выдана 18 мая 1944 г. № 1805 // Семейный архив Н.Л. Афанасьевой.

12. Документ [Оригинал]. Справка врачебно-трудоустройственной комиссии от 30 апреля 1985 г., выданная Афанасьеву Леониду Григорьевичу. // Семейный архив Н.Л. Афанасьевой.

13. Документ [Оригинал]. Свидетельство лауреата городского конкурса «Ухтинец века». Афанасьев Леонид Григорьевич. Решение № 01 от 17.11.2000 года Совета муниципального образования «Город Ухта». // Семейный архив Н.Л. Афанасьевой.

14. *Калинин Н.С.* Удара: из века в век. – Сыктывкар: Кола, 2011. – 429 с.

15. Карелия в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Документы. Материалы. / Под ред. К.А. Морозова и Д.С. Александрова. – Петрозаводск: «Карелия», 1975. – 448 с.

16. Карельский фронт в Великой Отечественной войне. Военно-исторический очерк. / Отв. ред. А.И. Бабин. – М.: Издательство «Наука», 1984. – 359 с.

17. *Кочурин Н.Н.* Уроки покорения Севера. – М.: Издательский дом «ПИК», 1998. – 389 с.

18. *Куприянов Г.Н.* За линией Карельского фронта. – 2-е изд., испр. и доп. – Петрозаводск, «Карелия». 1979. – 272 с.; ил.

19. *Медведев М.В.* «Боевой клич» в тылу врага. – 2-е изд., переработанное и доп. – Петрозаводск: Карелия, 1987. – 152 с.; ил.

20. *Раунио А., Килин Ю.* Сражения зимней войны / Ари Раунио, Юрий Килин ; перевод с финского Юрий Килин. – Изд. 2-е, испр. – Петрозаводск : Изд-во «Военный музей Карельского перешейка», 2018. – 320 с. : ил. URL: <https://djvu.online/file/fepF1JYdM8g91> (дата обращения: 21.02.2024). – Текст электронный.

21. Советско-финляндская война 1939–1940. В 2 т. Т. 1 / сост. В. П. Петров, В. Н. Степаков. – Санкт-Петербург: Полигон, 2003. – 542 с.: 64 л. ил. – URL: <https://djvu.online/file/OrgDsS9qcb92m> (дата обращения – 12.02.2024). – Текст электронный.

Ванеева А.Р.

Юрий Спиридонов: дорога в жизнь

Человек жив, пока жива память о нем.

В 2016 году приехала с группой из Республики Коми в Верколу, на родину Федора Александровича Абрамова. Программа была насыщенной – это экскурсия по деревне, в Веркольский монастырь и конечно посещение Литературного музея Федорова Абрамова. Меня настолько впечатлил музей, экскурсовод Александра Абрамова, что попросила еще и вечером посетить музей.

Удивлению не было предела, что Глава Республики Коми Спиридонов Юрий Алексеевич посетил в 1998 году Литературный музей и оставил запись: «Никто, кроме нас, не сможет восстановить нашу российскую нравственность и душу. Низкий поклон селянам, которые проснулись и чтут своего земляка от своих человеческих сердец, а не по поручениям и партийным решениям. Я низко всем вам кланяюсь». [1]

Про себя подумала: «И здесь успел Глава РК побывать!». Живой интерес к истории, культуре. Вспомнила республиканский праздник «Коми книга» в 1999 году. Спиридонов Юрий Алексеевич по программе посетил Центральную библиотеку в с. Кослан, Удорского района. Специалист библиотеки рассказывала историю района и библиотеки, и он вместе с нами дополнял информацию про первого библиотекаря, про историю села. Это меня так удивило и приблизило к человеку, который не равнодушно слушал, а был заинтересован. Как говорят, «был в теме».

И сегодня в своем выступлении хотелось бы сделать на некоторые акценты значимости личности Юрия Алексеевича Спиридонова в истории Республики Коми.

Юрий Алексеевич Спиридонов – первый Глава Республики Коми, эпохальная личность, человек, вся жизнь которого является примером беззаветного служения своей Родине, своему Коми краю.[5]

Чтоб понять человека, нужно знать, как он провел свое детство. Потому что в среду, которое определяет на всю жизнь и окружение, и устремления, попадают еще в детстве. Все оттуда...

Ю.А. Спиридонов родился 1 ноября 1938 года в с. Полтавка Полтавского района Омской области. [5]

Из воспоминаний Ю.А. Спиридонова: «Свое детство помню лет с пяти или шести. У нас была большая семья: мы с младшей сестренкой, мама, тетя Рая, тетя Нина, тетя Оля и мужчины, которые были на войне. [6]. Единственный «мужик», оставшийся в семье, был я. Наравне с другими гнул свою тощую спину, а как иначе? Рос крепким, здоровым, среди ребят верховодил. За справедливость и правду дрался отчаянно. Терпеть не мог трусов, ябед и жадин. Не знаю, может, поэтому меня пацаны слушали и признавали за «командира». В школе-семилетке я особенно пристрастился к чтению. Читал запоем, даже ночами, под одеялом, с фонариком, чтобы родители не застукали. Меня буквально завораживали книги про путешествия, про Робинзона Крузо, а также про всякие боевые сражения. Учился я всегда легко, без всякого напряжения. Мне без проблем давались математика, физика, химия, биология.

Словом, я усиленно готовил себя к тому, чтобы быть «настоящим человеком». Все мы, дети военного времени, стремились быть похожими на Павла Корчагина, Чкалова, Матросова и прочих патриотов Родины. Правда, потом, повзрослев, я всегда старался жить и поступать по-своему – как считал нужным. Но основа, думаю, была положена там, в военное и послевоенное время, а закваской послужила жизнь отца, матери, бабушек и дедушек».

После окончания средней школы Юрий Алексеевич поступил в Свердловский горный институт им. Вахрушева, который окончил в 1961 году по специальности «горный инженер».

Трудовую деятельность начал на прииске «Горный» Магаданской области. В 1964 году приехал в Коми АССР. Работал на нефтешахте Ярегского нефтешахтного управления Ухтакомбината горным мастером, инженером рудного отдела, главным инженером, начальником нефтешахты №2.

В 1975 году Ю.А. Спиридонова пригласили на партийную работу в Ухтинский горком КПСС – на должность заведующего промышленно-транспортным отделом.

В 1981 году избрали первым секретарем Усинского райкома КПСС. Здесь в полной мере раскрылся организаторский талант Ю.А. Спиридонова. Он внес значительный вклад в освоение и обустройство Усинского и Возейского нефтяных месторождений всесоюзного значения, в строительство и благоустройство г. Усинска.

В 1985 году был избран первым секретарем Коми обкома КПСС.

Период руководства Ю.А. Спиридоновым республикой пришелся на самое сложное и драматичное время в российской истории второй половины 20 века. В соответствии с Конституцией Российской Федерации 1993 года

и Конституцией Республики Коми 1994 года по 2001 год Ю.А. Спиридонов избран на альтернативной основе Главой Республики Коми.

С 2003 года по 2007 год – избран депутатом Государственной Думы Российской Федерации IV созыва по Сыктывкарскому избирательному округу №18 Республики Коми.

Из воспоминаний Вячеслава Сергеевича Бибикова (один из друзей и ближайших соратников Ю.А. Спиридонова, заместитель Главы Республики Коми в 1994–2001 годах): «Истинной родиной для Спиридонова навсегда стал северный край, Республика Коми. Он сделал для своего края так много, что всего просто не перечислить. Чего стоят только Кардиологический центр, Республиканский стадион, гимназия искусств, создание Сыктывкарской и Воркутинской епархии, строительство собора Стефана Пермского». [5]

Из воспоминаний Котельниковой Валентины Николаевны (директор Коми республиканского кадрового центра 1992–1996, ректор Академии госслужбы и управления при Главе РК 1996–2002 гг., кандидат филологических наук).

В народе бытует мнение, что мы живем так, как нами управляют. Практика управления Республикой Коми в последние десятилетия показала: важно еще и то, кто нами управляет. Для подготовки профессионалов-управленцев в республике функционирует Академия госслужбы и управления. Это уникальное образовательное учреждение было создано Указом Главы РК Ю.А. Спиридонова от 18.04.1996 г. 3107 путем преобразования Коми республиканского межотраслевого кадрового центра в академию. Определив задачи Академии на перспективу, Юрий Алексеевич сделал упор на формирование современного госслужащего как «неравнодушного ответственного человека, который должен служить во благо россиян и всей России». История Академии доказала: республика, не дожидаясь решений центра, который опаздывал в решении многих вопросов, в том числе и кадровых, благодаря прозорливости и политической воле ее лидера Ю.А. Спиридонова пошла своим новаторским путем, создав самостоятельное уникальное образовательное учреждение. Это был единственный пример в РФ. [5]

Из воспоминаний Галины Николаевны Кравченко (председатель постоянной Комиссии по вопросам семейной и молодежной политики, охраны материнства и детства Верховного Совета Коми АССР (1990–1994 гг.), председатель Комитета по социальной политике Государственного совета Республики Коми (1995–1999, 1999–2003):

«У каждого, кому выпала возможность работать с Ю.А.Спиридоновым, сложилось свое представление о нем как о человеке. Вызывает уважение и отношение Юрия Алексеевича к формированию новых общественных отношений в тех условиях. Ему непосредственно принадлежит инициатива создания Общественной палаты РК. Он понимал необходимость наличия в республике структуры, которая бы анализировала общественные настро-

ния, отношения в социуме и формировала предложения органам власти для решения проблем. В этом же ряду стоит поддержка такой общественной организации, как «Коми войтыр», в 1990-е годы – Комитет возрождения коми народа. Создание этой общественной организации позволило непосредственно учитывать интересы коренного населения.

В 1997 году он подписал Указ «Об издании республиканского мартиролага «Покаяние», а в 1999 году Указом Глав РК была утверждена государственная программа по увековечению памяти жертв политических репрессий «Покаяние». В результате в свет выпущен многотомник – мартиролог «Покаяние». Юрий Алексеевич инициировал и создание «Книги памяти» о людях, призванных из нашей республики и погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Не могу обойти вопрос, который меня чрезмерно волнует. Это отношение Ю.А. Спиридонова к Афганской войне. 15 тысяч погибших... именно при нем был возведен памятник подвигу этих воинов. У них есть теперь священное место, где они отдают долг памяти своим соратникам по оружию. [5]

Из воспоминаний Элеоноры Анатольевны Савельевой (главный научный сотрудник института языка, литературы и истории коми научного центра УрО РАН. Доктор исторических наук):

«В 1997 году увидел свет «историко-культурный атлас Республики Коми», в создании и публикации которого принимал личное участие Ю.А. Спиридонов. В своей вступительной статье он подчеркнул, что это уникальное издание, первое в истории России, своеобразная визитная карточка Республики Коми, в которой представлены богатейшие природные, минерально-сырьевые ресурсы нашего северного края, суровая величественная природа, историко-культурное наследие народа коми, современное состояние культуры других народов, живущих на территории нашей республики. Востребованность и научная значимость этого издания проявились и в том, что практически атлас выдержал еще два издания – в 2001 и 2011 годах». [5]

Из воспоминаний Галины Васильевны Бутыревой (аместитель Главы РК (1995–1999, главный редактор литературно-художественного журнала «АРТ»):

«Сегодня на разных уровнях спорят о том, что следует развивать в стране в первую очередь. И почти все единогласно отвечали: мол, сначала необходимо развивать экономику, а уж потом заняться культурой и образованием. А вот мнение Ю.А. Спиридонова: «Сферы, определяющие перспективу развития: наука, культура, здравоохранение, образование, новые технологии». Ему наверняка приходилось принимать решения, изменяя своим приоритетам. Но он так думал и поэтому много занимался наукой и культурой.

Ю.А. Спиридонов просто делал. Иногда вопреки несогласным – строил, поддерживал, казалось бы, не очень современные идеи... Именно в 1990-е годы в республике произошли значительнейшие события в образовании. Ухтинский индустриальный институт получил статус университета, открылся

Физико-математический лицей. Гимназия искусств стала тем, чем является ныне, благодаря решению Ю. Спиридонова сделать ее инновационным учебным заведением при Главе РК, – прежде всего, для того, чтобы самые талантливые дети, и городские, и обязательно сельские, могли получить образование по высочайшим стандартам.

Будь на месте Юрия Алексеевича иной человек, вряд ли могло произойти даже такое невеликое событие, как создание литературно-художественного журнала «АРТ» («Лад»). Оно стало возможным, потому что наш Глава всегда принимал решения под личную ответственность.

А в эти же 1990-е годы в республике проводили презентации книг по истории православия. Спустя более 70 лет была переиздана книга «Зырянский край при Епископах Пермских и зырянский язык».

В 2018 году книга Людмилы Прошак «Юрий Спиридонов: «Работайте! В работе счастье...». Эту книгу надо срочно необходимо растиражировать и подарить каждому школьнику! Или каждому первокурснику в каждом училище и вузе республики, потому что это действительно «книга мыслей» – о том, что такое поколение, что такое вера, что такое любовь к своей земле и своему дому, что такое власть, что такое национализм. Мне также выпала возможность быть рядом, когда им принимались, казалось бы, невозможные, невыполнимые решения: о строительстве Кардиоцентра или о новом соборе Стефана Пермского...

По всей стране не платили пенсии, а у нас платили. Как?! Как это было возможно?! Читаю в книге «Работайте! В работе счастье...»: «Чтобы стариков поддержать, комбинаций столько было: из бюджета брал и платил пенсии, а потом восстанавливал из Пенсионного фонда». Спросите людей старшего поколения, как выживали без зарплат семьи? За счет небольших пенсий дедушек и бабушек...» [5]

Из воспоминаний Анатолия Иосифовича Неверова (заслуженный художник Российской Федерации, народный художник РФ, народный художник Республики Коми, почетный член Российской академии художеств):

«Юрий Алексеевич Спиридонов много лет подряд признавался региональным руководителем в сфере культуры и искусства. Особенно заметен его вклад в развитие монументального искусства. В год, когда Юрий Алексеевич стал Главой республики, был утвержден Герб Республики Коми. Деятельное участие Юрия Алексеевича в создании памятников афганцам (1997), А.А. Католикову (1998), жертвам политических репрессий (2000) проявилось в его очень внимательном отношении к самому процессу. На рубеже веков создана часовня со словами первого Главы РК: «Жертвам политических репрессий – наша боль, скорбь и покаяние». [5]

Заключение: Ухтинская журналистка Н. Новикова написала: «Спиридонов сам – будто книга с захватывающим сюжетом. Когда читаешь интересную, глубокую, волнующую книгу, иной раз невольно заглядываешь в ее конец, чтобы посмотреть, не заканчивается ли она – ведь так хочется читать

и читать дальше! И когда перелистываешь последнюю страницу, охватывают сожаление и досада все – конец, такая жалость... Тоже самое происходит и сейчас: все, закончилась жизнь удивительного человека, и уже никто никогда не узнает. Что было бы дальше в его судьбе, что могло бы быть... Со страниц этих книг звучат голоса тех, кто сейчас еще жив, и того, кого уже нет среди нас. Это их жизнь и их правда». [2]

Источники и литература:

1. Информация со стенда Литературного музея Ф.А. Абрамова. (1).
2. *Новикова Т.Т.* Юрий Спиридонов. Дорога в жизнь. – Киров: ООО «Кировская областная типография» – 2011. [2].
3. *Прошак Л.В.* Северный волк. Историческая повесть. М.: 2002 – 308 с.
4. Память сердца (воспоминания о Юрии Спиридонове): ООО «Кировская областная типография» – 2023.
5. Спиридонов Ю.А. и его время (в воспоминаниях, исследованиях, документах) / Отв. ред. и сост. А.А. Попов. – Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2023 г. [стр. 6–15, 23–26, 70–72, 95–97, 123–126].
6. Юрий Спиридонов: «Работайте! В работе счастье...» / Ред. и отв. за выпуск Л.В. Прошак. – [б.м.]: Издательские решения, 2018. [стр. 10].

Епишева Н.В., Епишев А.С.

Ожившая история предметов прошлого

Аннотация. Русский Север – это живая история России, запечатлённая в архитектуре, живописи и фольклорной культуре. Пинежье – уникальный и своеобразный уголок России, её живая клеточка. Любящие русскую старину и историю без всякой машины времени смогут оказаться в атмосфере русской народной сказки XIX века и собственными глазами увидеть амбары и дома, построенные в бытность А.С. Пушкина.

Работа посвящена изучению предметов быта крестьянского дома, соседствующих с ним построек начала и середины XX века и уклада жизни пинежан того времени. Дом – это средоточие основных жизненных ценностей – счастливой доли и достатка, единства семьи, рода и Родины.

Ключевые слова: Пинежье, родина, дом, быт, уклад, род, семья, предки, реликвии, память.

Дом на Пинежье

Есть такой край на северо-западе нашей страны – Пинежье. Край песенный, сказочный, былинный. Восхищает красота бесконечных лесов, лугов, полей. И, конечно, одна из живописнейших рек русского севера – Пинега. В летописях говорится, что ещё в XII веке пришли сюда воины вольнолюбивого Новгорода Великого. Подивились обилию ягод на болотах зыбучих, красной дичи и пушного зверя – в лесах дремучих, косякам сёмги – в реках жемчужных. И осели тут смельчаки-первопроходцы, распахали землю еловыми сохами, срубили себе избы на речных излуках.[3]

Величественные дома Пинежской деревни поражают воображение. Эти дома сродни русской сказке. От них веет богатырской мощью и дивной термовой красотой. Дома достигают в длину 30–35 метров и возносят жилую часть на уровень второго этажа. Долгая суровая зима, длящаяся в здешних широтах почти шесть месяцев, заставила пинежан собрать все жилые

и хозяйственные постройки под одну крышу. Так сформировался не просто дом, а двор-усадебка, разделённый на две части – жильё с печью и служебные помещения (поветь, хлева, конюшня), которые связываются сенями-коридором – передызьем (от «передызьбе»). В таком жилище без труда можно пережить сильные морозы, не выходя на улицу, поскольку всё необходимое (скот, продукты, дрова) находятся под рукой.[2]

Что могут рассказать старые вещи

Вещи старого крестьянского обихода, как губки, обладают свойством впитывать время. И если человек проявит любознательность, они могут рассказать о себе многое. Расскажем о некоторых предметах быта крестьян начала-середины XX века, распространённых в Пинежском районе Архангельской области.

Корыто – утварь, которая использовалась для замачивания и стирки белья, купания младенцев. Корыто выдалбливалось из ствола дерева, преимущественно из осины. Оно всегда было вытянутой формы с закруглённым дном, невысокими бортами. Несмотря на свою форму, оно было достаточно устойчиво и удобно в работе.

Кочерга – металлическое приспособление для размешивания углей в печи, сгребания жара. Кочерга представляет собой толстый железный прут с загнутым концом.

Кузов – высокая плетёная корзина, предназначенная для носки травы.

Лампа керосиновая – приспособление для освещения в форме круглого металлического или стеклянного резервуара с керосином. В верхней части лампы имеется горелка с регулятором пламени в виде маленького колёсика на штырьке. Поверх горелки надевалось «стекло» – стеклянный колпак, на котором оседала копоть.

Лопата хлебная – прямоугольная или овальная доска на длинной деревянной рукояти для сажения хлебов и пирогов в печь и доставания их оттуда.

Подголовник – ёмкость для хранения и перевозки денег, драгоценностей, ценных бумаг.

Подойник – деревянный сосуд с открытым широким горлом, носиком, расположенным в верхней части.

Подсвечник – прибор для установки свечей.

Полотуха – посуда для формовки теста, представляет собой деревянное долблёное корытце овальной формы, неглубокое.

Решето – приспособление для просеивания крупы, муки, зерна. Круглая коробка, состоящая из обода и сетчатого дна. Обод и дно соединены с помощью узкого обруча.

Рукомойник – глиняная, металлическая, деревянная ёмкость круглой или овальной формы с широким отверстием для наливания воды и носиком.

Сакваж – дорожная ёмкость цилиндрической формы для переноски небольших предметов.

Самовар – прибор для кипячения воды, делался всегда металлическим, обычно из латуни и меди, в редких случаях серебра, стали, чугуна и зачастую никелировался. Самовар имеет тулово, жаровню, крышку и кран.

Сито – приспособление для просеивания муки, представляет собой круглую коробку с невысокими стенками – ободом и сетчатым дном.

Скалка – цилиндрическая деревянная палка, использовалась для глажения изделий из полотна. Приспособление для раскатывания теста. Представляло собой хорошо обточенную палку, утолщённую в средней части.

Сундук – большая деревянная ёмкость с навесной на петлях крышкой, использовавшаяся для хранения различных предметов одежды и домашнего обихода.

Угольница – ёмкость для углей.

Ухват – устройство для передвижения горшков и чугунов в печи, с помощью которого их можно вынуть или установить в печь. Представляет собой металлическую дужку, укреплённую на длинной рукояти.

Ушат – служит для переноса воды, хранения продуктов, солёного мяса и сала, представляет собой деревянную ёмкость, круглую в поперечном сечении. Характерная особенность – «уши» – две клёпки с отверстиями, выступающими над боковыми стенками.

Фляга – сосуд для хранения напитков и их транспортировки, глиняный, металлический, стеклянный, с плоским, овальным в сечении туловом и длинным узким горлышком, закрывавшимся пробкой.

Хлуд – приспособление для переноски ушатов, представлял собой две палки, изготовленные из прочной древесины дуба или берёзы. Палки соединялись металлической цепью, один конец которой закреплялся на середине верхней, более длинной палки, а другой – на середине нижней, более короткой.

Чугунок – сосуд из чугуна для приготовления пищи в русской печи.

Щипцы – металлический инструмент для сжимания, схватывания, держания, раскалывания чего-либо, состоит из двух стержней, соединённых посередине шарниром.

Ящик – ёмкость прямоугольной или квадратной формы, без крышки или с накладной или навесной на петлях крышкой. Служил для хранения различного вида бытовых вещей и одежды.[1]

Итак, подводя итог литературному обзору, видим, что жизнь сельского жителя в прошлом веке была нелегка. Попытаемся найти подтверждение этого, рассмотрев старые вещи бабушкиного дома и выслушав их историю. Для нашей семьи все предметы старины – это уже реликвии. Реликвии – это старинные предметы, особо чтимые и хранимые, как память о прошлом.

Особенности уклада жизни пинежан начала-середины XX века

Приехав летом в деревню к бабушке, мы пошли в местную библиотеку за книгами и увидели выставку предметов быта и одежды пинежан нача-

ла-середины XX века. Она нас заинтересовала, но у библиотекаря мы тогда ничего не спросили. Однако, придя домой, мы стали обращать внимание на некоторые предметы, которые видели на выставке. Любопытство наше возрастало, и мы попросили бабушку рассказать всё, что она знает о доме и старинных предметах этого дома. Вот что она поведала нам.

Наш родовой дом был построен в 30-х годах прошлого века из массивных брёвен сосны. Точная дата постройки неизвестна, но недавно под домом возле крыльца была найдена *монета 1932 года*. Такие монеты специально клали под строение, чтобы судьба дома и его обитателей была счастливой. Рядом с домом стоит «избушка на курьих ножках» – *амбар*. Это неотъемлемая деталь пинежского пейзажа. В нём раньше хранили зерно. Амбар строили на возвышениях, чтобы мыши не добрались до лакомства.

Родители нашей бабушки работали с утра и до позднего вечера, поэтому ей с 6 лет приходилось помогать по хозяйству. Она рассказывает, что было очень трудно, но гулять и играть со своими сверстниками она тоже успевала. В минуты отдыха любила слушать *патефон*, который проигрывал *пластинки* с модной в то время музыкой.

Русские печи с утра были истоплены. Хлеб испечён. Молоко пареное в *крынках* в печи стояло. Из *чугуна* ароматно пахло мясным супом. Эта незатейливая трапеза была ежедневной для крестьян середины XX века. После еды крынки и чугуны мыть было очень трудно маленькой девочке. Потом их надо было поднять на высокую русскую печь, чтобы просушить. Воду кипятили в *самоваре*. В жаровню самовара клали угли из *угольницы*. Затем поджигали лучину и закрывали самоварной трубой. Труба вставлялась в отверстие в печи, которое вело в дымоход. Так создавалась тяга, и самовар грелся. Чай пили с крупным кусковым сахаром, который раскалывали *щипцами*. В течение дня надо было выполнить много работы. Муку просеивали через *сито*, а зерно через *решето*. Бельё стирали в деревянном *корыте*. Высушив его, утюжили тяжёлым *чугунным утюгом*, который нагревали возле русской печи. Затем складывали в *сундуки, ящики и короба*. Сундуки закрывались большим *кованым ключом*. Таким же ключом закрывался амбар. Воды для крестьянского хозяйства требовалось много. Её носили два человека в *ушах* на *коромысле*. С раннего детства моя бабушка ходила с *кузовом* (высокой корзиной) за травой для животных. Уходя из дома, она плотно закрывала ворота и вставляла в *воротное кольцо* палку – *приставку*, указывая тем самым, что хозяев нет дома. А зимой женщины пряли пряжу на *прялках*. Вечерами зажигали *керосиновые лампы*. Во двор к животным ходили с *керосиновыми фонарями*. Электричество в бабушкиной деревне появилось 7 ноября 1965 года. Поэтому моя бабушка ежедневно чистила все лампы и фонари, заполняла их керосином. При свете лампы приходилось делать уроки, читать книги. В школу она ходила с *кирзовым портфелем*. Школу бабушка закончила в 1965 году. Впоследствии она окончила педагогический институт, 40 лет проработала в школе. Она и сейчас в деревне легко управляется с русской

печью, печёт в ней сковородники, достаёт угли кочергой, кипятит самовар, ухватом из печи вытаскивает чугульки с едой. Это настоящая сказка!

А ещё в доме хранятся *медали* отца бабушки. Он прошёл всю войну. Воевал на Ленинградском фронте. С войны привёз *фляжку, вилку-ложку* и даже *деньги*. Мы очень любим рассматривать эти трофеи и дедушкины медали.

Мы знаем, что наши предки были настоящими тружениками. Несмотря на тяжёлый уклад жизни, они прожили достойную жизнь и заслуживают большого уважения. На них можно и нужно равняться.

А знают ли своих предков школьники? Есть ли в их семьях реликвии? Об этом мы решили узнать путём анкетирования 125 учащихся 5-9 классов. Анкета называется «Реликвии в моём доме».

Результаты анкетирования показывают, что треть учащихся не знают, что такое реликвии. Почти половина опрошенных не имеют в своих семьях никаких старинных предметов, особо чтимых и хранимых, как память о прошлом. Однако, предметы старины, которые передаются в некоторых семьях из поколения в поколение, очень разнообразны и интересны. В большинстве семей помнят и говорят о предках: 87 из 125 семей. Но есть и такие семьи, в которых вообще не вспоминают об ушедших родных людях: 6 семей. Родные места своих предков и их могилы большинство семей навещают ежегодно, за исключением 14 семей. Старые вещи, по мнению опрошенных, могут рассказать о многом: об истории семьи, о нашем прошлом, о судьбах людей, кем были предки и чем занимались, как жилось людям раньше, какие были традиции, о состоятельности, о событиях того времени, о характере владельца и его предпочтениях, о войне. И даже могут раскрыть какую-то тайну. Анкета заинтересовала детей, заставила задуматься о малой родине, о близких людях.

Данная работа позволила окунуться в мир прошлого столетия. Для нас – это уже история. А историю знать надо, чтобы не забывать своих корней. Хорошо, что есть у нашей семьи дом, который хранит всё таинство прошлого столетия и моих родных людей. Советуем всем детям и взрослым вспомнить своих предков, почтить их память и посетить родные места.

Источники и литература:

1. *Баранов Д.А.* Русская изба. Иллюстрированная энциклопедия./ Д.А. Баранов, О.Г. Баранова, Е.Л. Мадлевская, Н.Н. Соснина, О.М. Фишман, И.И. Шангина. – Санкт-Петербург «Искусство-СПБ», 2001 ISBN 5-210-01502-5

2. *Иванова А.А., Калуцков В.Н.* Светлое Пинежье: путешествие по краю: справочник-путеводитель/ А.А. Иванова, В.Н. Калуцков. 3-е издание. – Архангельск; с. Карпогоры (Арханг. обл.); 2009. – 168 с. ISBN 978-5-85879-601-5

3. *Ларин О.И.* Пинежье. Фотоальбом. – М. Советская Россия, 1988, 159 с.

Казакова Т.И.

Взаимодействие литературно-мемориального музея Ф.А. Абрамова с образовательными учреждениями, учреждениями культуры и общественными организациями

Аннотация. В вопросах о любви к родному краю, знаний по истории родного края особое место занимает литературный музей. «Музей способен дать человеку то, чего не могут обеспечить ни школы, ни книга, ни другие новейшие достижения цивилизации – опыт личного соприкосновения с реальностью истории и культуры, опыт переживания времени через пространство, содержащие зримые, соразмерные человеку и человеком порождённые ценности... Личное отношение – вот что призван формировать музей», – пишет в своих исследованиях М.Б. Гнедовский.

В докладе рассматривается образовательное назначение музея, огромный потенциал воздействия экспозиции литературного музея на подрастающее поколение, на воспитание Личности. Добрым словом отмечены ветеранские организации и работа с ними, женсоветы и другие общественные организации.

Ключевые слова: Музей, Пинежье, Федор Абрамов, родина, реликвии, память, образование.

Об актуальности краеведения в литературоведении сказано многими и многое. Вот как об этом писал академик Д.С. Лихачев: «Любовь к родному краю, знание его истории – основа, на которой только и может осуществляться рост духовной культуры всего общества». Кроме того, краеведение «учит людей не только любить свои родные места, но и многое знать о них».

В этом вопросе совершенно особое место у литературного музея. Исходя из значения самого слова «образование», мы видим, что в процессе обучения, воспитания личность приобретает несколько иной образ, происходит приращение, как бы вырастание нового образа, при этом гуманистическая сущность прекрасного очищает и возвышает человеческую душу. Разумеется, этот процесс не является механическим, не должен быть таковым во всяком случае.

С конца 1980-х годов формируется новая, коммуникативная модель музея. Образовательная модель, основанная на коммуникационном подходе, затронула основу взаимоотношения музея с его аудиторией, привнесла в эти взаимоотношения несомненную новизну. Изменилось представление о сущности музейно-образовательного процесса. Наиболее точно и емко это представление описано М.Б. Гнедовским, в работах которого последовательно раскрывается суть нового подхода: «Музей способен дать человеку то, чего не могут обеспечить ни школы, ни книга, ни другие новейшие достижения цивилизации, – опыт личного соприкосновения с реальностью истории и культуры, опыт переживания времени через пространство, содержащее зримые, соразмерные человеку и человеком порожденные ценности. Не знание истории, культуры как совокупности умозрительных истин и сведений, но отношение к ним, личное отношение – вот что призван формировать музей...». Поэтому музей «сообщает знания» лишь по необходимости, лишь по той причине, что неведение (не хотелось бы говорить о невежестве) не может служить основой ценностного переживания.

Такой подход к содержанию образовательной деятельности музея заставляет пересмотреть сложившееся в рамках его информативной модели представление об отношениях музея и его аудитории, поскольку личностная позиция посетителя возникает лишь в том случае, когда с самого начала он (посетитель) – «субъект» музейно-образовательной деятельности, носитель определенных культурных установок (эти установки обуславливают его восприятие), имеющий свои интересы и склонности и обладающий правом самостоятельного отбора информации. Это требует признания осмысленности посетительского восприятия даже в том случае, если оно не совпадает с восприятием профессионала, заставляет дополнить представление об однонаправленном воздействии музея на аудиторию представлением об их взаимодействии, диалоге, что, собственно, и составляет суть педагогики.

Образовательное назначение музея, который и сам-то возник из потребности людей наделять ценностным смыслом определенные предметы и явления, заключается в формировании ценностного отношения к культурному наследию. Это осуществляется в специфической форме – символическом акте «встречи» прошлого и настоящего, в диалоге музея и посетителя, обладающего правом выбора и интерпретации увиденного и услышанного. Именно поэтому в новой образовательной концепции так велика роль апелляции к внутреннему миру человека, чувственно-эмоциональной сфере, творческому воображению.

Огромный потенциал воздействия заключен в экспозиции литературного музея, где посетитель соприкасается с тайной, где он имеет редкую возможность подняться до общения с гением, когда авторская мысль станет близкой, своей.

Восприятие музейного предмета в стенах литературного музея совершенно особенное: посетитель судит о нем иначе, чем только о произведении искусства. Оценка его многообразнее, а внимание, которое он привлекает, имеет иную направленность, чем в музее другого профиля. Например, знакомство с портретом в художественном музее начинается с его автора, а в литературном музее интерес определяется личностью портретируемого. Закономерно возникает ряд вопросов: почему этот портрет здесь представлен, как он связан с определенным литературно-историческим периодом, с судьбой писателя, с замыслом его произведения? Так возникает момент документальности при восприятии литературной экспозиции. Подлинник, подлинное всегда вызывает неизменный интерес. В тот миг, когда мы видим простую ручку, листок письма, книгу, эти предметы перестают быть простыми – это уже не мертвые вещи, они оживают, к ним прикасается человек (писатель, поэт, критик, исследователь), столько сделавший для нас, написавший о нас самих, людях, такое, что позволяет нам стать лучше, лучше познать свои возможности.

Таким образом, мы подошли к самому, пожалуй, главному – к воспитанию личности. Всем известна точка зрения на данную проблему Льва Николаевича Толстого: «В воспитании ... есть одна ошибка: хотят воспитывать разумом... и воспитывают один разум, а все остальное, то есть главное, идет как оно хочет» (Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 тт. – М., 1954, Т. 61 – С. 122).

Вот чтобы «...все остальное, т. е. главное» не шло, «как оно хочет», необходимо взаимодействие среднего общеобразовательного учреждения и литературного музея.

Как правило, музей со своими экспозициями всегда предстает как некий культурный текст (знаковый, вербальный), требующий прочтения, сопровождаемый комментариями. Представляя посетителю те или иные материалы, вводя их в символическую реальность, музей совершает в своей практической работе переход от слова (описания) к событию и при этом превращает человека, пришедшего в музей, в непосредственного и заинтересованного участника этого события. Ныне именно в музее разворачивается образовательный процесс, происходит сближение функций ранее разрозненных компонентов культуры, поскольку музей становится и театром, и библиотекой, и школой. Традиционная музейная среда бытования материальных предметов и произведений искусства превращается в содержательно наполненное пространство, в котором посетителю предоставляется возможность обретения разнообразных впечатлений.

Если эти впечатления не просто наполняют, но вовлекают пришедшего в музей в работу своеобразного архива человеческой памяти (таков, на наш взгляд, музей, особенно в аспекте родиноведения, как называют иногда краеведение), то именно в этом случае и осуществляется приобщение к культурному наследию.

Иными словами, при взаимодействии педагога и музейных работников, в данном случае литературного музея, наиболее успешен процесс обретения человеком своего образа (обновленного), процесс, который, и это подчеркивают специалисты, во многом носит стихийный характер и возможен в различных формах.

Резюмируя изложенное выше, сделаем некоторые выводы: в литературном музее посетитель:

- чувствует свою сопричастность культуре (как общечеловеческой, так и «родного» места) и возможность диалога с ней;
- получает редчайшую возможность извлекать знания, опираясь на первоисточник, не верить «на слово»;
- ощущает способность к расширению чувственно-эмоционального опыта, ценностному переживанию, эстетической реакции.

А что дает литературный музей педагогу? Литературный музей позволяет педагогу вместе с его воспитанниками приобщиться к литературе.

Наша жизнь не стоит на месте, современный мир меняется, и мы меняемся вместе с ним. Стремительно развиваются все сферы, окружающие нас и составляющие основу нашего общества. Не является исключением и сфера культуры. Историческое и культурное наследие любого региона страны и ее народа в стенах музея, его пространстве, экспозициях, ауре сплетаются в единый узел. Каждый музей не только сохраняет память о прошлом, но и стремится воспитывать любовь к своему краю и Отечеству.

Музееведение – достаточно новая, формирующаяся дисциплина. Существует много споров и проблем при определении предмета, объекта, структуры и методики музееведения. Немного найдется и публикаций по этой теме, словарей, учебников, фундаментальных трудов. Поэтому изучение сути вопроса в самой музейной системе помогает сформировать наиболее полное представление о музееведении как о науке, а не только как о практической музейной работе.

Также музейно-краеведческая практика позволяет нам применить и закрепить полученные навыки и знания. Этот уникальный опыт дает возможность приобрести практикоориентированные знания и навыки.

Музей, реализуя свои образовательные и воспитательные функции, побуждает посетителя к размышлениям, создает условия для саморефлексии, что стало редким явлением в современном мире, где ценность приобретает информация, а не знание. Вместе с тем можно утверждать: чем больше информации циркулирует в пространстве, тем меньше в ней действительно значимого содержания. При этом речь идёт не только о спаме, распространенном в наше время в Интернете, но и о той излишней информации, которая проникает в наше сознание. Повсюду человека окружают различные символы, знаки, среди которых ему всё сложнее отыскать подлинное знание. Обилие разнообразной доступной обычному человеку информации осложняет ее систематизацию и, как следствие, формирование целостной картины мира.

Для формирования мировоззрения важно не просто знать факты, но и соотносить их между собой, понимать связи между ними. Однако сам процесс сбора фактов, чаще всего проводимый в сети Интернет, своей структурой больше напоминает рассеивание информации, чем её аккумуляцию. Гипертекст, к которому обращается сегодня философия постмодернизма, может быть полезным только для подготовленного пользователя, владеющего определённой интеллектуальной базой и способного обогатить свой запас знаний. В ином случае человек может быть дезориентирован в информационном потоке, что влечет за собой потерю интереса к предмету поиска.

Характерной чертой информационной культуры является большой разрыв между специальным и обыденным знанием (Флиер А.Я., 2014), вынуждающий людей искать нужную им информацию в справочниках, которые не всегда основаны на достоверных научных данных или выдают информацию в предельно сжатом варианте.

Музей, напротив, тяготеет к глубине подачи тематического материала, опирается только на подлинные источники и предполагает возможность индивидуального прочтения смысла экспозиционного материала, что влечёт за собой возможность диалога и дискуссии. Музей, по мнению Н.В. Нагорского (2004), может помочь противостоять рассеиванию внимания, ослаблению субъективного мышления, что является следствием воздействия на человека виртуального пространства.

Я подробно остановилась на отношениях музея с образовательной средой. Хочу сказать, что в районе большая работа проводится с обучающимися. Практически все школы побывали у нас в музее и не один раз. Теперь приезжают и делают заявки на экскурсии в доме Иняхина И.В. На открытии этого дома были ребята из детского сада. Вот где познание того, что никогда не видели!!! Неподдельный интерес, восторженные глаза! А потом занятие о самоваре, о глиняной утвари и работа с глиной! У нас написана совместная программа с воспитателем д/сада, раз в месяц проходят занятия с детьми. Надо сказать, результат – и очень хороший результат!!! – есть! В выпускной группе дети много знают про семью Абрамова, про военные годы, знают даты! Хорошая работа налажена и с ветеранскими организациями. И не только нашего округа. Ветераны, паломники едут автобусами. Это только радует душу! Только добрые слова можно сказать о работе с женсоветами, ТОСами, краеведами не только нашего округа. Налажена отличная работа с организациями культуры, которую мы организовали совместно с лектором-экскурсоводом ТИЦ «Пинежье» Бычковой Е.А. Надо сказать большое спасибо нашим друзьям-соседям – работникам культуры Республики Коми. Для них не существует преград – большими группами они приезжают к нам район и весной, и летом! Сегодня они, в день Абрамовских чтений, снова с нами. Мы говорим спасибо всем, кто побывал в музее, в Верколе и ждём новых посетителей!

УДК: 80

Колядич Е.Г.

«Я в рощице той не была целый век»: образ родного села Владимировка в поэзии Любови Никоновой

Аннотация. Любовь к малой родине – селу Владимировка Самарской области Хворостянского района, находящемуся в Среднем Поволжье, – сопровождает всё творчество сибирской поэтессы, члена Союза писателей России, Любови Алексеевны Никоновой. «Всё, всё моё – оттуда. Это моя вечная любовь», – говорит она о родных краях.

Ключевые слова: Никонова, поэт, стихи, истоки, образ, родина, Поволжье, Владимировка, село, рощица.

В новокузнецком литературно-мемориальном музее Ф.М. Достоевского широко представлено творческое наследие кузбасских поэтов и прозаиков: Любови Алексеевны Никоновой, Эдуарда Даниловича Гольцмана, Владимира Максимовича Неунывахина и многих других авторов, коллекции которых активно пополняются благодаря дарам родственников литераторов и неравнодушным горожанам.

Личный фонд Любови Никоновой – поэта, известного далеко за пределами Кузбасса, содержит документы, фотографии, рукописи, создающие большой простор для изучения её литературного наследия. Она автор более двадцати поэтических сборников и двух книг прозы.

«Почти каждый из нас периодически возвращается к тайне своих истоков» [3, с. 7], – писала Любовь Алексеевна в предисловии к своей книге прозы «Мир благословенный». Её истоки – село Владимировка Самарской области, место, где она родилась и получила первые родительские уроки любви,

доброты и мудрости, место, которое всякий раз, при любом воспоминании о нём, согревало и радовало душу в суровом сибирском краю. И образ родины из тихой мелодии родной земли вырос в мощное оркестровое произведение; на всю жизнь стал внутренней святыней, необходимым духовным стержнем:

*Я помню руку ласковую мамину.
Она простынку стлала под меня.
А родина была такой же маленькой,
как колыбелька детская моя.*

*Я помню двор: кричаще, ослепительно
шагали куры, выставив зоба,
а родина была уже вместительна,
как этот двор и русская изба.*

*И год от года, постепенно, исподволь
мир отдвигал всё дальше рубежи,
и доверяла родина мне исповедь,
в которой все явления свежи.*

*И с каждым разом,
если что-то пройдено,
я думаю всё чаще и ясней:
чем больше человек, тем больше родина,
а значит, и понятие о ней. [6, с.9]*

Именно это стихотворение – «Родина» – открывает первый поэтический сборник Любови Никоновой «Скрипичный ключ», вышедший в 1974 году в Кемеровском книжном издательстве.

Несмотря на то, что судьба поэтессы с пятнадцати лет оказалась неразрывно связанной с одним из крупнейших металлургических и угледобывающих центров России – Новокузнецком, где она обрела известность не только как поэт, но и как талантливейший педагог, руководитель литературных студий «Фесковские литераторы», «Зёрнышко», «Берег», городского литературного объединения «Гренада», сердце её всегда тосковало по родной земле и как самые большие драгоценности хранило детские впечатления и образы мамы, бабушки, сверстников, родного дома и его окрестностей:

*Над землёй неуютной, продрогшей, сырой
подымался холодный туман луговой.
По дороге, размытой недавним дождём,
шла я к отчему дому неласковым днём.
Вдруг в разрыве тумана тотчас предо мной
появилась старушка с мешком за спиной.*

*И платок, и калоши, и вид её весь
говорили: «Домой?» Это здесь, это здесь».
Странно сжалось и вскрикнуло сердце моё,
а белёная мгла поглотила её.
Но опять разорвался туман впереди,
и опять от любви потеплело в груди.
И с телеги взглянул в малахае старик.
«Это здесь», – он сказал и исчез через миг.
И тогда, очутившись перед самым крыльцом,
из тумана шагнув, я прижалась лицом
К косяку, узнавая рубцы на стволе
и зарубки, и трещины в жёлтой смоле.
И дверною щеколдой я щёлкнула: звяк! –
чтобы вспомнить, как было, чтоб в точности так...
Молвил голос, с которым живу и умру:
«Неужели закрыто?
Сейчас отпру...» [5, с. 10–11]*

Стихи Любви Никоновой словно окружают нас живым миром полевых обитателей – растений, насекомых, птиц, – их запахами и звуками: свистом перепёлки, стрёкотом «нищего» кузнечика и «бессребреника» сверчка, шумом шёлка бабочек, звоном пчёл... «Моё счастье – цветок полевой, а трава – состояние духа» [Там же, с. 16], – пишет она в стихотворении-миниатюре «Я живу под столетней ветлой...» Во многих её стихах словно остановилось время: там всегда лето, и там остались «зовуще-расцветающие дали» детства, как в стихотворении «Велосипед» [Там же, с. 15–16], – впервые опубликованном в поэтическом сборнике «Праземля».

Каждый человек в её стихах увидит утешающие образы белеющего на огороде материнского платка, труженицы-бабушки, возвращающейся домой в любую погоду то с корзиной, то с охапкой соломы... А как убедительно в её стихотворении «Поотпали ягодки...» передан сельский быт – поход в поле за вениками и обстановка русской избы:

*Вызрели пахучие,
поспели чернобыльнички.
Вот навяжем веничков ужо.
С таким пахучим веничком
пройтись, пройтись по сеничкам –
то-то будет в сеничках свежо!
Будет в наших сеничках свежо,
а в просторной горнице – тепло:
трубы мы почистили,
вторые рамы вставили.
Прялку приготовили и веретено. [Там же, с. 29]*

Село Владимировка – старинное, как и храм, который находится в центре села, воздвигнутый в 1844 году в честь святого равноапостольного князя Владимира. Эта церковь и по сей день видна на многие километры. В предисловии к книге «Похожи встречи на подарки» Любовь Алексеевна пишет о храме как о ярком впечатлении детства, оставшемся с ней на всю жизнь: «Над всей местностью как бы парила в облаках лёгкая белокаменная церковь». [4, с. 5]

«Её лучшие стихи кажутся не написанными, а родившимися вместе с долгой приволжской равниной, старой просёлочной дорогой, куполом белой сельской церкви», [1] – отзывалась о стихах Любви Алексеевны российский прозаик, критик Мария Бушуева.

*Я в рощице той не была целый век.
Не знаю, во что она там превратилась:
Должно быть, растаяла просто, как снег,
Как солнце вечернее закатилось. [2, с. 132]*

В этих строках стихотворения «Кленовая роща» – вся глубокая тоска по родной земле, вся печаль и боль разлуки как невозможности её преодоления, преодоления не только расстояния между населёнными пунктами протяжённостью около четырёх тысяч километров, но и невозможности возвращения к себе прежней – юной, лёгкой, радостной. Образ родного села начинает постепенно обретать в стихах Любви Алексеевны сияющие райские черты, по которым вечно тоскует и плачет человеческая душа как об утраченном совершенном мире. «И вновь и вновь мысль и чувство устремляются к самому сокровенному и дорогому, – пишет поэтесса, – к простенькой родине, к степной приволжской Владимировке, которая чем дальше, тем почему-то ближе. Уже вся она теперь – «в свете неприступном, немерцающем», она тонка и нереальна, прозрачна, как слезинка». [3, с. 7]

*В моих любимых далях милых,
Где вижу птиц я сизокрылых,
Где взгляд мой осторожно чуток
К восторгам нежных незабудок,
Там, только там душа живая
Находит первообраз рая,
И только там она согрета
Лучами ангельского света... [4, с. 260]*

Хочется, чтобы к поэтическому творчеству Любви Алексеевны Никоновой, которую председатель Правления Союза писателей России Валерий Ганичев назвал «тревожной и возвышенной поэтессой» [7], удивительному миру её детства – этому «царству света, воздуха и ветра» [4, с. 5] – прикоснулось как можно больше читателей.

Источники и литература:

1. *Бушуева М.С.* Стихи. *Любовь Никонова* «Небесный свет земного сада...» / Огни Кузбасса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ognikuzbassa.ru/category-criticism/1042-mariya-bushueva-stikhi-lyubov-nikonova-nebesnyj-svet-zemnogo-sada> , свободный (дата обращения 22.02.2024)
2. *Никонова Л.А.* Лучезарное слово: стихотворения; избранное к 70-летию со дня рождения / Л.А. Никонова. – Кемерово: Государственная научная библиотека Кузбасса им. В.Д. Фёдорова, 2021. – 160 с.
3. *Никонова Л.А.* Мир благословенный: книга прозы / Л.А. Никонова. – Кемерово: Сибирский писатель, 2006. – 320 с.
4. *Никонова Л.А.* Похожи встречи на подарки: стихотворения, поэмы / Л.А. Никонова. – Кемерово: Летопись, 2003. – 440 с.
5. *Никонова Л.А.* ПраЗемля: стихотворения / Л.А. Никонова. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1984. – 72 с.
6. *Никонова Л.А.* Скрипичный ключ: стихи / Л.А. Никонова. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1974. – 128 с.
7. *Савченко А.К.* История одной фотографии / Проза.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/2022/10/01/548> , свободный (дата обращения 22.02.2024)

УДК 821.161.1

Ларионов А.Э.

Философия истории в творчестве Фёдора Абрамова

Аннотация. Доклад посвящён анализу философско-исторических идей в литературном творчестве Фёдора Абрамова. На конкретных примерах важнейших произведений писателя выделены и комплексно проанализированы важнейшие взгляды писателя на смысл и содержание русской истории. Они рассмотрены в хронологическом развёртывании и органичной взаимосвязи судьбы самого писателя, его книг и литературных героев и читателей. Делается вывод о приоритете традиционной нравственности как основы исторического процесса.

Ключевые слова: философия истории, судьба России, творчество Фёдора Абрамова, нравственные идеалы.

Здравствуйтесь, дорогие братья и сестры! Наше с Вами духовное родство определено любовью к слову великого русского советского писателя Фёдора Александровича Абрамова. Но не только к слову печатному, писательскому. Но и к самому человеку – Фёдору Абрамову, уроженцу северной деревни Веркола, на драгоценной земле которой мне выпало счастье находиться второй раз за последние 7 месяцев (и второй раз в жизни вообще)! Вначале намеревался сделать презентацию, но потом отказался. Глупо было бы показывать абрамовскую листовницу, когда она стоит во всей красе за окном. Также как и помещать портреты писателя на слайды – когда они кругом в музее. Всё равно что приехать в гости к дорогому человеку, и вместо разговора показывать ему его же фотографии, восторгаясь ими, хотя вот же перед тобой живой человек, не меньше тебя стосковавшийся по общению с единомышленником. Потому говорить буду стараться так,

как говорил бы с самим Фёдором Александровичем – выскажу своё понимание его литературных идей, с чем-то он и вы согласитесь, что-то вызовет возражения. В общем, нормальный разговор неравнодушных друг к другу и к судьбе России людей.

Исходное утверждение простое: вся проза и публицистика Фёдора Абрамова историчны! То есть всё его творчество, а следовательно, и личность, пронизаны постоянным острым переживанием, тревогами за судьбу страны, русского народа, малой родины, своих земляков. Он чувствовал пульс истории, сам был её участником и творцом, отнюдь не жертвой во всех больших и малых своих делах. Но какие идеи об истории, о её смысле, об участии и ответственности людей в истории конкретно вложены в абрамовские тексты?

Прежде всего, при чтении любого текста Абрамова мы имеем четырёх равноправных участников: сам писатель, его герои и читатели, наконец, сами книги, которые, как известно, имеют свою судьбу.

Далее, само творчество Фёдора Абрамова можно представить как древо – образ растущей сквозь века лиственницы здесь как нельзя более кстати! Корни творчества: детство писателя, его семья, малая родина, традиции тогда живой народной культуры и веры, нравственности, в которых он возматал, реалии исторической эпохи – от Гражданской войны до начала 1980-х годов. Личная биография, где особое место занимает участие в Великой Отечественной войне, сама война как общенародная беда и общее же дело. Вот все эти перипетии – они и питали творчество писателя. Корни [8].

Ствол. Это, конечно же, стержневая тетралогия – «Братья и сестры». Сучья, ветви, листва – это многочисленные повести, рассказы, этюды, очерки, выступления, публицистика [10].

Наконец, крона – оставшаяся незавершённой «Чистая книга». Она уходит в небеса, в Вечность.

Вот такой образ «Абрамовского древа» сродни мировому древу индоевропейских мифов. Можно уточнить образ, привязав по хронологии малые произведения Абрамова к четырём книгам Пряслинского цикла как вехам творчества, соотнеся с историческими событиями и вехами личной биографии. Сделав как философско-исторические, так и сугубо литературоведческие выводы. Это дело будущего, не на один день.

И мы в дальнейшем изложении будем привязывать свои рассуждения к хронологии, выводить философию истории из конкретных произведений Абрамова, выстраивая отдельные идеи в единую картину, которая создавалась на протяжении всей творческой биографии писателя, доходила до широкого читателя, проникая в плоть и кровь нашего народа. Естественно, всю сумму произведений здесь не проанализировать, это целую книгу можно и нужно писать. Укажу здесь те конкретные произведения, на которые счёл необходимым в первую очередь опираться, из которых вычленил историко-софские идеи и брал цитаты.

1. «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» (1954);
2. «Братья и сёстры» (1958);
3. «Две зимы и три лета» (1968);
4. «Деревянные кони» (1970);
5. «Сюжет и жизнь» (1971);
6. «Пути-перепутья» (1973);
7. «Дом» (1978);
8. «Бревенчатые мавзолеи» (1979);
9. «Чем живём-кормимся» (1979);
10. «Чистая книга»

Буквально в каждой веточке, в каждом листочке дерева абрамовской прозы мы находим биение пульса нашей великой истории. Точкой отсчёта служит критическая статья «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе», опубликованная в №4/1954 «Нового мира» [3]. По сути, с неё состоялось вхождение 34-летнего филолога Фёдора Александровича Абрамова в русскую литературу. Как известно, эта, весьма корректная, но честная и прямая, под стать характеру автора статья, вызвала шумный скандал и едва не поставила крест на дальнейшей литературной биографии автора. Но речь сейчас не об этом. А о тех идеях, которые и сейчас три четверти века спустя не потеряли своего значения. В чём же состоит символическое, философско-историческое значение этой небольшой статьи? Правда жизни, человеческая правда истории выше и важнее лакированных в угоду идеологии схем и сусальных благостных картинок. И выдавать последние за правду социалистического реализма пошло, вредно и безнравственно. Чисто по-человечески можно представить, как негодовал, ругался и смеялся Абрамов, читая пасторальные описания жизни военной и послевоенной деревни, поскольку видел её реалии своими глазами в отпуске после ранения в 1942 году, в 1946 году после демобилизации. Правда истории выше и сильнее и автор, настоящий писатель должен быть с ней! Это и есть его участие в истории. Итак, главная идея первого шага – жить и писать ради Правды! Почти 20 лет спустя, в 1971 году, Абрамов вновь вернётся к вопросу о недопустимости лакировки тяжёлых моментов нашей истории в своём очерке «Сюжет и жизнь» [5].

Вероятно, возмущение розовыми, далёкими от жизни пасторальными сподвигли Абрамова сказать своё слово в крестьянской прозе. Вполне в духе социализма, кстати – критикуя, предлагай! Какой отрывок лучше всего характеризует философию истории в 1-й части эпоса «Братья и сёстры»? На мой взгляд, самая лучшая цитата из финальных страниц романа: «Он попытался представить себе путь журавлей: через фронты, через пожарища, через завесы чёрного дыма, подымающиеся до самого неба... И постепенно в его воображении встала Россия – израненная, окровавленная, в невероятном напряжении ведущая гигантский бой на своих просторах... И постыдными и ничтожными показались ему те личные переживания и муки, которыми он жил и страдал в последнее время. Одно огромное желание: «ВЫСТОЯТЬ!»»,

которым сейчас жила вся страна, захватило его целиком и вытеснило все другие желания» [1, с. 242].

Родина как живая страдающая женщина. Единение своей судьбы с нею, растворение своей жизни в её. И в этом обретение смысла собственной жизни. Тут поневоле напрашивается аналогия с евангельскими словами: «Зерно, аще не умрет, не оживёт». Такая историософская, жертвенная, в духе Русской Традиции идея вызрела в творческом сознании молодого писателя и была донесена в неискажённом виде до читателей.

Но время идёт. Меняется после войны страна и прирастает, многограннее становится взгляд писателя на её непростую судьбу. Во 2-м романе – «Две зимы и три лета» поднимается другая проблема: страна выстояла, как и в прошлые века бывало, выстояла благодаря людям, которые себя не жалели. А как жить дальше, после Победы? И вот самая, на мой взгляд, пронзительная сцена, вроде бы частная, не касающаяся Большой Истории, это картина, когда Мишка Пряслин с лесозаготовок привёз подарки и гостинцы семье: «А вот когда он вытащил из корзины буханку – целую увесистую кирпичину ржаного хлеба, – тут они взволновались не на шутку и в течение всего времени, пока грелся самовар, не сводили глаз со стола... У ребят дыханье перехватило, когда он взялся за буханку. Давно, сколько лет не бывало в их доме такого богатства...

– Пусть запомнят Победу. – Михаил поднял глаза к отцовской карточке. – Это мне начальник лесопункта Кузьма Кузьмич подбросил буханку. – на, помяните, говорит, отца. Вместях раньше работали. Мать и Лизка прослезилась. Петька и Гришка, скорее из вежливости, чтобы не огорчить старшего брата, поглядели на полотенце с петухами. А Татьяна и Федька, с остервенением вгрызаясь в свои пайки, даже и глазом не моргнули. Слово «отец» им ничего не говорило» [Там же. С. 258–259].

Весь драматизм жизни народа в военное лихолетье и после войны здесь показан вживую, как есть. И хлеб как лакомство заморское. И надежда на то, что ещё немного – и житьё поправится. И фотография погибшего отца как икона, как вышний суд для живых. Горечь сиротства. А малые дети и отца не помнят. Страна идёт вперёд, через горе народное, через превозможение. Но и через память, которая хранится как ценность. Хлеб-надежда-горе-память!

Колесо истории делает ещё один поворот, и мы видим северную деревню начала 50-х годов. Годы спустя Абрамов скажет: «Я уже не говорю о подвигах той же русской женщины после войны. Ведь, бедная, думала, что война кончилась – начнется жизнь, а война кончилась – к ней снова: давай хлеб, давай молоко, корми города, давай лес, кубики. И если бы вы знали нашу лесную Россию, сколько поколений девушек были повенчаны с пнем в лесу вместо мужика...» И вот обыденный, казалось бы, образ: Михаил Пряслин идёт по родной деревне после урагана: «Больше всего, конечно, пострадали от тороха вдовья хоромы, к которым Бог знает сколько времени уже не при-трагивалась по-хозяйски мужская рука. Завидев Михаила, бабы протягивали к нему руки, упрашивали, умоляли:

– Михаил... Миша... Помоги...

Он пушил, клял этих разнесчастных дурёх на чём свет стоит и заодно клял себя, потому что знал: пройдёт день-другой – и он снова подставит им своё плечо. Так уж повелось со времён войны: что бы ни случилось, что бы ни стряслось у девушек – так с лёгкой руки Петра Житова в Пекашине называют солдатских вдов, – к нему бегут. К Михаилу. И бесполезно говорить, что в деревне сейчас, помимо него, ещё какое-никакое мужское поголовье завелось. Не слышат» [2, с. 246]. Вот кто настоящий хозяин в деревне – мужик, который думает обо всех. И на нём держится деревня и Россия. Вот это бескорыстное добро и есть основа жизни, всей русской истории.

Наконец, «Дом». Тут, конечно, главная историософская идея в конце, к ней автор, читатель и герои органично подходят всем сюжетом книги, да и всей тетралогии:

«...Была осенняя кромешная темень, был нудный осенний дождик, и было ещё отважное отзывчивое сердце четырнадцатилетнего мальчишки. И он шагал впереди матери, чтобы проложить ей в темноте дорогу, чтобы всю сырость с сосновых лап принять на себя... Так было в 42-м году, когда он провожал мать в район по вызову военкомата. А сейчас? Что стало с ним сейчас?

Отринул, отпихнул от себя родную сестру, самого близкого, самого дорогого человека, с которым всю войну, всё самое страшное пережил вместе. Да как он мог сделать это?

...Ослепительная калёная молния прочертила чёрную просеку дороги впереди... и Михаил вдруг вспомнил отца, его последний наказ: «Сынок, ты понял меня? Понял?»

Тридцать лет назад сказал ему эти слова отец. Сказал в тот день, когда уходил на войну, и тридцать лет он ломал голову над ними, а вот теперь он их, кажется, понял...» [Там же. С. 487]

Мистическая связь времён – слиты в одну осень 42-го и осень 72-го года. Взрослый заматерелый мужик и мальчишка, едва торящий свою тропку в жизни. Возвращение к началу, покаяние и нравственное возрождение. Молния, которая осветила и обожгла совесть. И всё это неразрывно связано с судьбой страны и народа. Предостережение русскому народу: в сытости и достатке не забывать родства и любви. Фёдор Абрамов видел признаки нашего нравственного кризиса, в котором видел и угрозу для державы. Утрата духовного единства и любви. «В последние времена оскудеет в мире любовь». И предупреждал об этом соотечественников.

В покаянном самовопрошании Михаила Пряслина: «Что стало со мной сейчас?!» можно увидеть обращение ко всему народу: призыв к покаянию, который сейчас, почти полвека спустя, звучит ещё острее и громче, надрывнее: «ЧТО стало с НАМИ сейчас?!»

Не менее важно и другое: философия истории у Абрамова очень человечна и личностна, всегда показана через обычных, маленьких людей в «Большой

Истории». Оттого и сама история предстаёт не безликой, а всегда воплощается к обыкновенных, вполне конкретных людях, поступках, характерах. Которые, собственно, и ткуют её полотно. Отсюда и всегдашний вопрос о том, как великие исторические события отражаются на простых людях. И всегда ли можно оправдывать сложными историческими обстоятельствами начальственные глупости и огрехи? И так ли бесконечны народные силы? Сколько можно использовать русский народ как топливо для очередных больших и великих проектов, экспериментов? И что может один маленький человек в истории и для истории?

На все эти вопросы так или иначе Фёдор Абрамов даёт выверенные, даже выстраданные ответы. Но это только одна сторона медали. Есть и обратная.

Это ответственность самого народа, тех самых людей – за себя, за порученное дело, за родную деревню, за всё, что происходит «вокруг да около». Наконец, за судьбу страны! Не сваливая ответственность ни на соседа, ни на власть, ни на заокеанских недругов.

И снова нам на помощь приходят ответвления «Абрамовского древа», повести и рассказы, короткие заметки, каждый из которых вписывается в единую живую картину истории народа. Вот «Деревянные кони» с описанием судьбы простой русской женщины, преображающей мир вокруг себя своим трудолюбием, смирением, добротой. Замечателен в своей искренности финал: «Меня неудержимо потянуло в большой и шумный мир, мне захотелось работать, делать людям добро. Делать так, как делает его и будет делать до своего последнего часа Василиса Милентьевна, эта безвестная, но великая в своих деяниях старая крестьянка из северной лесной глухомани» [5, с. 44]. Повесть написана в 1970 году, между 2-й и 3-й книгами тетралогии. Получается, что народные подвиги и страдания, которым столько времени уделено в романах, не отменяют личной нравственности и ответственности. Личная ответственность за Историю! А потом можно обратиться к публицистическому выступлению «Чем живём-кормимся?» (1979 год) [4]. И здесь та же идея, но возводимая в общий принцип: люди сами ответственны за свою землю! Рядом, в том же году публикуются «Бревенчатые мавзолеи». Коротенький этюд. А проблема глобальная: вымирание русской деревни – основы Русской цивилизации. Призрак смерти России на фоне памяти о недавнем героическом прошлом. И открытый вопрос: что делать с этим?!

Попробуем обобщить весь идейный философско-исторический капитал:

1954 год: требование правды жизни в литературе как отражении недавней истории;

1958 год: «Братья и сёстры»: литературовед вышел на стезю авторства. Жертвенная любовь к Родине – основа жизни;

1968 год: «Две зимы и три лета»: горе перемешано в нашей истории с надеждой и памятью;

1970 год: доброделание как личное участие в истории. Смирение и любовь.

1971 год: статья «Сюжет и жизнь». Сформулировано писательское кредо: художественная правда должна быть основана на правде истории, но обязательно строиться в стремлении к Идеалу. Это личный вклад автора в историю страны.

1973 год. «Пути-перепутья». Бескорыстное добро как основа русской жизни и признак хозяина;

1978 год. «Дом». Материальный достаток как угроза нравственности. Покаяние и очищение как путь в будущее.

1978–1979 гг. «Бревенчатые мавзолеи», «Чем живём-кормимся»: Россия, русский народ на распутье, которого никто не видит и не ощущает. Угроза духовной смерти, но и рядом мечта как указание пути: «И почему бы уже сегодня не представить Верколу будущего? Сады, цветники, своё парниковое хозяйство, свой дом быта с разного рода услугами, которые наконец-то освободят сельскую женщину от трудоёмких домашних работ, дом подлинной культуры, где дружат старина и современность, где каждый будет не только зрителем, но и участником, творческим человеком. И конечно же, ухоженная земля, коровы-пятитысячницы и воспетый в песнях и сказках резвый конь, без которого на Севере не обойтись. Быть или не быть такой Верколе – зависит от вас, дорогие земляки».

Всё сказанное можно применить ко всей нашей Матушке-России, к каждому из нас.

Наконец, «Чистая книга». Незаконченное произведение-эпопея. Многоплановостью должна была превзойти «Братьев и сестёр». Как и духовной глубиной, охватом эпохи, характерами. Трудно, почти невозможно угадать весь авторский замысел. Да и неблагоприятное это дело. Но вот запись от 30 марта 1979 года: «Великий день. Открылась философия «Чистой книги». Жизнь в своих истоках всегда чистая, и нравственная высота человека определяется тем, насколько он близок к этим истокам, в какой мере он несёт в себе эту чистоту, насколько он художник, творец...» [5, с. 659–660]

Есть нечто символическое в самом факте незаконченности «Чистой книги». Она – как завещание и наказ всем нам – дописать её своей жизнью.

Таково, вкратце, моё видение философии истории в творчестве и жизни Фёдора Абрамова, где он сам, его книги, герои и читатели предстают в качестве равноправных со-творцов родной истории, в неразрывной живой связи с прошлым, с чувством любви и ответственности за себя, за своё дело, за судьбу страны. И всё это выстрадано собственной жизнью. И даже в самых тягостных сценах, раздумьях есть место мечте, идеалу. Нет чернухи. Есть самокритика, трезвый взгляд на наши народные недостатки. Но обязательно есть свет и вера в добро, в Бога, в Россию. Потому выскажу резкое мнение: очень надеюсь, что когда-то из школьной программы уберут чернушника и предателя Солженицына, но в обязательном порядке введут Абрамова как крупнейшего русского писателя XX века. А на уроках и лекциях по истории его произведения станут рассматриваться как источ-

ник бесценных сведений о судьбах России в ушедшем столетии и как один из маяков на пути в будущее.

Источники и литература:

1. *Абрамов Ф.А.* Братья и сёстры: роман в 4-х книгах. Кн. 1-я: Братья и сёстры. Кн. 2-я: Две зимы и три лета. М.: Вече, 2023. – 544 с.;
2. *Абрамов Ф.А.* Братья и сёстры: роман в 4-х книгах. Кн. 3-я: Пути-перепутья. Кн. 4-я: Дом. М.: Вече, 2023. – 560 с.;
3. *Абрамов Ф.А.* Люди колхозной деревни в послевоенной прозе (Литературные заметки) // Новый мир. №4/1954. С. 210–231;
4. *Абрамов Ф.А.* Чем живём-кормимся // Абрамов Ф.А. Собрание сочинений в 3-х томах. Том 3. Л.: Художественная литература, 1982. С. 666–674;
5. *Абрамов Ф.А.* Чистая книга. М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 800 с.;
6. *Абрамов Ф.А.* Сюжет и жизнь // Абрамов Ф.А. Собрание сочинений в 3-х томах. Том 3. Л.: Художественная литература, 1982. С. 571–579;
7. *Доморощенин С.Н.* Великий счастливцев: биография Фёдора Абрамова. Архангельск: КИРА, 2020. – 476 с.;
8. *Коняев Н.М.* Житие Фёдора Абрамова. М.: Вече, 2023. – 464 с.;
9. *Крутикова-Абрамова Л.В.* Дом в Верколе. Л.: Советский писатель, 1988. – 376 с.;
10. *Трушин О.Д.* «Тихий Дон» Русского Севера. М.: Изд-во ИКАР, 2021. – 284 с.

Леонович Н.С.

Абрамовские родники

Осознанность в работе с произведениями Ф. Абрамова состоит в том, чтобы читатели понимали и принимали жизнеописание минувшего времени в сопричастности с интересом личного творческого поиска при формировании нравственных ориентиров для ответственного социального, профессионального выбора.

Именно деревенский уклад, связь с малой родиной, ценность преобразующего мир крестьянского труда, столь близкие писателю Ф.А. Абрамову, дают возможность провести исторические, литературные, житейские параллели вечных законов, которые определяли русскую традицию, почитаемую нашими земляками-северянами. Сквозь дымку времени, суетность и круговерть событий, (не всегда и не только молодые люди), в силу возраста или иных особенностей личности, могут точно определить целевую направленность своих действий, поступков, ценность первых свершений и достижений в современном мире.

Научить человека делать свой ответственный выбор, при этом пояснять понятия «духовность», «совестливость», «честность», «правдивость», «человеколюбие», кажущиеся атавизмом века нынешнего, вот задача воспитательная, которая решается самостоятельными или дискуссионными размышлениями о смысле событий настоящего и прошлого во имя будущего, с примерами жизнеописания известных Абрамовских героев романа «Братья и сестры» или рассказов «Трава-мурава».

Первый вопрос в разговоре с молодежью в данной тематике: зачем или почему это происходит в твоём мире? Вопрос многослойный, на который должно дать последовательный и, возможно, многоступенчатый ответ, углубляясь в суть, в седцевину зерна познания, откуда появится росток собственного аргументированного мнения.

Зачем мне это знание? Зачем я появился на свет? Почему говорят: труд на пользу? Приводя литературные примеры, необходимо актуализировать их важность для сегодняшнего дня, с пониманием трансформации традиций,

чтобы приведённые литературные примеры помогали решать и насущные проблемы. Сопричастность – вот организующая сила устремленности к углубленному познанию, шаг к убежденности.

В Абрамовской теме для меня интересен поиск ответов на вопросы: каковы мотивы и пути, свойства силы преодоления рамочных условий, препятствий, системных ограничений при сохранении духовных принципов, целостности личности. Примеры Абрамовских героев и судьбы земляков из Пинежской Верколы, родины писателя, тому в научение.

Самой красивой называл Верколу Федор Абрамов, в наше время звание самой красивой деревни России официально заслуженно присвоено ей, не только потому, что здесь родился писатель, сохраняются традиции северного зодчества и ремёсел, но от того, что сельчане верны законам, которые определил в «Чистой книге» писатель.

Поэтическое обращение к судьбам известных людей Верколы, прижизненно знавших Федора Александровича, изложено в моём авторском сборнике «Абрамовские родники».

Название определяет ту самую причастность к духовному родству веркольчан со знаменитым писателем. На Пинежье «того назовут родником, кто близок по крови, по духу, по слову, кто дело своё прямиком стремится неустанно, сквозь тернии к звездам, упорствуя в честном труде...» (А.р.)

Мое духовное единение с веркольскими друзьями – библиотекарем Ольгой Алиной, балагуром, знатоком-травником Александром Богдановым, хозяйкой гостевого дома Татьяной Седуновой – помогало более 11 лет организовывать в деревне открытый областной фестиваль творческого поиска «Веркольские первоцветы», целью которого было молодежное погружение в пинежский традиционный быт, фольклор в музейное и литературное наследие Ф.А. Абрамова, северных авторов и мастеров-прикладников через различные виды активности: мастер-классы, концерты, эстафеты, трудовую экологическую деятельность. Экскурсионные театрализованные формы работы, кино- и радиорепортажи, творческие выставки объединяли юных жителей городов и деревень нашей области. Ежегодно от 60 до 200 человек на три июньских дня погружались в атмосферу сотворчества, взаимодействия, что вызывало последующий интерес к постижению истории и традиций абрамовской Верколы. Молодежный фестиваль посвящен памяти веркольчанина, краеведа, поэта, сценариста, оператора, участника народного хора, талантливого Алексея Алины, который, работая в музее Ф. Абрамова, знакомил гостей деревни с творчеством писателя через экскурсии, свои авторские фильмы, стихи. Был подвижником Абрамовской темы. Ему посвящается поэтическое эссе в моем сборнике «Абрамовские родники».

В этом сборнике я не могла не запечатлеть образ веркольского Пиромани, друга Ф. Абрамова, художника Д.М. Клопова, который тоже активно участвовал в фестивале «Веркольские первоцветы», устраивая для гостей вернисажи своих работ.

*«Сколько в Пинежье гостите?
Ладно, покажу обитель,
Над картинами смотритель
Сам, с горушкой закрома...»*

А ведь большую часть времени художника занимал деревенский быт. «Грядки, козы – тоже дело, на большак не ступишь смело, коль скотинка приболела, коль в хозяйстве не лады...». Вместе с участниками фестиваля «Веркольские первоцветы» мы устроили персональную выставку в областном краеведческом музее Архангельска. Надо было видеть глаза самодеятельного художника, исполнившего свою давнюю мечту. Такое внимание к человеку-творцу сродни абрамовскому мироощущению.

Великой труженицей, организатором советского колхозного строя на севере была веркольчанка, песенница Мария Николаевна Кадашова. «...чтобы песню держать, надо вольно дышать...» (А.р.) Она много рассказывала школьникам о встречах с Ф. Абрамовым, о беседах с ним про пинежскую деревенскую жизнь, о трудностях военной поры.

Пример изобретательского творчества в лесной отрасли народного хозяйства СССР показал своей жизнью ученый, уроженец Верколы К. Вороницын, «чтоб рацпредложений ленту сделать практикой побед». (А.р.)

Эти и другие образы веркольчан, абрамовских единомышленников, продолжают современный поиск «человека в человеке». «Абрамовские родники» – это портреты, истории жизни хорошо известных мне людей, которые считают свою миссию естественной и выполняют ее старательно, честно. Изначальное знание очевидца событий добавляет автору сборника достоверности, определяет интерес читательской и слушательской аудитории. С беседами по книге «Абрамовские родники» я хожу по школам, библиотекам, музеям Архангельской области. Участвую в Абрамовских днях памяти писателя. Старшие школьники активно участвуют в обсуждении, вступают в диалог, ищут ответы на жизненно важные вопросы. А потому разбор текста поэтического эссе из «Абрамовских родников», с показом артефактов, фотографий и репродукций, дает возможность и городским школьникам, с которыми провожу тематические беседы, анализировать ценностные понятия, вести размышления о перспективах развития северной деревни, а значит, и абрамовских идей. Работает изустная передача материала.

Писать про деревенскую жизнь просто и понятно, чувственно – это задача нового поколения литераторов, задача читателей выбрать из информационного потока полезное знание, а потому важна роль подвижников краеведения, новых форм аналитического осмысления современной действительности в сочетании с художественными литературными находками, чтобы освоение и преумножение нематериального достояния северной культуры стало потребностью завтрашнего дня.

Незговоров С.В.

Лингвистические средства создания портрета личности в публицистике Ф.А. Абрамова на примере очерка «Деревеньку зовут Тимониха»

Аннотация. В данной статье внимание сосредоточено на приемах создания портрета героя очерка «Деревеньку зовут Тимониха» вологодского писателя В.И. Белова. Проанализированы формы, использованные автором очерка, а также использование оценочных суждений при создании портрета персонажа.

Ключевые слова: портрет персонажа, оценочные суждения, приемы создания портрета.

В сборнике Федора Александровича Абрамова «Чем живем-кормимся» в разделе «Литературные портреты» опубликован портретный очерк «Деревеньку зовут Тимониха», главный герой которого вологодский писатель Василий Иванович Белов.

Известны различные приемы создания портрета персонажа в очерке. Рассмотрим некоторые из них на материале указанного выше произведения.

Наиболее часто авторы очерков для формирования читателем образа персонажа используют описание внешности героя публикации. В исследуемом тексте автор описывает внешность В.И. Белова в период их первых встреч: *...на редкость моложавого, тогда еще гололицего, без нынешней, всем известной бороды <...> глаза – широко распахнутые, младенческие, простодушные и в то же время скорбные, налитые тревогой и болью за все живое на Земле.* Мы видим не просто описание внешности, а оценочный взгляд автора на героя публикации. Автором используются прилагательные, выража-

ющие оценку *моложавый, простодушные*. Формировать образ персонажа помогают и метафоры *широко распахнутые, младенческие, налитые тревогой и болью*. Е.Е. Дмитриева пишет: «С помощью метафоры не только передается информация, но и создается определенная языковая картина мира в сознании читателя, реализуется воздействующая функция публицистики» [2, с. 86].

С первой строки Федор Абрамов называет героя публикации другом: *Никогда не забуду, как начиналась наша дружба*. Далее в тексте приводится описание посещения автором малой родины героя публикации, вологодской деревни Тимониха. И опять мы видим авторскую оценку персонажа – сопоставление его с классиками: *Пушкин – Михайловское, Лев Толстой – Ясная Поляна, Тургенев – Спасское-Лутовиново... А что за земля, взрастившая Белова? Тимониха, лесная деревенька на Вологодчине*.

Сам Федор Александрович Абрамов – выходец из деревни Веркола Архангельской области, ему понятен деревенский быт, деревенские нравы, особенности деревенской жизни. Именно в своей родной стихии, в деревне, представлен Абрамовым его друг и коллега Василий Белов.

Здесь используется еще один важный прием портретизации – рассказ героя публикации о себе: *...ранней весной, еще снег не весь сошел, я с лужей состязался. Версты две босиком брел <...> Дома две недели подряд баню топили, чтобы ноги направить*. Этот короткий рассказ представляет читателю Василия Белова как человека выносливого и решительного, мы узнаем, что эти качества, выносливость и решительность, он проявлял уже в детские годы. С помощью этого же приема показано и то, что семья Беловых жила трудно: *Ходил в одну деревню тряпки на хлеб менять, да заодно и сапожонки променял...*

Трудолюбие писателя тоже из детства, как и страсть к машинам. И в этом случае используется такой прием создания портрета персонажа, как указание на его личные качества. При этом Абрамов пишет, что истосковались они оба в городе по деревенской работе: *Жадно набрасывались на дрова, перекапывали грядки на задах, «браконьерничали» понемногу старой сетешкой в лесном озере (надо же чем-то кормиться, убирали двор)*, а далее опять идет авторская оценка: *О деревенских ремеслах я не говорю – тут Белов академик...* Слово *академик* означает – член академии, то есть высшего научного учреждения [5, с. 27], а значит, и В. Белов обладает высочайшим уровнем знаний о деревенских ремеслах и крестьянской жизни. Неслучайно Белов является автором книги «Лад. Очерки о народной эстетике», где описано от деревенских профессий до значений слов.

Еще одно качество, формирующее портрет В. Белова, – гостеприимство. *Каждый день к Беловым заходили гости – старики, старухи, ребяташки (любят Белова земляки)...*

Обращается Ф.А. Абрамов и к рассказу матери В. Белова, Анфисы Ивановны. Она вспоминает детские годы писателя в вологодской деревне:

Задумистый был. Редко играл в ребячьи игры, все больше один. Читает, что-нибудь делает, строит. Этот рассказ тоже выделим, как один из приемов создания портрета. Важность этого приёма – возможность показать речевые особенности персонажей через слова, свойственные этому персонажу. Так в речи Анфисы Ивановны Беловой используется слово *задумистый*, а сам Василий Иванович Белов в сообщении о публикации своего рассказа называет свое произведение *рассказишко*, Абрамов оценил это слово, как показатель *свойственной северянам скромности*. И вновь представлена авторская оценка.

В современной стилистике социальная оценочность представляется как одна из главных особенностей языка газеты (публицистики), которой нужны не только номинации фактов, явлений и событий, но и их социальная оценка и интерпретация [4, с. 68].

Обратимся к заголовку. «Заголовок должен не просто назвать, обозначить тему, он должен сообщить о факте, событии, формировать отношение к нему, передавать авторскую позицию» [3, с. 71]. Так происходит и в исследуемом тексте. Для Ф.А. Абрамова малая родина Василия Белова предстает как живой организм, неслучайно он использует слово *зовут* вместо *называется*. А своего персонажа он вновь оценивает метафорой. Для Абрамова творчество Василия Белова как луч света, исходящий из этой деревни: *Ни на одной карте мира не помечена Тимониха. Но есть, есть такая деревенька на Вологодчине, и свет ее далеко-далеко расходится по Земле.*

Таким образом, для формирования портрета персонажа в публицистическом тексте Ф.А. Абрамова «Деревеньку зовут Тимониха» используется описание внешности, речи, поступков, характера персонажа, рассказ о герое повествования его матери. Однако для полноценного создания портрета автор использует оценочные суждения, позволяющие читателю более точно представить героя очерка.

Источники и литература:

1. Абрамов Ф.А. Чем живем-кормимся: Очерки; Статьи; Воспоминания; Литературные портреты; Заметки; Размышления; Беседы; Интервью; Выступления / сост. Л. Крутикова-Абрамова. – Л.: Сов. писатель, 1986. – 528 с.

2. Дмитриева Е.Е. Развитие языковой компетенции студентов при изучении газетной публицистики / Е.Е. Дмитриева // Проблемы преподавания филологических дисциплин в высшей школе : Материалы докладов и сообщений XXVIII международной научно-методической конференции, Санкт-Петербург, 15 апреля 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2023. – С. 85–91.

3. Житенева Л.И. Ориентиры газетного номера // Русская речь. 1984. № 3. С. 71.

4. *Клушина Н.И.* Коммуникативная стилистика публицистического текста. // Мир русского слова. 2008. №4. С. 67–70.
5. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1991.

Немиров П.И.

Земляки Федора Абрамова

Аннотация. Выступление посвящено землякам Федора Абрамова. Деревня Веркола дала миру великих людей: ученого, писателя, художника, мастеров своего дела, которые прославили свою малую родину на весь мир.

Ключевые слова: деревенская проза, Пинежье, родина, дом, память.

Первый топор Верколы

Так образно называл своего друга Николая Минина писатель Федор Абрамов. Оба они уроженцы своей родной Верколы, оба участники Великой Отечественной войны. Они были хорошими друзьями до последних дней своей жизни. В газете «Пинежская правда» за 24 июля 1976 года была опубликована статья писателя. Приведу ее с сокращением:

«Восемнадцать лет было Николаю Степановичу, когда он на войне лишился ноги. И вот не дрогнул, не пал духом человек, а смело принял новый бой – бой с послевоенной разрухой. Скотные дворы, телятники, разные хозяйственные постройки в деревне – все это дело его умелых, поистине золотых рук. От Николая Степановича пошла обновляться и расти послевоенная Веркола».

Возводились новые добротные дома, их надо было обустраивать и, в первую очередь, делать теплыми. А для этого необходимы были печки.

Как-то побывал Николай у соседа, который у себя в доме ложил печку. Внимательно посмотрел. Разговорились. У него проснулся большой интерес к этому, на первый взгляд, несложному делу. За ночь весь процесс кладки печки перевернул не раз в своей голове. Возникли вопросы, на следующий день он пришел снова, еще раз проконсультировался. Первую свою печку самой простой конструкции «голландку» он сложил уже самостоятельно. Николай быстро освоил эту науку и спустя совсем немного времени стал отличным мастером печных дел.

Его приглашали в прорабы, к нему обращались за советом, когда ставили новый дом. Не зря закрепилось за ним ласковое прозвище «Папа» – он и в самом деле занял место отца в жизни послевоенной безотцовщины. У Николая Степановича была большая семья, которая быстро пополнялась. Супруги начали строительство собственного дома, места в котором хватало бы всем.

Первой пошла по земле Надя, затем Татьяна, сыновья Александр и Евгений, дочь Катерина, названная в честь бабушки, а всего их было пятеро. В конце пятидесятых годов всю семью запечатлел на фотографии, пришедший в гости к Мининым Федор Александрович.

Николай Степанович любил острое слово, часу не мог прожить без шутки и скоморошины. Да и как было иначе?

От себя хочу добавить, что Николай Степанович любил пошутить, бывая в Карпогорах, обязательно навещал мою мать-старушку, которая жила одна. Двери в дом не запирались. Николай Степанович, перед тем как зайти, стучал долго в дверь.

– Заходи, – отвечала старушка.

Никто не заходил. Снова стук.

– Да кто там стучит? Заходи, – сердилась старушка.

Лишь после третьего стука дверь осторожно приоткрывалась, и на пороге появлялся гость.

– Опять шутишь, Николай? – строго спрашивала хозяйка.

– Я думал, что у тебя в гостях кавалеры-мальчики, – хитро улыбаясь, отвечал Минин.

– Давно отошли все кавалеры-мальчики, закрывай дверь, а то избу выступишь, – приглашала гостя, вставая с кровати мать.

Такие шутки часто повторялись и заканчивались чаепитием с традиционной стопочкой, зачастую и не одной.

Продолжим воспоминания Федора Абрамова:

«Я помню, не раз видывал, как его под руки приводили домой со стройки – ну-ка, попробуй, попрыгай целый день на одной ноге, помозоль угол! А вот лето приходит, самая лучшая пора в жизни северянина.

А для Николая Степановича эта лучшая пора – сущий ад, потому что и без того капризная культа не терпит жары, и приходится днями, а иногда и неделями томиться дома, ползать или, как любил говаривать Минин, вместе со своими малыми ребятами предаваться забавам детства.

Без шутки, да без веселого слова никуда такому человеку. И без книги. Николай Степанович дружил с книгой. Он был, пожалуй, самым яростным читателем села. И это тоже одна из причин того, что к нему так жадно тянулись люди всех возрастов. Он много знал, с ним было интересно говорить.

У Николая Степановича были слабости, и немалые. Но он заслужил, чтобы его добрым словом вспоминали земляки, все знавшие его пинежане».

Трудно к такой статье что-то добавить о Н.С. Минине.

Николай Степанович приходился мне близким родственником. Его жена Фаина Павловна – моя двоюродная сестра.

Нелегкая ему выпала доля. Он был последним ребенком в большой многодетной семье. Его родители жили в околке Хярга, что выше Верколы на два километра. Из детских воспоминаний остались частые, особенно в весеннюю пору, прогулки со сверстниками на угор. Отсюда хорошо была видна река Пинега, могучая весной, и будившие покой местных жителей своими гудками, проходившие по ней пароходы.

...9 мая. Пришел долгожданный День Победы. Много слез и горя принесла та война. Почти полторы сотни веркольских мужиков не вернулись с фронта домой. В победном 45 году началась трудная мирная жизнь.

А дел по строительству хватало. Восстанавливали старое, строили новое. Особого внимания заслуживала новая конюшня, ее возводили с особой любовью. Лошадь была основным помощником колхозника практически во всех его делах в те годы.

Надо заметить, что и жители деревни с каждым годом стали увеличивать так называемое индивидуальное жилищное строительство. Уже в те годы лучшего плотника в деревне не было.

Старшие дети, заигравшись, прильнут к отцу. Начнут расспрашивать о войне. Но не любил разговаривать Николай Степанович о своей военной жизни, не любил вспоминать все тяготы войны.

В этом я сам не раз убеждался при наших встречах, под разным предлогом пытаюсь, подробнее узнать о боевом пути своего родственника. Николай Степанович, помолчав, обычно переводил разговор на другую тему.

Приведу воспоминания пинежан о Н.С. Минине.

В своих воспоминаниях Юрий Александрович Рогалев, житель д. Веркола поведал мне при нашей встрече интересную историю про постриг.

Улыбаясь, Юрий Александрович, подтвердил это увлечение Николая Степановича. В свободное время тот постригал веркольских мужиков. В этом деле он слыл у односельчан большим мастером.

– Да было такое дело. Существовало правило: выполнять постриг головы «под наркозом» и без него. При первом случае оба – клиент и парикмахер – перед началом стрижки немного выпивали.

По воспоминаниям Г.С. Гусевой, председателя районного совета ветеранов, она была родственницей Минина по материнской линии. Галина Степановна отметила большую любовь Минина к новым книгам:

– При очередном нашем посещении Мининых он был слегка навеселе. Мама заметила его бодрое настроение и спросила, почему он такой веселый.

На что Николай Степанович ответил:

– Для этого есть причина. Ты знаешь, ведь Федя-то у нас стал писателем и мне направил свою книгу «Братья и сестры».

Это был номер «Роман газеты».

Отношения писателя с Н.С. Мининым не всегда были безоблачными.

Самый большой интерес, несомненно, представляет третье письмо писателя своему другу. Оно датировано 1 июня 1963 года в самый разгар травли писателя, развязанной властями после выхода его повести «Вокруг да около». Тогда было сочинено открытое письмо-обращение земляков к писателю. Оно называлось «К чему зовешь нас земляк?». Его подписали уважаемые не только в Верколе, но и в районе люди, многих из них я хорошо знал. Знаменательно, что первой стояла подпись плотника Николая Степановича Минина, хорошего друга Федора Абрамова. Позднее он поведал мне, как собирали подписи под этим письмом.

Напрашивается вопрос: почему первым поставили подпись Н. Минина? Ответ простой. К тому времени у Николая Степановича был большой авторитет как в колхозе, так и в деревне. На все происходящее у него был свой взгляд, свое отношение и позиция, которую он отстаивал до конца. Он верил в свою правоту, боролся за нее до конца. Его мнение было определяющим.

В нашей беседе Юрий Александрович Рогалев рассказал, как собирали подписи под этим письмом.

– Было такое дело. Приехали из райкома партии. Припугнули, сказали, что участки сенные отберут, ведь сено ставили только на отдаленных участках. А чем кормить в деревне скотину? Если с кошельем сена кто-то попадался бригадиру, то сено обобществляли, кошель ломали. Вот люди и подписывали это письмо. Все это была работа организованная идеологическим отделом райкома партии, которому дали команду сверху, провести очередную травлю и очернительство творчества писателя, которое, как доказала вся последующая жизнь, бессмертно. А о работниках идеологического отдела теперь вряд ли кто и вспомнит, как и вообще об этих отделах, что такие были.

Из письма Федора Абрамова Минину: «Я всегда считал и продолжаю считать Вас умнейшим человеком в Верколе. И это не комплимент, не желание оправдаться перед Вами (мне не в чем оправдываться!). Это мое искреннее мнение.

Не знаю, убедят ли Вас мои объяснения. Но мне хочется думать, что те добрые отношения, которые существовали между нами, сохранятся и впредь...»

Прав был писатель. Отношения у друзей сохранились и продолжались развиваться дальше с такой же искренностью, скрепленные дружбой и постоянным чувством юмора.

Умер Николай Степанович 17 июля 1976 года во сне.

Многое сделал для организации похорон Федор Александрович Абрамов. Нашел машину, оказал помощь в изготовлении домовины и во многих других делах.

21 июля 1976 года в своем дневнике писатель отметил:

«Самое главное событие этой недели – смерть Ник. Степ. Минина... На кладбище я сказал слово. Некоторые плакали. А сегодня утром написал заметку в районку: Ник. Степ. заслужил, чтобы его добрым словом вспоминали...».

Гений из Верколы

О Константине Ивановиче Вороницыне, крупнейшем и известном во всем мире ученом, его делах, в настоящее время знают немногие. В шестидесятые годы прошлого века я учился в АЛТИ. С самого первого курса я уже знал, что в стенах этого ВУЗа совсем недавно плодотворно работал наш пинежанин – заведующий кафедрой тяговых машин К.И. Вороницын, который с 1954 года руководил столичным научно-исследовательским институтом механизации и электрофикации – ЦНИИМЭ. Константин Иванович изобрел электропилы и сучкорезки, а также другие механизмы в лесозаготовительной промышленности, дважды лауреат Государственной премии.

Родился Константин Иванович 8 января 1913 года в деревне Веркола Карпогорского района Архангельской области в многодетной крестьянской семье, он был четвертым ребенком. Отец, Иван Алексеевич, как и многие в то время крестьяне, занимался сельским хозяйством, а также заготавливал и сдавал местным лесопромышленникам древесину, промышлял охотой. Мать Мария Алексеевна занималась домашним хозяйством, поднимала на ноги пятерых детей.

В 1934 году Константин Иванович с отличием окончил институт и получил специальность «инженер-технолог по сухопутному транспорту». В 1940 году успешно защитил кандидатскую диссертацию.

Работая в АЛТИ, Константин Иванович курировал строительство Сурской и Лавельской узкоколейных железных дорог в 1948–52 годах.

14 лет заведовал кафедрой тяговых машин. Сотрудниками кафедры под руководством Константина Ивановича Вороницына велась разработка электропил и сучкорезного инструмента.

В те годы лесозаготовительная промышленность находилась в крайне тяжелом положении, использовалось много ручного труда и гужевого транспорта. Именно в этот период народное хозяйство остро нуждалось в древесине. Ученые, конструкторы и изобретатели усиленно работали над моторными цепными пилами. Первая, нашедшая применение, была электромоторная пила ВАКООП, сконструированная в Архангельске.

Эта пила расширила механизацию валки и раскряжевки леса, но не удовлетворила лесозаготовителей из-за большого веса, недостаточной длины пильной шины и необходимости её обслуживания двумя рабочими. Вскоре конструкторским бюро, которое возглавил Константин Вороницын, в 1949 году была создана легкая электромоторная пила ЦНИИМЭ – К5, внедрение которой открыло новый этап в развитии механизированной заготовки леса.

За создание и освоение легких электромоторных пил авторы изобретения во главе с К.И. Вороницыным были удостоены звания лауреатов Сталинской премии II степени, позднее она стала называться Государственной.

Следующей крупной вехой в деле механизации заготовки леса явилось создание в 1954–1957 гг. ЦНИИМЭ легкой и надежной в эксплуатации бензиномоторной пилы «Дружба-55». На всемирной промышленной выставке

в Брюсселе в 1957 году бензомоторная пила «Дружба-60» получила золотую медаль. Директором этого института с мая 1954 года был назначен Константин Иванович Вороницын.

Институт работал над изобретением и внедрением специальных трелевочных тракторов, сучкорезок, поточных линий разделки древесины, челюстных погрузчиков для лесной промышленности. В семидесятых годах это был уже крупный исследовательский центр, в чем немалая заслуга Константина Вороницына, который под его руководством стал общепризнанным лидером лесотехнической науки.

В 1975 году Константину Вороницыну и группе ученых была присуждена Государственная премия за разработку и внедрение в промышленность высокоэффективной технологии лесозаготовок.

Для Константина Ивановича это была вторая Государственная премия. В этом же году Государственная премия была присуждена писателю-земляку Федору Абрамову. Два уроженца деревни Веркола за свой труд в совершенно разных областях деятельности в одном году удостоены высокой награды Родины.

Два знаменитых земляка летом 1980 года, когда они вместе оказались в родной деревне Верколе. Продолжительная дружба сохранилась у Константина Ивановича с его земляком, известным российским писателем Федором Абрамовым, с которым они неоднократно встречались на малой родине в деревне Веркола.

Двадцать два года К.И. Вороницын руководил Институтом ЦНИИМЭ.

Это был титан, который охватил всю лесную промышленность страны.

В апреле 1980 года Константин Иванович приехал к нам в район знакомиться с «Сийской» технологией, а также детально ее изучить. Она в то время называлась еще – «Сийский вариант». Константин Иванович приехал вместе со своим помощником Гугелевым Семеном Матвеевичем в Сийский ЛПХ. Константин Иванович удивился и высоко оценил изобретение первооткрывателей из Сийского лесспромхоза. Все механизмы в лесозаготовительной промышленности были переделаны на Сийскую технологию.

Во время очередной поездки в Верколу Ольга Витальевна Алина передала мне интересный материал воспоминаний о К.И. Вороницыне. Его автор – доктор технических наук, профессор, академик РАЕН Виктор Иванович Алябьев. Он много лет работал с Константином Ивановичем в ЦНИИМЭ. Привожу выдержки из воспоминаний:

«ЦНИИМЭ имел огромный авторитет в лесной отрасли и не только в СССР, но и во всем мире. Именно К.И. Вороницын вывел институт на мировой уровень. Став членом лесного комитета при Организации Объединенных Наций в Женеве, он трижды избирался его председателем. В лесном комитете Константин Иванович пользовался авторитетом и уважением. Обладавший невероятной работоспособностью и увлеченностью, К.И. Вороницын успевал участвовать и в работе общественных организаций: партийных и

советских органов, научно-технического общества, в редколлегии журнала «Лесная промышленность».

Создание института ЦНИИМЭ и опытных леспромхозов – это, безусловно, личная заслуга Вороницына Константина Ивановича.

Светлая память о Константине Ивановиче Вороницыне навсегда сохранится в сердцах тех, кто его знал и с кем он контактировал».

12 октября 2014 года в Верколе состоялось торжественное открытие памятного знака выдающемуся ученому, дважды лауреату Государственной премии Константину Ивановичу Вороницыну. На открытие приехал из Москвы, как говорят местные жители, «самый главный и дорогой гость» – сын ученого Владимир Константинович Вороницын.

Работая над этим материалом о выдающемся земляке, мне постоянно не давала покоя мысль: почему же так произошло, что наша страна утратила роль лидера как в проектировании, так и изготовлении лесозаготовительной техники. Ведь с закрытием института ЦНИИМЭ, которым руководил К.И. Вороницын, 100 его сотрудников продолжили свою работу в Лос-Анжелесе. С этим вопросом я обратился к нашему земляку директору по лесозаготовительной деятельности ООО ПКТ «Титан» Альберту Васильевичу Пестову. Вот что он мне ответил:

– Все это было возможно лишь только тогда, когда собственник всего этого был один – государство! В связи с известными событиями, произошедшими в 90-х годах, государство как собственник перестало существовать. Соответственно все это сказалось на всех отраслях народного хозяйства. В том числе и на лесозаготовках. В течение десятка лет больше половины предприятий просто перестали существовать. Техника вытеснялась импортными тракторами. И на сегодня в лесу на заготовке исключительно харвесторы и форвардеры. Причем следует заметить, что это самая лучшая техника в мире!

Но все это импорт, который при определенных политических моментах, таких как применение санкций, может попасть под запрет и поставке в нашу страну. То есть мы в настоящее время на лесозаготовках попали под полную зависимость от импорта.

Нельзя исключить и того, что возможно возобновление лесозаготовительной техники внутри страны, но для этого необходима и роль государства и экономические предпосылки.

Так что поживем, увидим. В истории часто все повторяется!

Пинежский Пиросмани

Так называл своего друга Федор Абрамов. Он писал: «Клопов – художник... Кто в Верколе его всерьез принимал? Репин – да и только. А в клубе выставка его работ (живопись, птицы щепяные игрушки), и народ валом валит. Выставку открывал я, а перед открытием сказал много слов о своем друге. Имело это значение для веркольцев?»

Должен признаться, я тоже по-новому увидел живопись Клопова. Очень неплохо. За некоторые вещи – ручаюсь – не было бы стыдно даже профессиональному художнику. Эх, пропал талант!».

У этого невысокого роста, на вид очень простого человека, действительно, очень обычная биография. Вся его жизнь связана с родной деревней Веркола. Здесь он родился в 1935 году в семье колхозников Михаила Николаевича и Варвары Трофимовны Клоповых. Отец ушел на фронт и погиб в первый год войны. Трудное полуголодное детство. С малых лет, как и другие его сверстники, Митя Клопов был приучен к труду. Работал в колхозе, затем был призван в армию, как и все в то время, три года служил в радиотехнических войсках. Много профессий сменил Дмитрий Клопов на своем веку. 14 лет трудился в лесной промышленности. Строил дороги, работал в строительной бригаде, возил людей и грузы. Учил ребят в местной школе рисованию и черчению.

Казалось бы, ничего необычного нет в судьбе нашего героя. Но уже одно упоминание о том, что Дмитрий Клопов в 1963 году окончил художественный факультет заочного народного университета искусств имени Н.К. Крупской, а посоветовал поступать туда ему другой пинежский художник В.Н. Бутюков, говорит об одном из его увлечений – художественной живописью.

Именно на этом мы и заострим дальнейшее внимание. В своем письме Дмитрию Клопову от 24 марта 1982 года Федор Абрамов писал:

«Великий художник, великий охотник, великий специалист по девкам... Не знаешь, как тебя теперь и величать, Михайлович!

Получил твое «Северное сияние». Дух захватило. И глазами влип намертво. Неужели ты видал такое чудо? Цветное зарево в ночном небе? Я – нет, я за всю жизнь, кроме серебра, ничего не видал. Ну а тебе повезло. Поздравляю. А главное – написано хорошо. Дай бог профессионалу иному. В общем, картина мне очень понравилась, и я смотрю на нее каждый день».

Последняя моя встреча с Дмитрием Михайловичем состоялась на его персональной выставке в Карпогорах в феврале 2015 года в канун восьмидесятилетия художника, а также 95-летия Федора Абрамова. Выступая с приветственным словом к юбиляру, я привел слова Федора Абрамова из его последнего письма к Клопову. Это очень растрогало Дмитрия Михайловича, он не выдержал и встал, рассказал присутствующим в зале о своей переписке с писателем-земляком.

«У меня сохранилось 39 писем от Федора Александровича. Писал он обо всем и на разные темы», – отметил в начале своего выступления Дмитрий Михайлович.

Да, действительно, художник очень богатый человек – у него столько писем от великого земляка! Немного найдется людей у нас на Пинежье, перешагнувших этот 80-летний рубеж, постоянно находящихся в творческом поиске.

Давняя дружба связывала Дмитрия Клопова с писателем.

Именно с того лета 1977 года и завязалась крепкая дружба двух веркольцев.

Весной 1979 года Федор Абрамов потерял своего «самого незаменимого друга, великого жизнелюба» Михаила Федосеевича Щербакова.

С этого времени Дмитрий Клопов становится самым надежным помощником во всех делах для Федора Абрамова.

Хорошей отдушиной для Федора Абрамова и вдохновением, как и всегда, был Митя Клопов. Частые встречи в мастерской художника и умельца, под впечатлением от них появляется у писателя новая запись:

«Удивительный этот Клопов человек – все не могу привыкнуть.

Работает на дорогах, 120 рублей в месяц получает – и доволен, в то время как другие помешались на деньгах.

Но деньги – это еще куда ни шло. А живописью, можно ли заниматься живописью после того, как отхлопал топором восемь часов? А Клопов занимается.

Многогранен талант у веркольского мастера. Сколько его щепных птиц разлетелось по всей России! Одна из них залетела и ко мне – приобрел на выставке. Эта работа Дмитрия Михайловича мне особенно дорога и бережно хранима, как самая большая реликвия.

Дмитрий Клопов еще и артист. Да еще какой! Снимался в кино. И не в каких-нибудь массовых сценах и в эпизодах, а в самой главной роли, за исполнение этой роли в 1998 году Клопов награжден Гран-при Международного кинофестиваля славянских и православных народов «Золотой Витязь» в г. Киеве, «За лучшую мужскую роль» в фильме Лидии Бобровой «В той стране».

Безусловно, эта роль сделала известным Клопова уже не только в родной Верколе, районе, области, но и, как видно из наград, полученных этой кинокартиной, во всем мире. А как оценивал сам Дмитрий Михайлович эту свою работу спустя много лет, в 2010 году:

– Время работы над фильмом было счастливым. Потому что останется память – детям, потомкам и, может быть, народу. Я очень доволен. Как доволен и тем, что в Верколе в каждом доме есть моя рука. Я этим горжусь. Если не ощущать себя нужным, зачем тогда жить?

Вот в этих коротких словах уложился и весь характер Дмитрия Клопова, человека нестигаемой силы воли, огромного разностороннего таланта, направленного им для служения людям, прежде всего для своих земляков для родной деревни Веркола, которую он давно сделал своими делами, как и его друг, великий писатель-земляк, знаменитой. Работы Д.М. Клопова находятся в литературно-мемориальном музее Федора Абрамова в д. Веркола, литературном музее г. Архангельска, Веркольской школе, Карпогорском Доме народного творчества, в частных собраниях России и за рубежом.

Заключение

Чтобы правдиво писать о Федоре Абрамове, надо пожить на Пинежье, подышать воздухом, наполненным жизненной энергией, повращаться в кругу людей, знавших писателя. Познакомиться с жизнью и бытом, проблемами деревни, которая дала миру великого писателя.

О великом земляке Федоре Абрамове я написал две книги. Федор Александрович, собирая материалы для книги о Гражданской войне на Пинежье, бывал в нашем доме, записывал воспоминания моего отца, командира партизанской роты. Эти встречи и беседы остались в моей памяти навсегда. Позднее Федор Александрович написал два своих произведения, посвященные нашей семье: это рассказы «Как выселяли Ивана Немирова» и «Учитель».

Никифорова Н.Б.

Мемориальная коллекция в собрании Литературно-мемориального музея Ф.А. Абрамова

Аннотация. В статье рассматривается процесс комплектования музейных фондов. Наиболее важным фактором в пополнении коллекций литературного музея является сбор мемориальных предметов. Большое значение в этом имеет совместная работа сотрудников музея и вдовы писателя Л.В Крутиковой-Абрамовой.

Ключевые слова: Музей, Пинежье, Федор Абрамов, родина, дом, род, семья, предки, реликвии, память.

Комплектование фондов является одним из основных видов деятельности любого музея и продолжается на всех этапах его существования. От качества комплектования музейных фондов зависят другие направления работы музея: научно-исследовательское, научно-экспозиционное, культурно-образовательное.

За 39 лет в Литературно-мемориальном музее Ф.А. Абрамова собраны уникальные коллекции живописи, графики, нумизматики, предметов прикладного искусства, быта и этнографии. В настоящее время в музее хранится более десяти тысяч предметов основного и научно-вспомогательного фондов.

Особую ценность имеет коллекция мемориальных предметов Федора Александровича Абрамова. Большую часть материалов передала в музей вдова писателя – Людмила Владимировна Крутикова-Абрамова, которая сыграла огромную роль в создании музея на родине писателя.

Самая большая коллекция документов включает в себя рукописи и личные документы Ф.А. Абрамова. В рукописном фонде содержатся рассказы и черновые наброски к циклам «Трава-мурава», «Наедине с природой», «На

моем угоре», заметки к романам «Две зимы и три лета», «Пути-перепутья», «Чистая книга», письма Федора Абрамова к родным и друзьям.

Также Людмила Владимировна передала в музей черновую рукопись романа «Дом», которому писатель придавал особое значение и называл своей лучшей работой. Людмила Владимировна вспоминала, что «Федор Абрамов всегда писал трудно, долго, выверяя каждую сцену, фразу, слово. Над романом «Дом» он работал более пяти лет» [1, с.128]. Над этим произведением писатель работал и в Верколе.

Вдова писателя подарила в музейные фонды блокноты Федора Абрамова с заметками об Америке и Финляндии 1977 г. «Записи представляют несомненный интерес и как факт биографии писателя, и как показатель масштаба его личности, его раздумий о России, человеке, о путях развития современного мира» [2, с.17], – отмечала Людмила Владимировна.

Встречи писателя с земляками в родной Верколе и на Пинежье не остались бесследными. Об этом говорят записные книжки Федора Абрамова 1940–1970-х гг., машинописные тексты которых находятся в музейных фондах. Он внимательно наблюдал за жизнью людей, делами колхоза, замечал перемены, которые происходили в деревне. «Мне просто необходимо хотя бы раз в год бывать в родной деревне, пожить там, подумать, поговорить с земляками» [3, с.460], – говорил Федор Абрамов. Он записывал воспоминания участников Гражданской войны на Пинежье, свои размышления на эту тему.

В коллекции документов хранятся письма Федору Абрамову от писателей В.И. Белова, А.А. Михайлова, К.П. Гемп, Д.С. Лихачева, М.С. Шагинян, В.Г. Распутина, О.А. Фокиной, Ю.В. Трифонова и др. Василий Иванович Белов делится в письме своими впечатлениями после прочтения повести «Вокруг да около»: «Я только что прочел «Вокруг да около» и не вытерпел, пишу Вам письмо. Я и хохотал, и плакал, и душа зашлась от волнения, когда читал все это. Это такая великая правда! Правда о нашем замордованном терпеливом народе, у которого так мало защитников. Ни лести, ни зависти нету у меня к Вам – только одна благодарность» [4].

В середине 1990-х гг. ленинградский художник и близкий друг писателя Федор Федорович Мельников передал в музей рукопись первого рассказа «Николай Николаевич», написанную Федором Абрамовым в 1948 г.

Огромный интерес представляют документы из личного дела Ф.А. Абрамова о работе в контрразведке «Смерш». Данные материалы были переданы в музей сотрудниками регионального Управления ФСБ по Архангельской области в 2002 году. Об этом событии писали многочисленные СМИ. Среди документов – партийные и комсомольские характеристики, автобиография, выписки из приказов. В органах контрразведки Федор Абрамов служил с апреля 1943 г. по сентябрь 1945 г. Об этом периоде своей жизни он написал в незавершенной повести «Кто он?».

Часть документов школьных и студенческих лет Федора Абрамова представлена в экспозиции музея «Созидающее слово художника».

В коллекции хранятся документы родных писателя. Большую ценность представляют фронтовые письма брата Николая своей жене Серафиме Ильиничне. 26 писем передала в музей его дочь Лидия. Среди документов – почтовая карточка тетушке Ирине Павловне Заварзиной, к которой племянники относились с особым уважением.

Среди архивных документов содержатся интересные материалы к незавершенному роману Федора Абрамова «Чистая книга»: вырезки из газет с пометками писателя, разные справки, рукописные заметки и многое другое. «Чистая книга дается только чистому. Она доступна, открывается только тому, кто достигает определенной нравственной чистоты. И значит, путь к Чистой книге – честная жизнь, добрые поступки, самовоспитание, самосовершенствование» [6, с. 214], – писал Ф.А. Абрамов.

Личные вещи писателя, несомненно, вызывают большой интерес. Это сувениры, привезенные Абрамовым из зарубежных поездок, ручки, памятные медали и значки, предметы быта, одежда.

Почетное место в экспозиции музея занимает письменный стол Ф.А. Абрамова, за которым он работал над романом «Братья и сестры». Об этом свидетельствует надпись внутри центрального ящика: «За этим столом в 1950–58 гг. был написан Ф. Абрамовым под «руководством» Ф. Мельникова роман «Братья и сестры». Стол был подарен Ф. Абрамовым своему другу Федору Мельникову в 1960-е гг. Позже Федор Федорович подарил письменный стол музею.

Кроме этого, художник передал в фонды музея наручные часы писателя, которые находятся в рабочем состоянии. Часы марки «Звезда» были подарены Ф.А. Абрамову во время его службы в контрразведке «Смерш». После опубликования романа «Братья и сестры» писатель подарил их своему другу Ф.Ф. Мельникову в благодарность за помощь в создании романа. С Федором Мельниковым Абрамова связывала тридцатилетняя дружба, начавшаяся в студенческие годы. Мельников стоял у истоков романа «Братья и сестры», начальные главы которого создавались на его глазах. Об этом художник поведал в своих воспоминаниях «Откуда пошли «Братья и сестры».

В коллекции мемориальных вещей хранятся подарки и поздравительные адреса Ф.А. Абрамову на 60-летие от читателей, друзей, артистов Ленинградского Малого драмтеатра, земляков, от Северного русского народного хора и др. Особое место занимают сувениры – подарки Ф.А. Абрамова и Л.В. Крутиковой друг другу.

Творческая судьба Ф.А. Абрамова неразрывно связана с жизнью пинежской деревни, поэтому сотрудники музея уделяют большое внимание сбору этнографических материалов, часть которых представлена в экспозиции.

В конце 1990-х гг. Л.В. Крутикова передала в музей уникальные фотографии 1950–1960-х гг., автором которых был сам Ф.А. Абрамов. На них запечатлены земляки писателя, герои его произведений, Веркола.

Первая экспозиция в музее открылась в 1987 г. Большую часть ее занимали фотографии ленинградского корреспондента ТАСС Рудольфа Петровича Кучерова. Он запечатлел Ф.Абрамова в родной деревне в 1976 г. Фотограф снимал 60-летний юбилей писателя в Ленинграде, похороны в 1983 г. Ни одна музейная выставка не обходится без этих исторических снимков.

В разное время коллекция фотографий пополнилась прекрасными работами Ю. Белинского, Н. Кочнева, А. Карзанова, А. Афолина, А. Шестакова, О. Чистовского, А. Гаранина, А. Медведникова и др.

В коллекции содержится много фотографий с фрагментами спектаклей, поставленных по одноименным произведениям Ф.А. Абрамова «Братья и сестры», «Дом» Ленинградским Малым драмтеатром и другими театрами.

В состав фонда негативов вошли работы Ю. Бродского, В. Гайкина. Большую часть коллекции составляют негативы фотохудожника Ф.Р. Лурье – 251 единица хранения.

В книжном собрании широко представлены прижизненные и посмертные издания Ф.А. Абрамова, более 30 книг с автографами писателя. В коллекции содержатся книги с автографами В.И. Белова, В.Г. Распутина, А.Я. Яшина, О.А. Фокиной, Д.С. Лихачева, В.В. Личутина и мн. др.

Коллекция книг формировалась с первых дней работы музея. Почитатели творчества Фёдора Абрамова присылали в музей книги писателя, журналы с публикациями рассказов.

В фондах музея хранится великолепная коллекция живописи. Большинство картин получено в дар. Среди них работы ленинградских художников – друзей писателя: Ф.Ф. Мельникова, Е.Д. Мальцева, В.А. Ветрогонского.

В 1988 г. дирекция выставок Ленинградского отделения Художественного фонда РСФСР подарила музею «Портрет Фёдора Абрамова» художника Ф.Ф. Мельникова. Стоит отметить, что этот портрет Абрамов очень оценил.

На протяжении долгого периода времени экспозицию музея украшает портрет писателя, написанный художником Ф.М.Фатьяновым. Портрет удивителен тем, что он ярко и точно выражает характер и черты лица Федора Абрамова.

Портрет матери писателя был написан по просьбе сотрудников музея с прижизненной фотографии Степаниды Павловны. Художнице Т. Пентюх удалось показать не только внешнее сходство писателя с матерью, но и выразить особенности ее характера – волевой и трудолюбивой.

В коллекции находятся работы пинежских самодельных художников В.Н. Бутюкова и Д.М. Клопова, друзей писателя. В 1987 г. в музее появилась живописная картина карпогорского художника В.Н. Бутюкова «Махонька», на которой запечатлен образ уникальной пинежской сказительницы Марии Дмитриевны Кривополеновой. Она стала одной из главных героинь незавершенного романа Ф.Абрамова «Чистая книга».

Не менее интересная коллекция графики. В конце 1980-х годов музейные фонды пополнились замечательными иллюстрациями к произведениям

Федора Абрамова художников Н.И. Кофанова, Н.А. Устинова, А.К. Голицына, Е.Н. Зимирева, иллюстрациями С.Н. Сюхина к роману Ф. Абрамова «Дом».

Литературно-мемориальный музей Ф.А. Абрамова обладает значительным по объему архивом писателя, позволяющим устраивать интересные тематические выставки.

Фотографии и документы музейного фонда часто используются режиссерами и операторами для создания фильмов о Федоре Абрамове, о Верколе.

Архивные материалы привлекают внимание исследователей, издателей. В 2021 г. участники проекта «Веркола в прошлом, настоящем и будущем», созданного Фондом поддержки традиций русской культуры «Электронная энциклопедия истории и культуры русских сел и деревень», много дней работали в фондах и высоко оценили коллекции музея. Документы и фотоматериалы по истории деревни вошли в электронный краеведческий сайт-альманах «Веркола», создан фильм по истории Верколы, была открыта выставка.

Нередко в музейные фонды обращаются писатели и литераторы. Московский писатель Олег Трушин нашел в архивах интересные снимки с изображением писателя, которые включил в свою книгу о Федоре Абрамове.

Большинство материалов поступило от Л.В. Крутиковой-Абрамовой, вдовы писателя, что придает им особую значимость. Она передала в дар музею более 1700 документов. Это неоценимый вклад в фонды нашего музея.

Источники и литература:

1. *Крутикова-Абрамова Л.В.* Дом в Верколе: Документальная повесть. Л.: Сов. писатель, 1988. – 376 с.

2. *Абрамов Ф.А.* Неужели по этому пути идти всему человечеству? Путевые заметки. – Санкт-Петербург: Издательство «Правда Севера», 2002. – 213 стр.

3. *Абрамов Ф.А.* Чем живем-кормимся: Очерки. Статьи. Воспоминания. Беседы. /Сост. Л.Крутикова-Абрамова. – Л.: Сов. Писатель, 1986. – 528 с.

4. Письмо Ф.А. Абрамову от В.И. Белова от 15.02.1963 г. Фонды Литературно-мемориального музея Ф.А. Абрамова. КП ЛММА 5384.

5. *Абрамов Ф.А.* О войне и победе. /Сост., Л.В. Крутикова-Абрамова. – СПб.: Издательство «Журнал «Нева», 2005. – 232 с.

6. Чистая книга Федора Абрамова /ГБУК АО «Арханг. обл. науч. библиотека им.Н.А. Добролюбова; /Сост. Е.И. Тропичева, О.В. Кононова. – Архангельск, 2015. – 384 с.

УДК 811.161.1-82-32.

Петров А.В.

Творческие переключки Федора Абрамова и Николая Жернакова

Аннотация. В статье рассматриваются творческие переключки по-настоящему народных писателей Николая Жернакова и Федора Абрамова, внесших значительный вклад в русскую литературу XX века. Оба создали эпопеи о народной жизни, обоим особо удавались яркие женские образы, оба поднимали острые социальные проблемы в своем творчестве. Эти писатели были соратниками, друзьями, поддерживали друг друга.

Ключевые слова: деревенская проза, Северный текст русской литературы, публицистика, художественный образ.

В нынешнем году отмечается 110-летие со дня рождения замечательного северного писателя, уроженца холмогорской земли Николая Кузьмича Жернакова (1914–1988).

Всё, что мной написано, и всё, что я сумею еще написать, относится к моей Главной книге, потому что моя Главная книга – это жизнь народа, и о ней нельзя писать не в полную силу, говорить не во весь голос, – так ответил Федор Абрамов на вопрос Николая Жернакова о том, что он считает своей главной книгой.

Эти слова в одинаковой мере можно отнести к обоим по-настоящему народным писателям, внесшим значительный вклад в русскую литературу XX века. Они оба северяне и по рождению, и по служению, выходцы из деревни, из многодетных крестьянских семей, с детства познали все трудности деревенского труда, рано лишились отцов, оба фронтовики, получившие тяжелые ранения на передовой, они принадлежат одному поколению – почти ровесники, похоронены оба в своих родных местах: Абрамов – в пинежской Верколе, Жернаков – в Холмогорах.

Оба относятся к славной плеяде писателей-деревенщиков, они хорошо знали живую народную речь и мастерски использовали ее выразительный потенциал в своем творчестве, создали эпопеи о народной жизни, которые, можно даже сказать, составляют часть единого целого по охвату исторических событий на Севере, один у другого как будто бы принимает эстафету: трилогия Жернакова «Краснотал» – от начала Первой до почти окончания Второй мировой войны, тетралогия Абрамова «Братья и сестры» – от Великой Отечественной войны до 70-х годов. Как выяснилось недавно, у Жернакова тоже должна была сложиться тетралогия, в последние годы жизни он работал над четвертой книгой «Краснотала» – «Горелоборские солдаты», сохранившиеся главы из которой сейчас публикуются в журнале «Двина» (подготовила публикацию Е.Ш. Галимова).

И Николай Жернаков, и Фёдор Абрамов относятся к тем писателям, которые не обходят острых социальных проблем, не боятся вскрывать противоречия.

Эти замечательные люди не просто общались по-человечески, по-писательски – они дружили, поскольку были одной группы крови, одних убеждений, были соратниками, поддерживали друг друга.

Конечно, известность Абрамова – всесоюзная, всероссийская, не сравнима с известностью Жернакова большей частью местного уровня, хотя он неоднократно публиковался в столичных журналах, его книги выходили в центральных издательствах. Причем Жернаков всегда оказывается в тени у своего более именитого товарища по перу, во всяком случае, жернаковские юбилеи блекнут по сравнению с абрамовскими – слишком рядом они по времени. И все-таки представляется, для Северного текста русской литературы эти фигуры равновелики.

К тому же, сам Жернаков как человек скромный всегда подчеркивал бóльшую значимость для литературы Абрамова, по сравнению с ним, как он писал: *я глядел на него, как говорится, снизу вверх, что ему не особенно нравилось, потому как он – человек чуткой души – считался с моим возрастом.*

Знали они друг о друге с давних пор, о чем читаем у того же Жернакова, интересовались творчеством друг друга, а познакомились лично и подружились довольно поздно – в 1965 году: Абрамову было 45 лет, а Жернакову – шел 51-й. Что мы знаем об этой дружбе, о сотрудничестве писателей, о взаимном приятии и поддержке?

Николай Кузьмич в своей последней – мемуарной – книге «Кричите, гуси осени моей...» (1987) опубликовал проникновенный очерк об Абрамове «Кони мои, деревянные кони...», который был напечатан также в сборнике «Воспоминания о Федоре Абрамове» (2000). В том же году в «Северном комсомольце» (28 февраля 1987) увидели свет его заметки об Абрамове под заголовком «Главная книга» (они перепечатаны в журнале «Двина» (2014, № 4).

Кроме того, Жернаков – автор двух статей в «Правде Севера», посвященных творчеству Абрамова: «Северная поэма» (15 августа 1972) – о книге

«Деревянные кони» и «Светлая душа народа» (15 октября 1975) – о трилогии «Пряслины», в связи с выдвиганием ее на соискание Государственной премии СССР.

Федор Абрамов нигде публично не высказывался и не писал о своем старшем товарище по северной литературе, даже на встрече с архангельской интеллигенцией или со студентами пединститута, однако о хорошем его отношении к Жернакову и о высокой оценке его произведений мы знаем из ныне опубликованных писем Абрамова к Жернакову, из воспоминаний Александра Михайлова, помещенных в сборнике 2000 года и, как бы это парадоксально ни звучало, из заметок Абрамова об Александре Твардовском, которые можно почитать в 6 томе собрания сочинений писателя.

Дело в том, что, когда летом 1967 года решался вопрос, быть или не быть опубликованным роману «Две зимы и три лета» в журнале «Новый мир», Федор Абрамов отправился в Холмогоры к Николаю Жернакову, как он пишет, *который меня давно звал и куда я сам давно стремился*. Тогда они много путешествовали по холмогорской земле, побывали в Сийском монастыре (именно о том летнем путешествии подробно рассказывает в своем замечательном очерке «Кони мои, деревянные кони...» Н. Жернаков).

Цитирую Абрамова: *И вот однажды беседуем мы как-то вечером. И вдруг звонок. Звонок из Ленинграда. Люся пробилась. И стоило пробиться*. Людмила Владимировна зачитала по телефону письмо А.Т. Твардовского с поддержкой романа, которое окрылило Абрамова.

Еще одна цитата: *Добрейший Кузьмич был взволнован не меньше меня. Потом мы долго гуляли, радовались. Порядком умаявшись за день, Кузьмич довольно быстро заснул, а я еще долго бодрствовал и переживал свою радость, переживал как мальчишка, как юнец*. Разве этот факт не свидетельствует о человеческой дружбе, о духовном родстве этих людей?

Интересно посмотреть, как обращается Федор Абрамов в письмах к Жернакову: *Дорогой Кузьмич! Дорогой мой Кузьмич! Кузьмич, дорогой!* – неизменно с восклицательным знаком. А в одном письме от 23 декабря 1977 года и вовсе: *Николаюшко, болезный!* и *Миколаша*.

Писем Жернакова Абрамову я не видел, а вот как подписаны подаренные другу-писателю книги: *Дорогой Федор! Милый друг мой, Федор Александрович! Дорогой Федор Александрович! Дорогой друг мой Федор Александрович*.

Еще в надписях на книгах, подаренных Абрамову, можно прочитать: *в восхищении его могучим русским духом, глубиной мысли и сердца* (1966); *Мне кажется, что я чую ядреные запахи нашей земли, соленую терпкость поморских ветров, запах трудового пота земляков так же остро, как ты, а выразить, как ты, не могу* (1969) – опять сопоставление не в свою пользу; *дружба дружбой, а ругай, чтоб жарко было – на пользу пойдет. Силен ты, Федор, как ни поверни – за то люблю* (1970); *Велико значение слова твоего сейчас, – еще более возвеличится оно в будущем...* (1980). Как все-таки здо-

рово, что эти справедливые слова были сказаны-написаны при жизни Абрамова!

Дорого Жернакову, что Абрамов сумел выкроить время и приехал на его 60-летие, выступил на юбилейном вечере *по-абрамовски бурно и доброжелательно*. Самому ему выпало счастье быть на 60-летию Абрамова, послушать его *взволнованную речь, которая была его абрамовской сутью, не знающей никаких компромиссов с совестью*.

Интересно проследить творческие переключки Федора Абрамова и Николая Жернакова. Обоим хорошо удавались женские образы, они создали славленную галерею женщин-северянок, беззаветных тружениц, самоотверженных матерей: Анфиса Минина, Лиза Пряслина, Милентьевна, Пелагея – у Абрамова, Устина Кочергина – именно так по имени главной героини первоначально хотел назвать трилогию «Краснотал» Жернаков, в этом ряду достойное место занимают героини его рассказов: «Вдова», «Солдатки», «Тройка» и др.

Одной из победительниц областного конкурса «Николай Жернаков глазами читателей XXI века» стала учительница Сосновской школы Пинежского района Н.И. Дождикова, которая представила интересную работу – сопоставительный анализ двух щемящих душу рассказов о безграничной материнской любви: «Материнское сердце» Ф. Абрамова и «Тройка» Н. Жернакова. Их объединяет внешнее сходство сюжетов: матери-солдатки (вдовы) из глухих деревень везут в районный центр на лошадях заболевших сыновей: «В основе сюжета и того, и другого рассказа – конфликт нравственно-философский (противостояние человека и судьбы), но в рассказе Ф.А. Абрамова виден и внутренний, психологический конфликт в характере Офимьи, которая более двадцати лет не может спать спокойно, казнит себя за то, что не смогла сберечь младшего сына» [1, с. 23]. Это исследование опубликовано в специальном Абрамовском выпуске журнала «Литература в школе».

Подобный сопоставительный анализ можно произвести на основе созвучных по тематике и идейному содержанию повестей «Безотцовщина» Ф. Абрамова и «Непокорный пасынок» Н. Жернакова, в которых поднимаются вопросы нравственного воспитания и духовного взросления подростков.

Николай Жернаков много внимания в своем творчестве обращал на военную тему, к его лучшим произведениям относятся повести «Трое во ржи», «Фронтальная страда», кроме того, им создано большое количество честных, правдивых военных рассказов: «Жребий», «Колодец», «Грачиные гнезда», «Шурочка» и др. У Абрамова же фронтовые произведения остались лишь в набросках, замыслах: «Белая лошадь», «Разговор с самим собой», «Кто он?» и др.

Федор Абрамов известен как бескомпромиссный публицист, поднимающий в своих статьях и выступлениях острые социальные проблемы. Не случайно Феликс Кузнецов вступительную статью к сборнику абрамовской публицистики озаглавливает «Обостренность гражданской совести». В этом

плане Николай Жернаков не уступает своему товарищу, разве что резонанс от его публицистических публикаций был меньше по объективным причинам. Архангельский писатель не раз высказывался в прессе о насущных современных вопросах.

Следует выделить его статьи в журнале «Север», опубликованные под рубрикой «Трибуна писателя». Одна из них «Помогите выстоять!» (1969, № 11) – о необходимости сохранения лесных и водных ресурсов Севера. Вот характерная цитата из статьи: *Надо помочь выстоять бессловесному другу человека. Пора уже не только говорить вообще о так называемом «неблагополучии» в наших контактах с природой, а принимать самые срочные и кардинальные меры, вплоть до полного запрещения сбросов отравленных стоков в реки. <...> Во власти человека – воспрепятствовать дальнейшему ухудшению положения. В его же руках и полное оздоровление природы.* Другая статья называется «Широки у народа крылья...» (1976, № 2) – о тружениках Севера, о достижениях Советской власти в освоении Севера, здесь упоминается высказывание одного из дореволюционных наместников о необходимости убрать людей с северных территорий – как это созвучно с отношением нынешних властей к Северу и северянам.

Сближает Ф.А. Абрамова и Н.К. Жернакова отношение к труду. Вспомним речь Абрамова на собственном 60-летию «Работа – самое большое счастье». А вот показательные цитаты из статьи, посвященной 70-летию Николая Жернакова: *Он стучит по бруску молотком, прислушиваясь к звуку, и говорит: – Торопись жить. Не будь охлупнем. Работай, не покладая рук, тогда и жизнь твоя будет длиннее, объемнее <...> Откуда нам знать, какие у нас с тобой таланты, если мы не будем работать, искать... [2, с. 107].*

В творческом наследии Абрамова и Жернакова есть очерки о замечательных писателях-северянах Степане Григорьевиче Писахове (1879–1960) и Александре Яковлевиче Яшине (1913–1968).

Федор Абрамов к 100-летию Писахова написал для газеты «Советская Россия» статью «Были и небыли Степана Писахова» (24 октября 1979), не раз в интервью, выступлениях он отдавал дань уважения «одному из великих сказочников мира», как он его называл. Николай Жернаков написал о Писахове замечательный очерк «Добрый архангельский колдун», в основу которого положена его последняя беседа с этим удивительным человеком в белую ночь на Северной Двине: *Слушаешь, слушаешь его да и руками разведешь: ну что за усмешливая да мудрая душа у этого старого колдуна!*

И Абрамов, и Жернаков дорожили общением и дружбой с Александром Яшиным. Николай Жернаков написал о нем очерк «Какой огонь пылал в его душе...», заканчивается он словами героя очерка: *Главное в нашем деле – быть Человеком. Никогда не опускаться до полуправды. Полуправда – страшнее лжи.* Федор Абрамов написал о своих непростых отношениях с Яшиным очерк «Семь верст до небес», а о его творчестве статью «Александр Яшин – поэт и прозаик», свой цикл миниатюр «Трава-мурава» он завершает

записью: *Последние слова Александра Яшина: – Пишут, пишут... А все сводится к четырем словам: Жизнь. Смерть. Правда. Ложь.*

Кажется знаковым, знаменательным то, как пересеклись, перекликнулись первое художественное произведение Ф.А. Абрамова роман «Братья и сестры» и последняя повесть Н.К. Жернакова «Военком» («Фронтная страда») («Север», 1984, № 10), главный герой которой – кадровый офицер Красков – после ранения на фронте был комиссован и отправлен служить военкомом в северный таежный район, где он стал свидетелем воинского подвига стариков, женщин и детей в глубоком тылу. Вот цитата из пролога повести:

И вспоминается мне сорок третий год, старик из Томилина, что умер у нас на руках. Его последняя просьба: «Напишите на могиле, что я умер за Родину, как солдат!». Эти его – тогда, казалось, странные слова для меня звучат сейчас совсем по-иному. Тогда я подумал: «Бедный старик, умер от голода в глубоком тылу, а о чем просит».

Как же мне стыдно сейчас за свою прошлую, молодую черствость сердца! Думаю сейчас, что когда в тылу наши люди, в том числе и северяне наши, умирали от голода и страданий и все-таки делали все для помощи фронту – а у них была только одна присяга: верность долгу, совесть, любовь к Родине, – мы в то время скупо отмечали их великий подвиг. Особенно надо сказать о женщинах. Когда я вспоминаю томилинские лесозаготовки, я как бы снова вижу в заснеженных таежных буераках этих баб, этих девчушек, многие из которых навсегда остались не способными родить «от переседы», как они говорили потом. Как вспомню, так вот упал бы сейчас перед ними на колени и молился бы за них!

Эти слова перекликаются со знаменитым выступлением Федора Абрамова в Останкино: *Второй фронт был открыт русской бабой еще в сорок первом году, когда она взвалила на себя всю эту мужскую непосильную работу, когда на нее оперся всей своей мощью фронт, армия, война.*

В заключение, несколько перефразируя слова Ш.З. Галимова, хочется сказать: такие писатели, как Абрамов и Жернаков, – «гранитное основание нашей литературы» [1, с. 36].

Источники и литература:

1. Галимов Ш.З. Подвиг Николая Жернакова // Двина. 2004. № 4. С. 36.
2. Дождикова Н.И. «Русская женщина достойна самой высокой любви и благодарности»: диалог двух писателей – Ф.А. Абрамова и Н.К. Жернакова // Литература в школе. 2019. № 12. С. 23–26.
3. Киприянов В. Светлый мастер // Север. 1985. № 5. С. 107–110.

Полева Н.Н.

Картинки подлинной действительности (российская деревня в творчестве П. Замойского)

Аннотация. Петр Иванович Замойский – автор многочисленных рассказов, романа «Лапти» (1929), повестей «Подпасок» (1936–1939), «Молодость» (1946), «Восход» (1946–1956 гг.). Объединение литературно-мемориальных музеев Пензенской области бережно хранит память о писателе-земляке. Творчеству писателя посвящен раздел экспозиции Пензенского литературного музея «Пензенская земля – русской литературе», представленный рукописями писателя; прижизненными изданиями его произведений: их переводами на иностранные языки; документами; письмами; изобразительными и фотоматериалами; мемориями.

Ключевые слова: Петр Иванович Замойский, деревенская проза, фондочная коллекция, наследие.

Деревенская проза 1960–1980-х годов, яркими представителями которой являются Ф. Абрамов, В. Белов, В. Астафьев, В. Распутин, В. Шукшин и другие, позволила раскрыть читателям мировосприятие и характер человека земного, образ которого определен традициями и устоями деревенского уклада.

Во многом предшественником изображения деревенской жизни в творчестве этих талантливых авторов явился писатель Петр Иванович Замойский, литературная деятельность которого приходится на I половину XX в.

Жизнь П.И. Замойского связана с Пензенским краем. Он родился в 1896 г. в с. Соболевка. Здесь прошли его детство и юность: работал подпаском, пастухом, половым в трактире, редактировал в Чембаре уездную газету. После окончания в Москве рабфака и высшего художественного института появи-

лись его первые публикации. Неудивительно, что основой для многих произведений писателя послужила пензенская действительность.

Пётр Иванович Замойский писал о крестьянской жизни, крестьянских заботах и чаяниях. Этой теме он посвятил лучшие свои произведения: повесть «Подпасок», многочисленные сборники рассказов и знаменитый роман «Лапти», над которым автор работал в течение 14-ти лет.

Это произведение, созданное на драматическом материале пензенской деревни, поставило имя автора в первые ряды прозаиков России того времени. Когда «Лапти» издавались на иностранном языке, то перевели его как «Липовые туфли». По словам самого Замойского, источником для произведения «послужил большей частью быт... села Соболевки и города Чембара» [1, стр. 14].

Изучение жизни и творчества П.И. Замойского представляет для нас особый интерес, так как является важной частью литературного наследия Пензенской области.

В книжной коллекции Объединения достаточно полно представлены прижизненные издания писателя, вышедшие в сериях «Дешёвая библиотека», «Книжка-копейка», «Дружные ребята».

Любимый герой многих книг Замойского этой поры – будущий активист, передовик. Писатель показывает тягу подрастающего поколения к книге, знанию.

В рассказе «Плотина» (1925) мы встретимся с образом общественника, энтузиаста, сыгравшего большую роль в культурном строительстве деревни. В произведении «Над селом» (1926) узнаем историю мальчика, который увлекся рассказами об авиации и смог привлечь к строительству планера угрюмого скептика-отца. Двенадцатилетний Прошка, сынишка безлошадного крестьянина Парфена, напишет письмо Ленину в рассказе «Письмо Ильичу» (1930) обо всём, что наболело, бесхитростно и задушевно. И помощь придет.

Ранние произведения Замойского дают впечатляющую картину жизни русской деревни первой половины двадцатых годов. На хорошо знакомом материале автору удалось раскрыть общечеловеческие проблемы. Его герои говорят и думают своеобразным колоритным языком.

Книжная коллекция ГБУК «Объединение государственных литературно-мемориальных музеев Пензенской области» также представлена отдельными изданиями рассказов (1954), повестей «Подпасок», «Восход», «Молодость», многие из которых печатались общим тиражом 4 млн. экземпляров, были переведены на языки народов СССР и зарубежных стран. Так, известный роман-трилогия «Лапти» был издан в Праге и Софии, «Подпасок» – в Берлине, «Молодость» – в Варшаве и Будапеште.

Большую ценность в фондовой коллекции Объединения представляют собрание сочинений в 4-х томах, изданное в приложении к журналу «Молодой колхозник», вышедшее посмертно в 1959 году, а также изобразительные материалы коллекции писателя П.И. Замойского:

– рисунок сына писателя Лоллия Петровича Замойского: «Отец за правой книге «Лапти»»;

– портрет писателя работы народного художника Б.И. Лебедева, которого с П.И. Замойским связывала многолетняя дружба.

Благодаря этому сотворчеству особо ценной частью изобразительного собрания Объединения являются 26 оригинальных иллюстраций художника Б.И. Лебедева к произведениям П.И. Замойского «Лапти», «Подпасок», «Молодость», «Восход». Часть из них включены в экспозицию Пензенского литературного музея.

Большой интерес представляет коллекция фотографий писателя разных лет; фото юбилейных мероприятий на Пензенской земле к 100-летию со дня его рождения; фотографии сцен спектакля «Левин дол» по роману П.И. Замойского «Лапти», поставленного в Пензенском драматическом театре имени А. Луначарского в 1981 году.

Привлекают внимание и мемориальные вещи П.И. Замойского: столик Петра Ивановича, его пишущая машинка.

О личности писателя и его творчестве правдиво рассказывают материалы документального архива, среди которых рукописные листы произведений с авторской правкой; автобиография П.И. Замойского; заметка в газету «Буду писать рассказы»; рукописи рассказов «Трактир», «Николай II и цветы», документы писателя: удостоверение (бланк) члена Всероссийской организации пролетарско-колхозных писателей №2107, бланк регистрационного члена ВКП(б) №0051662.

Осмыслить исторический контекст жизни П.И. Замойского помогает также коллекция писем, адресованных брату Михаилу, жене Нине Ковалёвой, редактору газеты «Сталинское знамя» Бармину, писателю А.А. Фадееву; письма писателю из Пензы: ответственного секретаря Пензенского отделения писателей Н.И. Каткова; редактора газеты «Сталинское знамя» Бармина; Н. Страхова, автора монографии о П.И. Замойском.

Фонд писателя П.И. Замойского представлен приглашениями на премьеру спектакля «Левин дол» в Пензенский драматический театр, афишами, вырезкой из Пензенской правды с заметкой об открытии театрального сезона Пензенского драматического театра и спектакле «Левин дол».

Фондовая коллекция ГБУК «Объединение государственных литературно-мемориальных музеев Пензенской области» значима своими сведениями о жизни и творчестве П.И. Замойского. В настоящее время писателю-земляку посвящен раздел основной экспозиции Пензенского литературного музея «Пензенская земля – русской литературе».

Литературное наследие П.И. Замойского, хранящееся в фондах Объединения, обширно. По праву Замойского можно назвать национальным писателем, которому удалось запечатлеть мироощущение русского человека, раскрыть народный характер, вобравший в себя и несовершенство мира, и духовную устремленность к правде. Спустя 100 лет, обращаясь к наследию

XI АБРАМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

писателя, проникнутому верой в силу крестьянства, способного преодолеть все трудности, мы, безусловно, осознаем важность и ценность его произведений для современного читателя.

Источники и литература:

1. *Замойский Л.П., Савин О.М.* Петр Замойский. Судьба. Творчество. Память / Л.П. Замойский, О.М. Савин. – Пенза, 2001 г. – 440 с.

Романов С.С.

Уход деревенского жителя из родных мест в художественном осмыслении Ф.А. Абрамова и Е.И. Носова

Аннотация. В статье анализируются художественные приёмы, позволяющие Фёдору Абрамову создать контраст между характерами Михаила Пряслина и Егорши Суханова, исследуется трансформация авторского отношения к проблеме миграции сельского населения в город в рассказах Е.И. Носова от «Потравы» до «Алюминиевого солнца», предпринимается попытка обнаружить точки соприкосновения в осмыслении этого процесса двумя писателями.

Ключевые слова: малая родина, деревенская проза, Фёдор Абрамов, Евгений Носов, «Две зимы и три лета».

Евгений Иванович Носов – младший товарищ Фёдора Абрамова. Понятно, что писателями-фронтовиками пятилетняя разница в возрасте может восприниматься только как символическая, но Фёдор Александрович в письме Носову от 10 сентября 1971 года находит повод о ней напомнить. «Да, брат, годы...» – констатирует он и с некоторой долей иронии и самоиронии добавляет: «Ты-то ещё молодой, а мне-то уже на шестой пошло...» [1; 274]

Абрамов и Носов принадлежат к числу авторов, которые были определены в группу писателей-деревенщиков. По-моему, ни один прозаик из тех, кого туда включили, не был доволен таким распределением. Евгений Носов в 1975 году на 4-м съезде писателей РСФСР заявил, что хотя и черпает вдохновение в «поэзии русских деревень», но не разделяет такой искусственной градации. 5 лет спустя он по тому же поводу выскажется более жёстко: существуют просто писатели и просто поэты, свободные граждане литературы, которые вольны избирать любую тему, и никто с них ничего за это не спросит, и существуют «деревенщики», с которых спрашивает-

ся многое. «Правда, – замечает Евгений Иванович, – говорят, что назвали нас так вроде бы не совсем удачно, обещали чем-то заменить это название, но оно так и присохло. Ходить в «деревенщиках» уже тем неудобно, что за провинность одного из нас критики секут всю деревенскую прозу оптом... Сколь помню послевоенную «деревенскую прозу», с самого её зарождения (а родоначальником таковой справедливо будет считать Валентина Овечкина), столь же давно подвергается она на своём пути постоянным нападкам всякого рода перестраховщиков и ревностных радетелей бесконфликтности в литературе». [5; 367–368] Носов напоминает всем, что нападки эти начались ещё с самого Овечкина, когда тот написал повесть «С фронтовым приветом», продолжились, когда он создал первые главы «Районных будней», а впоследствии попытки выправить творческое русло писателя неоднократно предпринимались по отношению к таким зрелым мастерам, как Александр Яшин, Фёдор Абрамов, Василий Белов, Виктор Астафьев, Василий Шукшин, Сергей Залыгин.

Виктор Платонович Некрасов, более чем на 10 лет опередивший мощнейшую оттепельную волну произведений о войне романом «В окопах Сталинграда», создал в 1983 году, уже находясь за пределами Советского Союза, повесть «Саперлипопет» с подзаголовком «Если б да кабы, да во рту росли грибы». Там он предпринял попытку всю советскую писательскую массу поделить на несколько категорий. Одна из них у Некрасова называется «Правдоискатели»: «Найдя, поведывают её, правду. Не всю, конечно, об этом не может быть и речи, но врать и лакировать ни в какую! Область, охватываемая этими авторами, в основном деревня. Тут почему-то некая поблажка. Этим писателям даже улыбаются, пытаются приручить, заманить к себе, награждают премиями... Явление новое, обнадёживающее». [4; 305] Понятно, что «правдоискателями» Виктор Платонович называет именно писателей-деревенщиков, и предложенное им слово, думается, Абрамова, Носова, Астафьева, Белова и других авторов устроило бы в большей степени, нежели «присохшее» к ним название. Правда, справедливости ради, заметим, что в 1983-м году, когда была написана повесть «Саперлипопет», это «явление» было по-прежнему обнадёживающим, но уже далеко не новым.

После выступления в студии Останкино и отклика на него Носова Фёдор Александрович написал Евгению Ивановичу письмо, проникнутое болью за состояние нашей деревни и за то, что многое из сказанного им до телезрителей не дошло: «А останкинское дело, скажем прямо, было не из лёгких. Во-первых, публика разнокалиберная, а во-вторых, шутка ли это – честный разговор о деревне, о нашей «экономной» экономике! Ей-богу, с меня сто потов сошло! Да и молотил я сколько, думаешь? 4 часа! И без передыху. В общем, всё острое и живое вырезали, а я таки порой раскручивался на всю катушку...

Причина всех бед наших – существующий порядок вещей. Пока земля будет обезличена, пока у неё не будет хозяина, вернее, пока сельский житель не будет хозяином, до тех пор мы из бардака не вылезем». [1; 274]

Наши писатели-деревенщики в подавляющем большинстве случаев уход сельского жителя из родных мест, мягко говоря, не приветствовали. Это не обязательно должен был быть переезд в город – речь могла идти и просто о работе за пределами своего колхоза. Такие ситуации наша деревенская проза чаще всего трактовала как измену малой родине. И это несмотря на то обстоятельство, что те же самые деревенщики продемонстрировали советскому читателю: деревенский житель был доведён до последней степени унижения и, как только появилась такая возможность, постарался обосноваться подальше от колхозов. В итоге образовался в отечественной прозе второй половины XX века своеобразный замкнутый круг: жить так, как живёт деревня, просто невозможно, а покинуть деревню нельзя по причинам этического характера. В связи с вышесказанным, вопрос «Что делать?» в деревенской прозе остался открытым. Показать писатели-деревенщики могли многое, но посоветовать сельскому жителю получалось в основном одно: надо разделять судьбу своей малой родины во всех её бедах.

В результате любые попытки сельчан найти достойный заработок на стороне у авторов, воссоздававших подобные ситуации, вызывали протест. В качестве примера напомним, что Василий Белов не позволил своему Ивану Африкановичу даже доехать до Мурманска, куда герой повести «Привычное дело» отправился было вслед за шурином, а затем наказал его самым суровым образом: расплатой за это вынужденное бегство стала смерть жены Катерины.

Фёдор Абрамов массовый уход деревенских жителей из родных мест воспринимал как трагедию. Среди его многочисленных заметок к роману «Две зимы и три лета» есть и такая: «Мужик, который вынужден покинуть деревню. Страшная драма... Вынужденное бегство из деревни – страшнее всех драм, пережитых крестьянами (в том числе в 30-м году). Об этом нигде не сказано. Деревня стала мачехой». [2; 627]

В романе «Две зимы и три лета», опубликованном в первых трёх номерах «Нового мира» за 1968 год, Фёдор Абрамов демонстрирует, как образуется и всё увеличивается трещина в отношениях между Михаилом Пряслиным и Егоршей Сухановым-Ставровым. Это происходит в том числе и из-за того, что один из них чувствует нерасторжимую связь с малой родиной, а второй умеет хорошо устраиваться в жизни, и для него вопрос, где жить и работать, не принципиален.

Твардовский в письме Абрамову от 29 августа 1967 года сказал много хорошего о романе «Две зимы и три лета», но и замечаний, не всегда справедливых, там тоже немало. Егоршу Александр Трифонович характеризует так: «жуликоватый» и «прожиточный», но и симпатичный, вопреки, может быть, намерениям автора». [10; 258] А к образу Михаила Твардовский предъявляет немало претензий. Причём главный редактор «Нового мира» прекрасно понимает, каково авторское отношение к герою: «Михаил Ваш – авторская проекция «идеального героя», молодого человека, вопреки всему не теряю-

щего привязанности к земле, к деревне, беззаветного труженика её, вознаграждаемого одними бедами, лишениями, просто муками мученическими». [10; 258] Однако это понимание не мешает Твардовскому обнаруживать неубедительность и фальшь в поведении Михаила: «Но если он живет расчётом, как не дать погибнуть семье, оставшейся на его попечении после гибели отца на фронте, то удерживающее его на земле колхозной чувство долга могло ещё действовать во время самой войны, а уж после войны, простите меня, читатель не может поверить, что находятся еще дураки, убивающиеся за пустопорожний трудодень, имея возможность по самой крайности заработать хотя бы в леспромхозе 10 руб. в день, т. е. 10 килограммов хлеба, которых он и в месяц не зарабатывает в колхозе. Соображения о том, что, мол, кто же будет землю пахать, в таких случаях несостоятельны – речь идёт о жизни его горячо любимых близких, да и о собственной молодости, которая тоже и есть хочет, и хочет приодеться, и т. д. Противопоставление ему весёлого пройдохи Егорши, доведенное до разрыва дружбы, неправомерно: парень как парень, – рыба ищет, где глубже... И когда этому противопоставлена некая «власть земли», тяготеющая над Михаилом, то – как хотите – здесь Вы, правдолюбец без кавычек, вступаете в фальшь, в неправдоподобие». [10; 258–259]

Когда 27 сентября 1967 года состоялось обсуждение романа в «Новом мире», то Абрамов выразил несогласие с замечаниями о характере Михаила и о чрезмерном использовании в произведении диалектизмов. И всё же Твардовский заставил автора искать дополнительные объяснения того, почему Михаил не покинул семью и колхоз. Об этом свидетельствуют заметки, сделанные Абрамовым 2 и 3 апреля 1979 года, когда уже была окончена вся тетралогия: «Работа Михаила в колхозе. А почему не в леспромхозе? Ведь там лучше платят. Михаил знает, понимает это. Но лесозаготовки его не увлекают – не очень нравится валить лес. Выращивать бы лес, это по нему. А валить, таскать – что интересного?» [2; 629] Такое объяснение выглядит не очень убедительно, это явно понимает и сам автор, поэтому потом выкладывает уже всё начистоту: «Называйте его как хотите. Дураком, болваном, кретином, ещё какие прозвища есть, но не может он летом без поля, без сенокоса. Таким рождён. Ведь были же раньше крестьяне, которые любили всё это. И он из той самой породы». [2; 629] А принципиальное отличие Михаила от Егорши Абрамов формулировал так: «Егорше всё равно: лес валить так лес, на тракторе – ещё лучше. А он любит землю... Не платят – вот это плохо. А так, он бы и не думал... Но платить когда-нибудь будут... Сомнения заглушал работой». [2; 630]

Разумеется, тема ухода деревенского жителя из родных мест и в творчестве Е.И. Носова получила своё осмысление. Причём можно говорить не только о наличии этой темы в творчестве Евгения Ивановича, но и об определённой эволюции способов её раскрытия. В рассказе «Потрава» (1966) Носов показывает человека, покинувшего родной колхоз, как фигуру нрав-

ственно ущербную. Игнат Заваров оставляет деревню Сапрыковку в 1945 году, когда надежда на то, что главные трудности уже закончились, в обществе ещё была сильна. Он устраивается объездчиком, и у него вроде бы есть своя правда: ведь колхозная жизнь не даёт возможности работать на своё, а не чьё-то благо. Здесь же Заваров не только не бедствует, но даже чувствует себя важнейшим в степи человеком: «Заповедных сожителей Игнат не принимал всерьёз и про себя думал о них снисходительно и скептически. Вся их наука казалась ему детской игрой». [6; 116] Но уготовливает автор своему герою участь незавидную: Игнат в процессе выполнения возложенных на него обязанностей до смерти избивает сапрыковского дурачка Яшку. Этот мужик косит в степи траву и пытается объяснить Игнату, что делает это только потому, что другого выхода у него не осталось: «Луга позапахали, в колхозе без сенов бедуют. Пасти негде, косить нечего... А у меня их пятеро, кроме самого да бабы...» [6; 119] Когда же он убеждается, что эти аргументы на объездчика не действуют, Яшка предъявляет ему обвинения, в которых явно слышится голос не только говорящего, но и самого автора: «Я не бёг... Я с колхозом жил. Хорошо ли, плохо, жил... Помогал... Всё делал... Моего поту там полито... А ты – убёг... Укрылся... В овраг спрятался... Разве ты степь стережёшь? Ты себя стережёшь... Своё житьё... Власти над собой не знаешь... Сам на других покрикиваешь...» [6; 120] В своей последней фразе Яшка называет Игната «волком овражным», и, конечно, здесь поневоле возникают параллели с тургеневским «Бирюком», с той только разницей, что авторская оценка характера Заварова никаких сомнений не вызывает. Носов демонстрирует трагическим финалом, что Игнат перешёл из разряда жертв системы в разряд людей, облечённых властью, и, как следствие, стал не подчиняться насилию, а сам его творить. Конечно, колхозная жизнь тяжела до невозможности, но уход из деревни, как следует из рассказа, всё равно аморален.

Ситуации, внешне схожие с той, которую мы видели в «Потраве», в более поздних произведениях Носова будут уже наполняться несколько иным смыслом. Категоричность в оценке человека, покинувшего малую родину, сменится попыткой более объективно взглянуть на его судьбу, более пристально разобраться в причинах, толкнувших его на такой шаг. В рассказе «Пятый день осенней выставки» (1967) Носов вновь обращается к судьбе человека, исчезнувшего из колхоза, но уже совсем не для того, чтобы показать его нравственную несостоятельность. Напротив, весь ход повествования опровергает реплику телятницы Доньки в адрес Клавдюхи – бывшей доярки и нынешней официантки: «Вот пусть и поприслуживает... За красивой жизнью погналась». [7; 159] О «красивой» жизни после вынужденного бегства из колхоза читатель узнаёт от самой Клавдюхи: «Столько потом натерпелась. И в копне ночевала... И на вокзале... И в няньках была, тарные ящики сколачивала, асфальт заливала, пока ногу смолой не ошпарила... А сколько углов по чужим домам да баракам пересчитала». [7; 164] Здесь мы при опре-

XI АБРАМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

делённой внешней схожести событий всё же сталкиваемся совсем с другой историей, нежели та, что была представлена в «Потраве». Человек изгоняется из деревни помимо его собственного желания, а главная роль в доведении девушки до побега из родных мест принадлежит председателю колхоза. Иван Тихонович, узнав, что Клавдюха подливала в молоко разведённый мел, грозит ей судом, после чего она больше домой не возвращается. А ведь на этот шаг Клавдюха решилась только потому, что надеялась получить чуть больше муки для вверенных ей коров. «А я ни капельки себе тогда не брала, – рассказывает Клавдюха передовой доярке Анисье Квасовой. – А Иван Тихоныч как окрысился... А я ведь как думала... Думала, замерят у меня молока побольше и муки набавят. Всем коровам дают, а моим не дают. А мне самой – зачем? Сколько лет прошло, а всё обидно...» [7; 165] В конфликте Клавдюхи с председателем автор явно на её стороне. Конечно, открыто Носов об этом не говорит – не в его правилах врываться в художественные тексты с прямыми авторскими оценками – но догадаться, как он относится к Ивану Тихонычу, труда не составляет. Чего стоит хотя бы портрет председателя: рисуя его, Носов неожиданно начинает употреблять «архитектурную» лексику, будто создаётся не портрет, а экстерьер или интерьер, и такое несоответствие не оставляет у читателя сомнений в том, что автору этот герой далеко не симпатичен: «Лицо у Ивана Тихоновича просторное, нарощенное с боков и с низу, под подбородком, и всё, что на нём было размещено – и круглые, глубоко запрятанные глазки, и вперёд устремлённый нос, и жёсткий посеvчик усов, – всё кучно располагалось на самой середине лица, в то время как вокруг ещё оставалось много пустого, незанятого места». [7; 157] Этот рассказ даёт представление не о вине человека, ушедшего из деревни, а о его беде и о том, что в город сельские жители перебираются в силу различных причин и вовсе не обязательно по своей воле.

Пожалуй, самое развёрнутое высказывание Евгения Ивановича на тему миграции сельского населения в город – его художественно-публицистический рассказ «На дальней станции сойду» (1984). Здесь автор даёт волю своему социально-философскому мышлению и от первого лица рассуждает, какие потери и обретения несёт этот процесс. Потерь, по Носову, значительно больше. Писатель представляет городское счастье в виде коня с розовой гривой и делит жаждущих на него забраться сельских жителей на три категории: на тех, кто уже на коне; тех, кто занёс ногу в стремя, и тех, кто только пытается ухватиться за конский хвост. При этом Носов не задаётся вопросом, зачем этим людям город. Его больше интересует вопрос: нужны ли эти люди городу? Полезны ли ему эти «стихийные тысячи»? Хотя автор и подчёркивает, что однозначного ответа у него нет, но его размышления подталкивают читателя к следующему выводу: тех, кто на коне, то есть прочно обосновался в городе, обретя не только квартиру, но и производственный навык, из числа этих тысяч – явное меньшинство. А вот с постоянным присутствием в городе представителей двух других категорий Носову смирить-

ся трудно, ибо в их отношениях с малой родиной писатель выявляет один главенствующий мотив: «Глаза б мои на всё это не глядели...» Рвануть куда-нибудь, от деревни подальше, а там видно будет. «Чего же хотят эти парни и девчата? – задаёт вопрос автор, и сам же отвечает: – Вряд ли они знают. А вот чего не хотят – знают определённо: не хотят больше жить в своих исконных местах». [8; 218] Не верит Евгений Иванович, что люди, покидающие деревню исключительно по протестным причинам, способны стать подлинными горожанами-тружениками: «Мастерство – это не просто ловкость рук, но и труд души». [8; 222] Процесс массового переселения сельчан в города приводит к тому, что, с одной стороны, как рассказывает комбайнёр, соседник повествователя, председатель остаётся совсем без колхозников, и у него «коровник строят чеченцы, бураки выхаживают молдаванцы», а, с другой стороны, городская культура претерпевает нежелательное воздействие маргинальных элементов. Кроме того, городских специалистов разного профиля ещё и регулярно отправляют на сельхозработы. Получается парадоксальная ситуация: вроде бы на помощь городу спешат эти людские тысячи, а город от этой помощи только лихорадит: «Вот такие пироги: из деревни, бросив свои поля и плантации, едут делать как-нибудь, на авось, неумело (капающий кран, криво врезанный дверной замок) городские дела; а из города, оставив свои порой мудрёные обязанности (анализ крови больных), едут делать тоже кое-как, на авось, неумело дела деревенские...»

Прежде это свершалось в виду стихийного бедствия. Теперь стихия стала нормой?» [8; 222–223]

Однако, какую бы тревогу не вызывал у писателя процесс массового переселения сельских жителей в города в целом, к каждому отдельно взятому случаю он подходит в своём творчестве индивидуально. Убедиться в этом помогает рассказ Носова «Алюминиевое солнце», опубликованный в 1999 году в журнале «Москва». Он в позднем творчестве Евгения Ивановича занимает особое место. Дело в том, что в конце прошлого – начале нынешнего тысячелетий писатель в основном старался в художественной прозе «довысказаться» о прошлом: в частности, в «Синем пере Ватолина», «Яблочном Спасе», «Фаготе» он вновь обращается к событиям времён Великой Отечественной войны, а в рассказах «Красное, жёлтое, зелёное», «Греческий хлеб», «Сронилося колечко» описывает детство автобиографического героя. О современности же Носов в эти годы говорит, преимущественно, в публицистике: в статьях, очерках, интервью. Но в «Алюминиевом солнце» писатель всё же предпринимает попытку художественного осмысления нашей постперестроечной жизни, и помогает ему это сделать главный герой рассказа Кольша – «несколько смещённая натура», «крестьянский сын, не ставший крестьянином». Это человек не от мира сего, на какое-то время покидающий свою малую родину и не получающий от автора за это никакого осуждения.

Кольша сильно напоминает шукшинских чудиков. На хуторе, состоящем из дюжины домов, он – местный «любознатец» (слово из разряда тех, кото-

рыми так восхищался у Носова А.И. Солженицын). Он покидает малую родину по причинам нематериального характера: с малых лет Кольша грезит дальними странствиями и, устраиваясь подручным плотогона, руководствуется соображениями романтическими, а не меркантильными. Оставшись без ноги (ступню оттяпало лопнувшим буксирным тросом), Кольша возвращается в родные края и устраивается учителем географии в местную семилетку: «Школьное дело пошло душевно, вроде как снова поплыл на плоту, воскресшая в памяти извивы и повороты минувшего, а когда приобрёл фабричный протез, позволявший носить нормальную обувь и отглаженные штаны, то и вовсе воспрял духом, возомнил себя полноправным педагогом и даже женился по обоюдному согласию на милой хуторской девушке Кате» [9; 291] Слово «возомнил» в данном контексте лишено жёсткой негативной коннотации, это лёгкая авторская ирония по отношению к своему герою, не более того. Но не за тем Евгений Носов пишет этот рассказ, чтобы продемонстрировать, как благополучно на малой родине у его героя складывается жизнь.

Из школы Кольшу вскоре выгоняют, поскольку у него нет свидетельства об образовании, да ещё и отбирают лоцманские карты как документы, не подлежащие никакой огласке. Причём окончательно пресекло учительскую карьеру Кольши то обстоятельство, что он не смог в нужный момент назвать фамилию министра просвещения. В итоге герой был отправлен в «пожизненные колхозные сторожа».

Государство и общество вроде бы отторгают чудика, пытаются убедить его в том, что он – фигура ущербная, а Кольша, «томимый хронической не востребованностью, не залёг на печи, не затаился в обиде, а, напротив, открыто бурлил идеями и поисками ответов на вечные «как?» и «почему?»» [9; 292] Сцена покупки шагомера, который Кольша затем приделает на свою деревянную ногу, сразу заставляет вспомнить шукшинский рассказ «Микроскоп»: Кольша к этому измерительному прибору относится с таким же трепетом, с каким Андрей Ерин относился к микроскопу, ставшему для него окном в неведомый ранее мир микробов. Шагомер – радость не только для Кольши, но и для хуторских ребятишек, которым он по заказу измеряет и то, и это расстояние, а сведения, чтоб не перепутались, заносит на свою березовую опору.

Ещё более укрепляет аналогии с рассказом Шукшина желание Кольши установить в доме перископ (изба ему вдруг напоминает всплывшую подводную лодку), которому мешают реализоваться причины не бытовые (противодействие жены Катерины), а социальные. Воплощением власти в рассказе выступает хамоватый милиционер Сенька Хибот, вкатывающийся в избу Кольши серым бочонком, «налитой, округлый, пахнущий укропом». Оказывается, чтобы смотреть в перископ, нужно особое разрешение, и неважно, что он ничего не увеличивает. Участковый предлагает Кольше разобрать прибор, и когда тот не соглашается, ломает перископ собственноручно.

У Носова – иная, ещё большая, нежели у Шукшина, степень непонимания чудика окружающими. Почти все начинания Кольши заканчиваются ничем, отчасти из-за идиотских запретов и ограничений, отчасти просто из-за людского равнодушия. К нему оказываются глухи и те, кто облечён властью, и люди, руководящих должностей не имеющие. Даже местный священник не понимает Кольшу: когда тот рисует на доме солнце, отец Федя бросает походя: «Мимо Господа печёшься». В результате конфликт человека не от мира сего с государством и обществом приобретает у Носова трагический характер: на Пасху главного героя рассказа жестоко избивает компания пьяных подростков, среди которых главный – Пашка Синяк. Его Кольша не видел на хуторе лет пять. Вот он-то явно покинул малую родину не по причинам духовного характера. По всей видимости, Синяк из числа тех, кто только пытается ухватиться за хвост коня с розовой гривой. О таких уже в рассказе «На дальней станции сойду» Носов писал: «Ведь вот кто-то из них уже сегодня, вздыбленный водкой и дикостью, будет взад-вперёд слоняться по электричке, расталкивая людей и оголтело изрыгая грязную ругань... Ведь это они подстерегут и кучей навалятся, до полусмерти запинаят ногами отставшего от своих городского «шефа», приехавшего помочь с уборкой колхозной картошки. Или содеют такое, что и вовсе никакому уму непостижимо: изловят за околицей доверчивую лошаде́нку и сперва загонят её так, что та под конец ткнётся мордой в дорожную пыль, а потом привяжут проволокой к дереву и обольют бензином...» [8; 218–219] И не так важно, что произведения разделяют 15 лет: преступление, совершённое в «Алюминиевом солнце» Синяком и его компанией, из того же ряда, что и действия, совершаемые бегущими из деревни молодыми людьми, о которых Носов писал в первой половине восьмидесятых.

Жестокое избиение пьяными подростками выступает в рассказе «Алюминиевое солнце» апофеозом конфликта чудика с окружающим миром. Более того – по замыслу автора Синяк и его компания должны были Кольшу убить, никаких надежд на его воскрешение Носов читателю не оставлял. Но тут инициативу проявила его литературный секретарь, Евгения Спасская. Когда она допечатала на машинке финал рассказа, то обратилась к автору с мольбой: «Евгений Иванович! Не убивай его!» Носов отказать не смог, и концовка рассказа стала такой: «На другое утро, туманное, жёсткое от ночной прохлады, Катерина нашла его в лесопосадке застрявшим в цепких кустах акаций: наверное, он потерял направление и полз вовсе не к дому, а куда-то не туда...

Руки его были в вязкой лесной грязи. Но на изодранном, кровоточащем виске ещё билась подкожная жилка...» [9; 317]

У Евгения Носова сила добра – в том числе и в его слабости. Ведь заманчиво было бы рассчитаться с подонками, совершившими преступление, – в конце-то концов, всё в руках автора. Но нет – Носов идёт по пути наибольшего сопротивления. Добро у него не может быть с кулаками, ибо если обретёт

кулаки – перестанет быть добром. Отсюда те весьма специфические отношения между добром и злом, которые возникают в прозе Носова: у писателя не так уж много ситуаций, где можно указать на какого-либо конкретного носителя зла, избавившись от которого, люди станут легче дышать. Нет, персонифицировать зло – не в носовских правилах. Конечно, есть у писателя и Игнат Заваров, выступающий в «Потраве» воплощением зла и индивидуального, и социального, но это, скорее, исключение, лишь подтверждающее общую закономерность. В основном же любовых столкновений и однозначных авторских оценок проза писателя лишена. Поэтому те герои Носова, которые пользуются авторской симпатией, не обязаны выявлять и наказывать неких ярко выраженных негодяев. Главное для них – самим не озлобиться, не впустить в свою душу ту мерзость, с которой приходится сталкиваться. Это максимум того, на что они могут быть способны. Если же дело всё-таки доходит до открытого столкновения, то носители доброй воли оказываются у Носова беззащитными перед лицом тупого насилия. Не верится автору в реальность прижизненного возмездия, и в «Алюминиевом солнце» те, кто совершил чудовищное злодеяние, никакого наказания в пределах рассказа не несут. Добро в прозе Евгения Носова не может отвечать злу его методами и обречено на внешнее поражение; но в этой неспособности разговаривать со злом на его языке и заключается истинная, духовная победа.

Ближайший друг Евгения Ивановича, Виктор Астафьев, у которого отношения с Фёдором Абрамовым были далеко не такими тёплыми, как с Носовым, в своих произведениях поступал совершенно иначе: он регулярно воздавал по заслугам всем тем, кто заслуживает наказания, работал по принципу «клин клином вышибают». Астафьеву было важно, чтобы возмездие всяким негодьям свершалось прямо на глазах у читателя, который видел: с мерзавцами можно бороться, а наказывать их просто необходимо, – в конце концов, испытанные ими потрясения, физические и духовные, им самим пойдут только на пользу. В прозе Виктора Петровича, как правило, появляется кто-нибудь, осуществляющий отмщение за невинно униженных, обиженных и оскорблённых. Можно предположить – да хотя бы основываясь на всем известном рассказе «Людочка» – что бы сделал Астафьев с подростками из «Алюминиевого солнца» и их «шефом», если бы сам разрабатывал подобный сюжет: он бы устроил им быстрое возмездие, причём, скорее всего, в роли мстителя выступало бы не государство. Виктор Петрович придумал бы что-нибудь иное.

Прекрасно иллюстрирует разницу между идейно-художественными принципами двух друзей-писателей восприятие Виктором Астафьевым рассказа Носова «Шуруп». В маленькой статье «Дыхание родной земли», написанной ещё в 1965 году, Астафьев кратко пересказывает этот носовский сюжет, в котором у парнишки, едущего домой с первой получкой и размышляющего, что подарить маме, оказавшаяся в вагоне мерзкая компания вытаскивает деньги, а потом очень эмоционально его комментирует: «Дочитываешь

рассказ со сжатыми кулаками – так бы и схватил за ворот всю эту шушеру, тряхнул бы и повыкидывал из вагона». [3; 10]

Носов же на себя функций судьи не берёт, а его герои, близкие автору, не могут вершить возмездие, не могут противиться злу насилием. И в рассказе «Алюминиевое солнце» его интересует судьба «любезнатца» Кольши, а не то, что случится в дальнейшем с его потенциальными убийцами.

Получается, что говорить о некоем единообразии решения Е.И. Носовым проблемы ухода сельского жителя из родных мест не приходится. Каждый подобный случай художественно воссоздаётся Носовым во всей его неповторимости, и вариант Игната Заварова, заслуживающий резкого авторского осуждения, является в прозе писателя далеко не единственным. Рассказ «Алюминиевое солнце», в котором на первый план выходит самый «шукшинский» герой Носова, – лишнее тому доказательство.

В глобальном же масштабе процесс массового бегства крестьян в города Фёдор Абрамов и Евгений Носов воспринимали как губительный, не только для деревни, но и для общества в целом. Причём никакой прямолинейности в раскрытии этой темы нет ни у того, ни у другого. Вряд ли Твардовский полностью прав, утверждая, что Егорша вызывает читательские симпатии вопреки намерениям автора. Абрамов 14 августа 1972 так писал о нём: «Сказать, что Егорша более мастеровит, чем Михаил. У Михаила всё крепко, навеки, да некрасиво. А у Егорши, что бы ни делал – везде изящество, красота. Только работать Егорша не любил». [2; 630] Через месяц автор снова возвращается к размышлениям об этом герое: «Егорша – подросток славный, с добрым сердцем парнишка. И именно это сближает Михаила с ним. А циником, приспособленцем он стал уж потом, когда жизнь принялась дубить его девически нежную кожу...» [2; 616] Абрамов как большой художник не схематизирует, а усложняет ситуацию, но одно несомненно: его симпатии – на стороне героя, чувствующего ответственность не только за своих близких, но и за судьбу родной деревни в целом.

Источники и литература:

1. *Абрамов Ф.А.* Письма Е.И. Носову. // Носов Е.И. Собрание сочинений: В 5 томах. Том 5. – М.: Русский путь, 2005. – С. 274.
2. *Абрамов Ф.А.* Собрание сочинений: В 6 томах. Том 1. – Л.: Художественная литература, 1990. – 640 с.
3. *Астафьев В.П.* Дыхание родной земли.// Литературная Россия. – 1965. – 27 августа. – С. 10.
4. *Некрасов В.П.* Саперлипопет. // Некрасов В.П. По обе стороны океана. Записки зеваки. Саперлипопет, или Если б да кабы, да во рту росли грибы... – М.: Художественная литература, 1991. – С. 259–354.
5. *Носов Е.И.* Выступление на 5-м съезде писателей РСФСР.// Носов Е.И. Собрание сочинений: В 5 томах. Том 1. – М.: Русский путь, 2005. – С. 367–372.

XI АБРАМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

---

6. *Носов Е.И.* Потрава. // Носов Е.И. Собрание сочинений: В 5 томах. Том 3. – М.: Русский путь, 2005. – С. 104–123.

7. *Носов Е.И.* Пятый день осенней выставки. // Носов Е.И. Собрание сочинений: В 5 томах. Том 3. – М.: Русский путь, 2005. – С. 144–166.

8. *Носов Е.И.* На дальней станции сойду. // Носов Е.И. Собрание сочинений: В 5 томах. Том 3. – М.: Русский путь, 2005. – С. 210–223.

9. *Носов Е.И.* Алюминиевое солнце. // Носов Е.И. Собрание сочинений: В 5 томах. Том 3. – М.: Русский путь, 2005. – С. 290–317.

10. *Твардовский А.Т.* Письмо Ф.А. Абрамову (29 августа 1967 года). // Твардовский А.Т. Собрание сочинений: В 6 томах. Том 6. – М.: Художественная литература, 1983. – С. 256–260.

Соколова К.Н.

**«...я верю: из Вас выработается
настоящий писатель»:
письма Фёдора Абрамова к Василию Белову,
сохранившиеся в фондах Музея-квартиры В.И. Белова
и Государственного архива Вологодской области**

Аннотация. В статье рассматриваются сохранившиеся в фондах Музея-квартиры В.И. Белова и Государственного архива Вологодской области письма Фёдора Александровича Абрамова, адресованные вологодскому писателю Василию Ивановичу Белову. Дается общая характеристика документов, исследуются тексты писем. Самое раннее обнаруженное письмо датировано 1963 годом, с него начинается заочная дружба двух писателей. Последнее сохранившееся письмо датируется 1983 годом. Документы публикуются и вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: эпистолярное наследие, письмо, архивный документ, музейный фонд, архивный фонд, писатель, Ф.А. Абрамов, В.И. Белов.

Письма – это бесценный источник информации. Уникальные рукописные документы содержат размышления, наблюдения, исповедь, выражают эмоции, чувства, настроения, дают бытовые и автобиографические сведения. Письма Фёдора Абрамова и Василия Белова уже не раз становились материалом для исследования взаимоотношений двух выдающихся писателей. Некоторая часть рукописных посланий была опубликована в 1990-е годы его супругой, Людмилой Крутиковой-Абрамовой, в 6-м томе шеститомного собрания сочинений, затем напечатана в 2000 году в журнале «Север» с предисловием Василия Белова.

В своей переписке писатели обсуждали творчество, околелитературные вопросы, житейские проблемы, вели разговоры о своей работе, проявляя наибольшую творческую откровенность, доверяли друг другу свои замыслы, к примеру, Фёдор Абрамов вспоминал: «...в письмах ко мне он [Василий Белов] не раз с увлечением говорил о работе над Иваном Африкановичем» [1].

Вместе с тем ещё остаётся неизученной определённая доля эпистолярного наследия двух крупнейших мастеров слова. Рукописные послания отложились в разных музейных и архивных фондах. В настоящей статье пойдёт речь о документах из Музея-квартиры В.И. Белова и Государственного архива Вологодской области.

Как известно, писатели познакомились в 1963 году заочно. История их отношений началась с письма, которое студент Литературного института им. Горького Василий Белов адресовал Фёдору Абрамову, откликнувшись на его новую повесть «Вокруг да около». Об этом Абрамов позже вспоминал: «Памятным для меня в этом письме было и то, что, оказывается, они, Беловы, еще раньше всей семьей читали мой первый роман «Братья и сестры». «Моя мать и мои братья и сестры, – писал Белов, – это Ваши «Братья и сестры», вологодские крестьяне» [1].

Это самое первое письмо, положившее начало крепкой дружбе, датировано 15 февраля 1963 года. Хранится документ в Архангельском краеведческом музее. «Не помню, что я ответил своему корреспонденту, но с тех пор между нами завязалась переписка», – рассказывал Фёдор Александрович [1].

Ответ Абрамова сохранился в архиве Белова в музее-квартире писателя, датирован 28 февраля 1963 года. Судя по датам, между двумя посланиями прошёл довольно небольшой срок. В ответ на восторженный отклик тогда ещё студента Литинститута Абрамов сообщает: «Не всё, далеко не всё сказано в ней о нашей многострадальной деревне, к тому же не обошлось без «правезжа» – приложили свою руку наши редакционные перестраховщики, но кое-что всё-таки сказано, и я думаю, это не пройдет без последствий. По крайней мере, для автора. А впрочем, может быть, и замолчат – это сейчас тоже модно»¹.

Очерк Фёдора Александровича, на который эмоционально отреагировал Василий Иванович, был напечатан в журнале «Нева» в №1 за 1963 год. В том же номере был опубликован рассказ Белова «Люба-Любушка», на который ученый, преподаватель Ленинградского государственного университета Фёдор Абрамов откликается так: «Я прочитал его [рассказ] дважды. Не знаю, сколько Вам лет, какое это у Вас на счету произведение. Но если Вы только начинаете, то дай Бог, как говорится, каждому так начинать. Очень у Вас хороший глаз, завидное чувство родной природы и главное – сердце у Вас доброе, отзывчивое. И рассказ Ваш небезобиден. Не лирическая, бездумная

¹ Письмо Ф.А. Абрамова В.И. Белову. 28.02.1963 // КБИАХМ МКБ КП-4067/14 А-912.

зарисовка. Есть в ней щемлящая нота, добрая скорбь о девушках, которые так, видно, и посохнут на корню, не дождавшись женихов. А ведь это целая трагедия. Большая человеческая трагедия. Конечно, её, эту ноту, можно было бы усилить – от этого рассказ только бы выиграл, но и в нынешнем своём виде он оставляет зарубку на сердце читателя. Говорю это честно, без всякой скидки на наше знакомство. Кстати сказать, от Вашего рассказа в восторге А. [Аркадий Павлович] Эльяшевич, ленингр. критик, и он просил меня передать Вам свой привет. Более того, у него даже возникло желание что-нибудь написать о Вашем рассказе. В общем, добрые и честные замечания, и я верю: из Вас выработается настоящий писатель»¹.

Высказывание получилось очень тёплым и в то же время серьёзным, с некоторой долей наставления старшего товарища младшему. В завершение своего отзыва Фёдор Александрович приглашает Василия Ивановича посетить его в Ленинграде и выражает свой интерес к продолжению переписки: «...если появится желание ещё написать, я с удовольствием отвечу»².

Таким образом, Абрамов подчёркивает, что будет рад личному знакомству с молодым автором. С этого письма между литераторами сразу установилась эмоциональная связь, обнаружилось сходство жизненных позиций, писательских приоритетов и ценностей. Очная встреча Абрамова и Белова произойдёт спустя год после этого первого письма, а переписка продлится два десятилетия.

Кроме уже сказанного, то самое первое послание Фёдора Абрамова содержит послесловие, касающееся общего знакомого двух писателей – литератора Александра Яшина. «Знаете ли Вы лично Александра Яшина? – уточняет Абрамов. – Вы должны его знать. И если увидите, передайте ему привет от меня и чувство огромного и радостного восхищения его «Вологодской свадьбой». Так подло побитой его земляками»³.

Повесть Яшина «Вологодская свадьба», как и очерк Абрамова «Вокруг да около», подвергся жёсткой критике практически одновременно. Общие проблемы сблизили писателей и, как и в случае с Беловым, их дружба началась с переписки. Благодаря Александру Яшину состоялось личное знакомство Абрамова и Белова, они встретились в 1964 году на выездном пленуме Союза писателей РСФСР в Краснодаре.

Музей-квартира В.И. Белова хранит только одно послание Фёдора Абрамова, но при этом одно из самых ценных – открывающее самое начало общения двух мастеров слова.

В Государственном архиве Вологодской области сохранилось 3 письма Фёдора Абрамова – за 1979 и 1983 годы. По этим посланиям легко проследить эволюцию отношений двух литераторов. Общаясь неформально, на «ты», Абрамов обращается к своему товарищу по имени-отчеству: «Доро-

¹ Письмо Ф.А. Абрамова В.И. Белову. 28.02.1963 // КБИАХМ МКБ КП-4067/14 А-912.

² Там же.

³ Там же.

гой Василий Иванович» или «Дорогой Иванович». Дружба, зародившаяся из отношений «читатель – писатель», выросла до общения на равных, а в последние годы они уже говорили «по-братски».

В послании от 6 марта 1979 года Фёдор Александрович сетует на разницу в возрасте со своим адресатом. В их обсуждении вышел спор по поводу советских эстрадных песен, судя по высказыванию Абрамова, мнения писателей здесь разошлись сильно. *«Что-то не понял тебя, – пишет Фёдор Александрович. – Чем же это тебе так не понравился «Конёк вороной»? Да это же любимая песня моей юности! Я и сейчас нет-нет да и напеваю её!*

Да, вот, что значит разница в 13 лет. Для тебя вся наша эстрада за 60 лет это сплошной дёготь, сплошная чернота, что в общем-то так оно и есть. Но была и романтика, парень. Даже в этой черноте, в этом дёгте. Вот, что надо хорошенько понять»².

Как видно из цитаты, общались писатели на разные темы, полярность мнений не мешала их искренней дружбе. В целом их взгляды были схожи, Абрамов с уважением относился к точке зрения своего товарища и признавал его правоту. Доверяли писатели друг другу и свои личные, и семейные трудности. Так, архангельский писатель наставлял своего вологодского коллегу: *«...семью не распускай. Напряги свои мозги – ты ведь умный»³.*

Писатели поддерживали друг друга, по-простому, по-свойски обращались они другу к другу в письмах. 4 декабря 1979 года Фёдор Александрович пишет Василию Ивановичу: *«13 декабря илѐпаю на твой спектакль... Очень хочу, чтобы понравился»⁴.* Накануне этого послания, 28 ноября, на сцене Ленинградского государственного академического театра комедии был поставлен спектакль «Добро, ладно, хорошо...» по произведениям Василия Белова, режиссёр – Пётр Фоменко. Абрамов как добрый друг и старший коллега, конечно, не мог пропустить эту постановку.

Третье сохранившееся в фондах Государственного архива Вологодской области письмо Фёдора Абрамова датировано 27 января 1983 года, в нём писатель сообщает, что получил книгу Василия Белова «Лад». Очерки о народной эстетике вышли в издательстве «Молодая гвардия» в 1982 году с фотографиями Анатолия Заболоцкого. Отзыв Фёдора Александровича был неоднозначным, с некоторыми замечаниями.

«Книга сработана на века, – отмечает писатель. – Жаль только, что нет должной строгости в выборе изобразительного материала. Хорошо ли это – в одну кучу и фотографии, и репродукции. Ну, да это пустяки. А вот то, что в книге нет портрета Анфисы Ивановны – огорчительно по-насто-

¹ Речь идёт о популярной советской песне «Там вдали, за рекой» (1928 г.), рассказывающей о сражении отряда будённовских войск в ходе Гражданской войны. Текст написан в 1924 году поэтом, переводчиком Николаем Коолем, автор музыки – дирижёр и композитор Александр Александров.

² Письмо Ф.А. Абрамова В.И. Белову. 06.03.1979 // ГАВО. Фонд № Р-5134. Оп.1. Д. 32. Л. 1.

³ Там же.

⁴ Письмо Ф.А. Абрамова В.И. Белову. 04.12.1979 // ГАВО. Фонд № Р-5134. Оп.1. Д. 32. Л. 2.

ящему. Не знаю, как для тебя, а для меня она воплощает в себе всю Вологодчину. Да и только ли Вологодчину...»¹.

Анфису Ивановну Белову, мать Василия Ивановича, можно назвать соавтором книги «Лад», именно на основе её воспоминаний писатель создал свою «энциклопедию крестьянской жизни». Абрамов гостил на родине Белова – в Тимонихе, общался с земляками писателя и был в восторге от матери своего вологодского коллеги. *«...немало всякой всячины повидал я на беловской земле, – писал позднее Фёдор Александрович, – но, конечно, самое большое диво – Анфиса Ивановна, мать Белова <...> Невысоконьякая, уже порядком стоптавшаяся, вся какая-то теплая, медвяная (конопушками все руки до локтей усыпаны) – это запомнилось сразу. И еще запомнилась доброта: так и подгребает, так и подгребает тебе всё, что повкуснее на столе. А на другой день очарованье с первой минуты...» [1].*

О наличии в книге фотографии Анфисы Ивановны можно поспорить с Фёдором Александровичем. В издании 1982 года есть небольшой сюжетный фотоснимок матери Белова в числе изображений деревенских жителей, который архангельский писатель мог пропустить. Доподлинно неизвестно, только ли мнение Фёдора Абрамова оказало влияние, но в последующие переиздания книги «Лад» (1989, 2017) были добавлены фотографии Анфисы Ивановны Беловой, выполненные Анатолием Заболоцким, а в издание 1985 года в число гравюр вологодского художника Юрия Воронова также включён графический портрет матери Василия Ивановича.

Писатели – Белов и Абрамов – дружили семьями, и каждое письмо Фёдора Александровича завершается тёплым приветом родным Василия Ивановича: *«низкий поклон твоей матушке», «моя любовь и молитвы за Олю, за Аню».*

Кроме представленных писем Фёдора Абрамова Василия Белову в Государственном архиве Вологодской области хранится небольшое рукописное послание Людмилы Владимировны Крутиковой-Абрамовой, супруги Фёдора Александровича. Документ датирован 17 мая 1996 года, в нём она сообщает, что отправила Белову машинопись и ксерокопии писем Абрамова. *«Мы были уверены, что когда-то отправляли Вам <...> Надеюсь, что теперь письма дойдут...»².* Материалы, направленные Людмилой Владимировной вологодскому писателю, сегодня хранятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Там сформирован личный архивный фонд В.И. Белова (Фонд № 889), созданный на основе документов, переданных самим прозаиком в 2002–2005 годах. Согласно описи, на хранении находятся письма за период с 1965 по 1971 гг., с 1975 по 1977 гг. и за 1981 год. Всего 49 документов. Изучение этих материалов станет отдельной темой будущих исследований.

¹ Письмо Ф.А. Абрамова В.И. Белову. 27.01.1983 // ГАВО. Фонд № Р-5134. Оп.1. Д. 32. Л. 3.

² Письмо Л.В. Крутиковой В.И. Белову. 17.05.1996 // ГАВО. Фонд № Р-5134. Оп.1. Д. 411.

Источники и литература:

1. *Абрамов Ф.А. Деревеньку зовут Тимониха / Ф.А. Абрамов // Чем живем-кормимся : очерки. Статьи. Воспоминания. Литературные портреты. Заметки. Размышления. Беседы. Интервью. Выступления / Ф.А. Абрамов. – Л., 1986. – С. 271–281.*

УДК 811.161.1

Третьяков М.А.

«Деревянные кони» Федора Абрамова как собирательный образ одной из сотен советских деревень

Аннотация. В статье рассматривается повесть «Деревянные кони» Федора Абрамова как отражение реалий советской деревни, её быта, нравов, особенности жизни. Выявлены элементы, формирующие собирательный образ деревни и сельской жизни.

Ключевые слова: деревня, люди, образ, природа, фактор.

Произведение «Деревянные кони» Федора Абрамова представляет реалии жизни советской деревни, образ которой можно назвать собирательным и проецировать на сотни других населенных пунктов. В ней можно увидеть множество отражений тех событий, которые оказали влияние на жизнь деревенских жителей.

Рассмотрим использованные Ф.А. Абрамовым в тексте повести «Деревянные кони» приемы, формирующие у читателя образ северной деревни.

Повествование ведется от первого лица, однако имя рассказчика для читателя остается неизвестным. Автор лишь сообщает, что главный герой (рассказчик) сбежал от городского шума в глухую деревеньку, чтобы набраться сил и восстановиться.

Писатель предоставляет возможность заглянуть в обыденность деревни, в ее «заповедную тишину» и великую простоту.

Во-первых, обращение к главной героине повести *МиленТЬевна*. Только в четвертой главе Абрамов раскрывает ее имя. Обращение к старшим только по отчеству свойственно в деревнях, поскольку в небольших насе-

ленных пунктах взаимоотношения между людьми более близкие нежели в городах.

Среди приемов описания деревенской жизни – предметы, когда-то использовавшиеся для работы, но бережно сохраняемые жителями: *рогатое мотовило, кросна – домашний ткацкий станок, веретеница, расписные прялки-мезехи (с Мезени), трепала, всевозможные коробья и корзины...* В них главный герой находит вдохновение и с особым интересом изучает, когда остаётся один, воспринимая их как часть ушедшей культуры. В то же время, описывая эти предметы, Абрамов погружает читателя в особенности крестьянского быта, показывает историю и развитие предметов труда деревенских жителей.

Важным фактором, формирующим представление о деревенской жизни, является взаимоотношения жителей. В повести Ф.А. Абрамов описывает непростые семейные отношения, авторитет мужчины в семье. В то же время через характер Ивана, младшего сына, терзаемого пьянством и разрушительным влиянием, представлена тенденция к утрате старых ценностей и порядков в деревне.

В свою очередь, Милентьевна, мать Максима и Ивана, становится воплощением прежней деревенской мудрости и силы, несмотря на все беды, которые с ней случились, невзирая на свой возраст, она трудится с раннего утра, даже когда находясь в гостях у сына. Образ Василисы Милентьевны, женщины, на долю которой выпали суровые испытания судьбы: детство прошло в суровых условиях, раннее замужество не по любви, ревнивый супруг, потеря сыновей и дочери, можно расценивать как собирательный образ сильной деревенской женщины, способной выдержать любые трудности и при этом не потерять веру и надежду. Сила ее духа и преданность семье поражают и восхищают центрального персонажа повести, от лица которого ведется повествование.

Молодое поколение деревенских жителей представлено в образе Евгении, жены Максима. Другие взгляды, она не понимает трудолюбие Милентьевны.

Важный приём, характеризующий деревенскую жизнь – диалоги местных жителей с использованием слов и выражений, характерных для северной деревни: *за губами пошла, когда речь идет о грибах; исть; неладно; лешак* и т.д.

Особенности домов Пинежского района Архангельской области, где прошло детство самого писателя – охлупень в виде коня, украшающие крыши деревенских домов.

Деревянные кони в повести символизируют прошедшую эпоху, олицетворение богатой русской деревенской культуры. Эти кони, установленные на крышах домов, стали в каком-то роде заменой живым лошадям, верных помощников в хозяйстве на селе.

Поскольку автор отмечает, что в деревне из настоящих лошадей остался один лишь престарелый Громобой, фигуры деревянных коней на крышах предстают как своего рода хранители деревенской старины.

Таким образом, образ деревни в повести Ф.А. Абрамова «Деревянные кони» выражается через трудолюбие, речевые особенности персонажей, сложности деревенского быта, особенности сельского труда. Важным фактором является взаимоотношения поколений, ярко показанные Ф.А.Абрамовым в повести «Деревянные кони».

Источники и литература:

1. *Абрамов Ф.А. Жила-была семужка: Повести / Л.: Дет. лит., 1980. – 224 с.*

Холопова Д.Г.

Литературный музей И.А. Куратова – хранитель коми языка и литературы Республики Коми (к 185-летию со дня рождения первого коми поэта И.А. Куратова и 55-летию со дня основания музея)

Аннотация. Статья посвящена истории создания Литературного музея И.А. Куратова в Сыктывкаре, столице Республики Коми. В нем подробно представлены этапы подготовки первой экспозиции Литературно-мемориального музея И.А. Куратова и ныне действующей – Литературного музея И.А. Куратова. Кратко описаны темы экспозиционных залов.

Ключевые слова: музей, выставка, экспозиция, экспонат, документы, рукописи, фотографии, ученые, писатели, родственники, книги.

18 июля 1969 года в столице республики Сыктывкаре состоялось важное культурное событие – открытие литературно-мемориального музея первого коми поэта, основоположника национальной литературы и учёного-лингвиста И.А. Куратова. Музей был открыт в современном кирпичном доме №10 по улице Орджоникидзе. На этом месте в XIX веке на улице Покровской стоял деревянный дом с мезонином, принадлежащий дочери священника Е.А. Казариновой. В этом доме учитель духовно-приходского училища Иван Алексеевич Куратов снимал квартиру. Мемориальным музей был назван условно, лишь по месту дома, в котором жил поэт.¹

Идея создания музея возникла ещё в 1939 году в связи с подготовкой к 100-летию со дня рождения И.А. Куратова. В 1930-е годы прошлого века исследованиями жизни и творчества поэта наиболее активно занимались будущие учёные А.С. Сидоров и А.А. Попов.

Как известно, рукописные тетради поэт до своей смерти оставил другу и сослуживцу В.И. Чистопольскому. В 1878 году В.И. Чистопольский тетради поэта по его завещанию отправил из г. Верного в Санкт-Петербург племяннику И.А. Куратова, студенту Императорского историко-филологического института Николаю Афанасьевичу Куратову. И.А. Куратов позднее, когда уже жил и работал учителем словесности в Тобольске, тетради своего дяди передал отцу, старшему брату поэта, священнику Межадорской церкви Афанасию Куратову. После смерти Афанасия они хранились у его младшего сына в Визинге, также священника и племянника Куратова Степана Афанасьевича. Из воспоминаний сына С.А. Куратова известно, что родственники поэта относились к его рукописям как к самой дорогой семейной реликвии. И только в 1923 году С.А. Куратов передал их своему зятю, будущему учёному А.С. Сидорову для ознакомления с творчеством И.А. Куратова.

А.С. Сидоров в том же году сообщил о поэте в первом коми журнале «Парма ёль» (Лесной ручеёк). С этого времени и по 1937 год будущий учёный бережно хранил и изучал тетради Куратова. К 100-летию поэта Сидоров подготовил академическое издание «Полное собрание сочинений И.А. Куратова». Но в 1937 году он, как и многие другие деятели науки, литературы и культуры, был репрессирован и в родные места вернулся только в декабре 1941 года. В 1939 году труд А. Сидорова был издан, однако на вышедшей книге его имени не оказалось...

А.А. Попов после окончания Института Красной профессуры работал научным сотрудником Литературного музея имени А.М. Горького в Москве и готовился к защите диссертации по теме «Жизнь и творчество И.А. Куратова». В дни подготовки к 100-летию со дня рождения поэта в адрес юбилейной комиссии он написал: «Я мыслил о выставке двух родов: одна – постоянная выставка, зачаток Литературного музея Коми АССР имени И.А. Куратова; вторая – выставка рукописей, документов, если найдутся – также книг, бывших у Куратова, или тех, коими он пользовался. Только эту – вторую – и можно организовать в этом отрезке времени». А.А. Поповым же был составлен первый тематический план выставки, но, к сожалению, из-за внезапной смерти его планы по дальнейшему изучению жизни и творчества Куратова остались неосуществлёнными.

Действительно, к этому времени многое о жизни и творчестве поэта было неизвестно, не изучено, не было минимума экспонатов, поэтому выставка «второго рода» и была организована к 100-летию поэта. Во второй половине 1930-х годов в подготовке юбилейных мероприятий и выставки активное участие приняли коми писатели и учёные П.Г. Доронин, В.В. Юхнин, С.М. Морозов, Г.А. Фёдоров, А.А. Вежев и др.

После Великой Отечественной войны исследователи по крупицам собирали в архивах Сыктывкара, Казани, Вологды, Москвы, Ташкента, Алматы, у родственников поэта всё, что связано с жизнью и творчеством И.А. Куратова.

19 апреля 1963 года Совет Министров Коми АССР принял постановление о создании музея И.А. Куратова, в январе 1967 года последовало распоряжение Совета Министров об открытии музея на правах филиала Республиканского краеведческого музея.

Создание музея было связано с определёнными трудностями. Поэт умер вдали от родных мест, из его личного архива до нас дошли лишь несколько бесценных реликвий: две фотографии, несколько книг из его личной библиотеки и рукописные тетради, хранящиеся в ЦГА Коми АССР (ныне Национальный архив РК). В первой экспозиции были использованы предметы быта второй половины XIX века, копии документов и фотографий, рассказывающие об учёбе и жизни поэта в Яренске, Вологде, Казани и Средней Азии.

Первый тематико-экспозиционный план был составлен заведующим отделом истории Республиканского краеведческого музея А.М. Рубцовым, экспозицию подготовили научный сотрудник краеведческого музея Т.А. Шеромова (впоследствии Чисталёва) и художник Р.Н. Ермолин. Первой заведующей музеем стала также Т.А. Чисталёва – настоящий энтузиаст своего дела и преданный поклонник творчества И.А. Куратова. За двадцать лет своей деятельности, работая в различных архивах страны и поддерживая постоянную связь с родственниками поэта, проживающими в различных уголках страны, она много сил и времени отдала сбору материалов о жизни поэта.

С первых дней работы музеем помогали родственники Куратова, потомки его брата Афанасия. Правнук Афанасия Г.А. Фёдоров, народный писатель РК, передал в дар музею часы, принадлежавшие ранее семье его прадеда. После плодотворной командировки Тамары Алексеевны в Тобольск, где в начале XX столетия жила семья племянника поэта, учителя словесности Тобольской мужской гимназии Н.А. Куратова, экспозиция музея пополнилась новыми подлинными вещами, среди которых фисгармония, чернильный прибор, подсвечник, семейные альбомы с фотографиями, рукописные тексты докладов Н.А. Куратова о творчестве русских писателей и т.д. Немало ценных экспонатов передал музею внучатый племянник поэта, один из основателей сельхозтехникума Варфоломей Агапитович Иевлев.

Во время реэкспозиции 1976 года в музее был воссоздан интерьер типичной крестьянской избы, рассказывающий о детстве Куратова. В интерьере экспонировались предметы быта коми крестьян первой половины XIX века, переданные музею земляками поэта – жителями с. Кебра (ныне Куратово).

В 1980-е годы в связи с подготовкой к VI Международному финно-угорскому конгрессу встал вопрос о создании новой экспозиции музея. К этому времени благодаря исследованиям куратоведов в архивах Средней Азии и удачной экспедиции Т.А. Чисталёвой в 1984 году в Алма-Ату фонды музея пополнились новыми интересными документами, рассказывающими о жизни и общественной деятельности поэта вдали от родины. Все эти ценные находки были использованы в новой экспозиции музея, состоящей из

трёх разделов: «История открытия и изучения рукописного наследия поэта», «Жизнь и творчество И.А. Куратова», «Вдали от родины».

Большую роль в становлении и развитии музея сыграли труды литературоведов второй половины XX века А.Н. Фёдоровой, В.И. Лыткина, А.А. Вежева, П.Г. Доронина, Е.С. Гуляева, А.К. Микушева, А.Е. Ванеева, В.А. Латышевой, Г.И. Тираспольского, Н.П. Ивлева, В.Н. Дёмина, В.И. Мартынова и др.

Со дня основания музей собирал и изучал материалы не только о жизни и творчестве И.А. Куратова и его родственниках, но и об истории развития коми языка и литературы с IV века по настоящее время. К началу 1990-х годов в фондах музея хранилось около 15 тысяч экспонатов, среди них – материалы об истории зарождения и развития коми писательской организации, коллекции архивов писателей и исследователей языка и литературы В.И. Лыткина, А.С. Сидорова, В.А. Савина, В.Т. Чисталёва, Н.П. Попова, В.В. Юхнина, Я.М. Рочева, Г.А. Фёдорова, А.Н. Фёдоровой, И.М. Вавилина, Н.М. Дьяконова, С.А. Попова; погибших в годы Великой Отечественной войны поэтов и прозаиков А.П. Размыслова, В.И. Елькина, Я.И. Чупрова, И.Н. Симакова, И.Н. Комсомольского, И.А. Осипова и др. Постоянную помощь в сборе материалов оказывали сами писатели, вдовы и родственники ушедших или погибших писателей. Следует сказать и о том, что в 1930-е годы прошлого века почти все члены Союза писателей Коми области были заключены в тюрьмы или лагеря, и, естественно, в их архивах материалы об арестах и пребывании в местах лишения свободы отсутствовали. Без этих документов невозможно было бы представить в экспозиции или на выставке полную и правдивую картину жизни того или иного репрессированного писателя.

В 90-е годы прошлого столетия в связи с демократическими преобразованиями в обществе стало возможным изучение секретных фондов в архивах республики, материалов архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Коми. Благодаря этому коллекции музея пополнились уникальными копиями документов, рассказывающих о трагических годах репрессий племянника первого коми поэта С.А. Куратова, видных деятелей литературы и науки В. Савина, В. Чисталёва, А. Сидорова и др.

В этот же период удалось собрать коллекцию материалов архива выдающегося нашего земляка, писателя и учёного-философа К.Ф. Жакова. Как известно, в годы культа личности и застоя имя К.Жакова напрочь было вычеркнуто из истории коми народа. Поэтому в фондах музея хранилось всего несколько экспонатов – рукопись поэмы писателя «Биармия», одна фотография и ксерокопии нескольких книг. В фонды музея поступили документы из Санкт-Петербургского исторического архива и фондов музея В.М. Бехтерева, рассказывающие о работе Жакова преподавателем в психоневрологическом институте и о его научных командировках в Коми край. Материалы,

поступившие из Вологодского областного архива, отражают просветительскую деятельность К.Ф. Жакова на севере России. Копии воспоминаний современников писателя и учёного передал музею ЦГА Республики Коми (ныне – Национальный архив РК). На просьбу сотрудников музея откликнулся и Эстонский государственный архив. Копии документов этого архива рассказывают о жизни и работе писателя в Юрьевском университете (ныне г. Тарту). Немало уникальных музейных предметов было передано родственниками К. Жакова – дочерью Райдой Каллистратовной и внучкой Любовью Вадимовной.²

В 1990–2000-е годы сотрудниками музея Ильчуковой Л.Д., Михейченко Н.А., Бызовой В.В., заведующей Холоповой Д.Г. и художником Мишариной Л.В. с целью пропаганды коллекций писателей и ознакомления с новыми поступлениями было построено большое количество выставок к юбилейным и памятным датам писателей.

Таким образом, сложились все предпосылки для создания литературного музея РК. Литературно-мемориальный музей из-за маленькой экспозиционной площади и фондового помещения уже не мог выполнять функции национального литературного музея.

В 1998 году по решению Главы РК Ю.А. Спиридонова музею передано уникальное историческое здание – особняк купца С.Г. Суханова. За период реставрации архитектурного памятника сотрудники музея Л.Д. Ильчукова, Н.А. Михейченко и Д.Г. Холопова работали над созданием научной документации будущей экспозиции. Открытие музея состоялось в год 170-летия со дня рождения И.А. Куратова 2 июля 2009 года. К этому времени была подготовлена экспозиция зала «Жизнь и творчество И.А. Куратова. История открытия и изучения поэтического наследия». В последующем под руководством директора НМРК Котылевой И.Н., заместителя директора по научной работе Бандура С.В., художником Мишариной Л.В. и сотрудниками музея были подготовлены экспозиции в остальных пяти залах.

Это здание до сих пор называют домом купца Суханова. Первое упоминание о доме С.Г. Суханова относится к 1801 году – именно тогда купец получает разрешение на строительство каменного двухэтажного особняка. В 1850 году после переговоров городских властей с обедневшими наследниками купца дом был закуплен и приспособлен под учебное заведение, точнее, под уездное училище.

Как учебное заведение дом имеет важное мемориальное значение в связи с тем, что в разное время здесь бывали, учились или работали коми писатели и учёные.

Известно, что первый коми поэт И.А. Куратов в 1861–1865-е годы работал учителем в духовно-приходском училище в Усть-Сысольске, размещавшемся в Троицком соборе. Собор находился на берегу реки Сысола недалеко от уездного училища. Преподаватели училища были друзьями Ивана Куратова, поэтому поэт неоднократно бывал в этом доме.

В уездном училище во второй половине 1870-х годов обучался один из выдающихся деятелей науки и литературы коми народа К.Ф. Жаков. Вот как он вспоминает об этом в одном из лучших своих произведений – в повести «Сквозь строй жизни»: «Холмы и леса родные, природа бесконечная! Я не понимал тебя в детстве и направился в город, в уездное училище, и увлёк за собой Ваню Налимова... Мы держали экзамен в уездном училище и выдержали в 1-й класс. Училище мне больно понравилось. Окна большие, светло, светло, детей много и все такие шумные. Неужели в таком раю буду я учиться, достоин ли?». В этом же учебном заведении обучался коми лингвист, историк и переводчик Г.С. Лыткин. В 1885 г. уездное училище было преобразовано в городское. В Усть-Сысольском городском училище в 1890-е годы преподавал основатель краеведческого музея А.А. Цембер. В 1910 – 1912-е годы здесь обучался коми поэт и учёный с мировым именем В.И. Лыткин.

После установления советской власти в 1924 году в здании разместился областной краеведческий музей. В 1920–1930-е годы в музее часто бывали и оказывали неоценимую помощь в сборе экспонатов исследователи творчества И.А. Куратова, впоследствии доктора наук А.С. Сидоров и В.И. Лыткин. Накануне Великой Отечественной войны и после ранения на фронте с 1944 по 1946 годы научным сотрудником музея работал коми поэт-песенник Ф.В. Щербаков.

Новая экспозиция музея рассказывает о развитии коми языка и литературы с XIV века по настоящее время. Материалы вводного зала знакомят с историей и фольклором народа коми, а также с финно-угорскими языками.

Во втором зале раскрывается тема «Возникновение письменности. Изучение языка и письменности в XVIII – первой половине XX века». Материалы экспозиции знакомят с деятельностью выдающегося просветителя и создателя древнекоми азбуки Стефана Пермского, историей изучения письменности, хранителями древнерусской литературы на территории Коми края, а также создателем уникальной рукописной библиотеки в первой половине XX века И.С. Рассыхаевым и его книгами. В этом же зале представлены редкие книги монастырских и общественных библиотек.

Третий зал является ключевым пространством в музее и посвящён теме «Жизнь и творчество И.А. Куратова. История открытия и изучения поэтического наследия». Материалы экспозиции рассказывают о детстве и юности Куратова, о годах учёбы в Яренске, Вологде, Москве и Казани, о жизни и деятельности поэта в г. Усть-Сысольск и Средней Азии. Перенестись в атмосферу того времени помогут книги из личной библиотеки поэта с его автографом, рукописи, документы, альбомы с семейными фотографиями конца XIX – начала XX века племянника поэта Н.А. Куратова. Представлены также открытки XIX века с видами г. Усть-Сысольска, журналы «Современник» и «Отечественные записки». Особый эмоциональный настрой на посетителей оказывает мебель второй половины XIX века – диван и

столики, овальный и круглые с резными ножками, книжный шкаф, часы напольные и фисгармония.

Раздел экспозиции посвящён открытию, изучению и сохранению поэтического наследия. Творчество И.А. Куратова – уникальное явление для XIX века.³ Поэтому тема «И.А. Куратов» прослеживается во всех последующих экспозиционных залах.

В четвёртом зале раскрыта тема «Коми литература первой трети XX века». Материалы зала рассказывают о развитии литературы до революции 1917 года и после неё. Отдельные разделы посвящены самым значимым писателям этого периода – К.Ф. Жакову, В.А. Савину, В.Т. Чисталёву, В.И. Лыткину, Н.П. Попову, а также развитию издательского дела, становлению писательской организации и коми национального театра. В экспозиции зала немало бесценных экспонатов, среди которых рукопись поэмы К. Жакова «Биармия», последнее предсмертное письмо В. Савина из ссылки в Сибири, подлинные документы архива В. Лыткина, рассказывающие о годах учёбы в МГУ, а также в Финляндии и Венгрии в 1926–1927 гг. и о годах репрессий.

Экспозиция пятого зала посвящена теме «Коми литература в 1940–1950-е годы». Материалы экспозиции рассказывают о судьбах писателей-фронтовиков – погибших на фронте и вернувшихся с войны, литераторов, чьё творчество стало частью тыловой жизни Коми Республики в военные годы, о судьбах репрессированных писателей, пребывавших в годы войны в лагерях и ссылках. О военном лихолетье в экспозиции повествуют фронтовые письма, подлинные документы о наградах, личные вещи, рукописи стихотворений и рассказов, а также книги писателей, изданные в эти суровые годы.

Осмотр экспозиции заканчивается в шестом зале «Современная литература Республики Коми». Здесь представлены фотопортреты, групповые снимки и личные вещи писателей. В отдельных шкафах размещены книги коми и русских писателей РК. Экспозиция выполнена в формате book-café: в зале можно уединиться с книгой, погрузившись в мир образов, созданных известными писателями И.Г. Тороповым, Г.А. Юшковым, А.Е. Ваневым, В.В. Кушмановым, Н.А. Мирошниченко, В.В. Тиминим, Н.Н. Куратовой, П.М. Столповским и др.

Сквозной темой всей экспозиции является перевод произведений русской и зарубежной художественной литературы на коми язык, а также перевод коми художественной литературы на русский язык и на другие языки народов России и зарубежных стран.

Основоположник коми литературы И.А. Куратов в течение всей своей жизни занимался переводами произведений русских, западно-европейских и античных поэтов.

После революции 1917 года перевод художественных произведений коми литературы на русский язык начал осуществляться в 1930-е годы. Во второй половине 1930-х годов в Москве были изданы сборники произведений коми писателей «В парме», «Поэты коми» и «И.А. Куратов. Стихи».

Во второй половине XX века широкую известность получили переводы пьес коми драматургов Н. Дьяконова, В. Леканова и А. Ларева; романы В. Юхнина, Я. Рочева и Г. Фёдорова; сборники стихов С. Попова, А. Ванеева и В. Тимина; произведения Г. Юшкова, И. Торопова, П. Шахова, Н. Куратовой, Е. Рочева и т.д.

Произведения писателей РК публикуются также на языках финно-угорских народов, народов ближнего и дальнего зарубежья. В 1989 году стихотворение первого коми поэта И.А. Куратова «Моя муза» было опубликовано отдельным сборником на 46 языках народов Советского Союза и мира.

Залы Литературного музея И.А. Куратова богаты множеством подлинных уникальных экспонатов, и тем самым привлекательны для посетителей. В книге отзывов читаем благодарственные слова как от гостей столицы, так и жителей нашей республики – детей, студентов и взрослых. Вот некоторые из них:

– «Люди музея – это подвижники. Всё, что я увидел в вашем музее – это труд талантливых людей и правда памяти, которое позволяет оставаться с верой в культуру. Алексей Никольский (Москва), 27/02 – 2014 г.». «Уважаемые коллеги! Очарована музеем и той огромной работой, которую вы делаете. Изучение и популяризация литературного наследия народов Республики Коми – великое и важное дело. Удачи, новых находок, идей и благодарных посетителей! Директор ГБУК «Историко-культурный ландшафтный музей-заповедник «Пустозёрск (Нарьян-Мар)»».

– «Побывала в музее. Интересно. Очень. Порадовали экспозиционные залы, их наполняемость. И даже оборудование. Подобранный материал дополняют экспонаты. Узнала много нового, появилось желание расширить свои знания о коми языке и о писателях и поэтах, писавших на этом языке. Спасибо Вам за интересную экскурсию! Ваш музей хочется посетить снова и снова. Уже! Александра Носкова, научный сотрудник музея «Дом станционного смотрителя. Д. Выра. 2015 г.»

– «Ученики 2а класса МАОУ «СОШ №7» регулярно посещают экскурсии Литературного музея. Они учат детей любить и понимать литературу, её истоки. В занимательной форме дети познают научные сведения о родном крае, её писателях и поэтах, истории республики. Спасибо за профессиональную работу и плодотворное сотрудничество. Классный руководитель Л.Г. Слободянюк».

– От 29.06.2017 года: «Выражаем благодарность сотрудникам музея и особенно Любви Андреевне за отличную экскурсию. Незрячие читатели библиотеки получили много полезной, интересной информации о культуре народа коми и основателе коми литературы И.А. Куратове. До новых встреч! Читатели библиотеки для слепых Л. Брайля».

Музей проводит большую научную и просветительную работу. Сотрудники регулярно своими исследованиями выступают на научных конференциях, публикуют статьи в научных сборниках, о своей деятельности рассказывают

по Республиканскому радио и телевидению, готовят разнообразные формы экскурсий и занятий для дошкольников, учащихся, студентов и взрослых.

Ежегодно в музее проводится более тридцати литературных мероприятий, среди которых – встречи с писателями, юбилейные, памятные и музыкально-поэтические вечера, презентации книг и т.д. Традиционными стали работа с посетителями по проекту «Литературная среда» в рамках акции «Вечерний музей» и проведение Всемирного Дня поэзии.

Литературный музей – это особый тип музея, это, как называют сами писатели, храм, где живут музы, это очаг духовного, патриотического и культурного воспитания. Из этого следует, что основными задачами Литературного музея И.А. Куратова являются воспитание уважительного отношения к коми языку, воспитание любви к литературе родного края, расширение знаний о литературе страны через судьбы и творчество писателей РК.

Источники и литература:

1. *Чисталёва Т.А.* Литературно-мемориальный музей И.А. Куратова. Сыктывкар, 1990. С. 5.

2. *Холопова Д.Г.* История формирования фонда К.Ф. Жакова в Литературном музее И.А. Куратова (к 150-летию со дня рождения коми писателя и учёного). Сборник статей «К.Ф. Жаков. Грани творчества», Сыктывкар, 2018. С. 267–274.

3. *Дёмин В.Н.* Рифмою крылатой свяжем строки. Сыктывкар, 1999. С.4

Чебыкина Н.В.

«Нерассказанные сказки Сени Малины» – опыт художественной интерпретации литературного наследия С.Г. Писахова

Аннотация. Музей народных промыслов и ремесел Приморья ежегодно проводит конкурс «Нерассказанные сказки Сени Малины». Целью конкурса является приобщение людей разного возраста к культурно-историческому наследию Поморья, сохранение и развитие устного народного творчества – сказки, байки, небылицы. Одной из номинаций конкурса предусмотрено сочинение сказок, главными героями которых являются Сеня Малина, Перепилиха и другие персонажи произведений С.Г. Писахова. Данная работа имеет цель выявить особенности интерпретации образов Писаховского цикла сказок в произведениях современных авторов.

Ключевые слова: Степан Писахов, Сеня Малина, авторская сказка, персонажи, образы, символы, интерпретация.

С 2004 года Музей народных промыслов и ремёсел Приморья располагается в посёлке Уемском (в прошлом – деревня Уйма) Приморского округа Архангельской области. Деревня Уйма стала широко известна благодаря сказкам художника и писателя С.Г. Писахова, как родина выдумщика и «враля» Сени Малины и его прототипа – крестьянина Семена Кривоногова.

В настоящее время можно с уверенностью утверждать, что Сеня Малина – не просто литературный персонаж, а образ-символ, формирующий культурные смыслы как территории поселка Уемского, так и всего Приморского округа.

Образ Сени Малины появился в произведениях С.Г. Писахова благодаря встречам в Уйме в 1928 году с С.М. Кривоноговым [8, с. 24]. Семен Михайлович Кривоногов родился в 1856 году. Согласно воспоминаниям его род-

ственников, Кривоногов 7 лет служил на флоте в Петербурге, после чего вернулся в родную деревню, занимался охотой, рыбной ловлей, лесным делом. Он был хорошим маляром, мастерски стелил и шпаклевал полы. Окончил 2 класса сельской школы, знал грамоту, о чём свидетельствует документ «По прошению крестьян Архангельской губернии Уемского и Жаровихинского сельских обществ об образовании Уемской волости», где «/.../ за себя расписался Семен Кривоногов», любил читать. Обладал хорошей памятью, знал множество историй, хорошо умел «баять», вставлял в рассказы свои «прибавленьица», выдумки, любил поговорку: «Не любо – не слушай, а врать не мешай». Женится Кривоногов поздно. У Семена Михайловича и его жены Матрены Гавриловны было семеро детей – 5 сыновей и 2 дочери. Потомки Семена Кривоногова проживают в Уйме и в наши дни [1].

С.Г. Писахов в предисловии к своим сказкам говорит только об одной встрече с уемлянином Малиной и указывает, что, «чтя память безвестных северных сказителей – моих сородичей и земляков, – я свои сказки веду от имени Сени Малины». Потомки С.М. Кривоногова вспоминают о том, что бывал в Уйме и знаменитый капитан В.И. Воронин. Он знал, что здесь, в деревне Малинчевской (одной из пяти деревень, входящих в состав Уймы), живет балагур, сочинитель баек-небылиц Семен Кривоногов, которого деревенские прозвали Семен Малина. При встрече с Писаховым Воронин рассказал ему об этом удивительном человеке, после чего художник и писатель решил лично с ним пообщаться. От Семена Малины были записаны сюжеты о том, как он «на корабле через Карпаты ездил» и «как собака Розка волков ловила» [3].

В настоящее время уемский балагур Сеня Малина является одним из значимых образов-символов, формирующих культурный ландшафт территории.

В связи с данным фактом Музей ежегодно проводит конкурс «Нерасказанные сказки Сени Малины». Целью данного конкурса является приобщение людей разного возраста к культурно-историческому наследию Поморья, сохранение и развитие устного народного творчества – сказки, байки, небылицы. Традиционно одной из номинаций конкурса предусмотрено сочинение сказок, главными героями которых являются Сеня Малина, Перепилиха и другие персонажи произведений С.Г. Писахова. Одной из главных задач конкурса является актуализация творческого наследия мастера и образа главного героя его сказок, имеющего реальный прототип.

В 2007 году по итогам проведения конкурса «Нерасказанные сказки Сени Малины» был издан первый одноименный сборник. С каждым годом география конкурса расширяется, выходя за пределы Приморского района и даже Архангельской области. В этом году в связи с 145-летним юбилеем С.Г. Писахова запланирована публикация нового сборника «Нерасказанных сказок».

Цель данной работы – выявить особенности интерпретации образов Писаховского цикла сказок о Сене Малине в произведениях современных авторов.

Пространство природы в сказках С.Г. Писахова живое, одухотворенное, в нем происходят сказочные, чудесные явления: лес рубится сам, рыба ловится сама; по морю можно погулять на треске, навести порядок в «водяной прохладности» реки, белой ночью побегать вперегонки с оленями, а по осени собрать про запас северное сияние и звёздный дождь. Природа выступает помощником человека во всех добрых делах, она тесно связана с трудом и бытом, самой жизнью героев.

Авторы «Нерассказанных сказок», вдохновляясь произведениями С.Г. Писахова, тоже создают образ живой, дружественной северному человеку природы, способной даже испытывать эмоции: «...можно пешком до края земли пойти, посмотреть, куда солнце по вечерам падает. Сядешь, бывало, на край Земли, ногами болтаешь, солнце в глаза смотрит, улыбается, от того, что ты его своим теплом одариваешь. Оно на севере у нас холодное, но люди теплотой делятся, радуют солнце» [9]. Подобное описание одновременно перекликается как со сказками о северном крае, так и с очерками С.Г. Писахова, утверждая неразрывную духовную связь между человеком и природой: «Хорошо нам втроем: солнцу, морю и мне!» [8, с. 207]. Солнце не подвластно никаким сказочным преобразованиям, оно благодушно наблюдает за людьми, радуясь за них и вместе с ними. Тем не менее, к солнцу можно обратиться с просьбой и даже рассчитывать на его помощь: «Я помахал солнышку руками, тож дай света, не жадничай. Красно солнышко выглянуло да пригрело семечко» [9].

Природные топосы «море», «река», «лес» выступают в сказках как традиционные места деятельности рыбаков-поморов и северных крестьян. Главные герои «Нерассказанных сказок» выходят в море на рыбный промысел, ходят в лес по грибы и ягоды. При этом природа благоволит человеку, где бы он ни оказался. Рыбаки, оставшиеся без сетей, могут поймать семгу веревкой и ее помощью путешествовать по реке: «...ловить рыбу-то и не чем – снасти-то все в шторм утеряли, только одна веревка уцелела. Ну, поморы-то наши не лыком шиты, завязали петлю на веревке-то да саму крупну семжину-то и заарканили» [Там же]. С грибами и ягодами в лесу можно договориться: «Поговорили мы с морошкой по душам, а она сама к нам в кузовок да в корзинки и попрыгала...» [Там же].

Природа не просто готова помогать человеку, но и старается привлечь его внимание, если по какой-то причине оказывается не востребованной. Так мухомор, который грибники обходят стороной, «от обиды» вырастает до гигантских размеров, чтобы не остаться незамеченным: «И решил я тогда не съедобный гриб на общественну пользу приспособить. Вырезал аккуратно дверь, сделал комнату внутри, окошко над дверью устроил. Домик получился – загляденье. Наш народ уемский в нем от дождя прячется...» [Там же].

В сказках С.Г. Писахова природа не является препятствием, врагом для уемлянина [2], однако в сюжетах современных сказок изредка встречаются явления природы, которые отказываются взаимодействовать с главным героем по своей воле. В сказке «Летняя бывальщина» грозовая туча проявляет такой строптивый характер, что даже Сеня Малина не может справиться с ней в одиночку: «Схватил грабли, примотал к ручке палку подлиннее. Залез на баню <...> с крыши зацепил край тучи граблями. <...> Туча на мои старания фыркает. За небо ухватилась, упирается. Ливнем поливат, громом пугат» [9]. Усмирить тучу удастся благодаря тому, что в Уйме живет «народ артельный» [8, с. 161]: «Соседи увидали, из домов высыпали, похватали кто грабли, кто вилы – всякую утварь, что под руку легла. Ухватились артелью да тучу с места и сдвинули. До реки дотянули, тучу в воду скинули» [Там же]. То, что оказывается не под силу одному человеку, даже привыкшему вести дружбу с дождем и ветром, люди могут преодолеть сообща. Сплоченность – «артельность» – как важное качество уемлян подчеркивал и Степан Писахов.

Однако обычно Сеня Малина в «Нерассказанных сказках», как и в оригинальных историях об уемском балагуре, легко решает любые проблемы, благодаря гармоничному взаимодействию с природой: заменяет забытые пули незрелой морошкой и одним зарядом подстреливает десяток рябчиков [Там же], ездит в город на облаке [Там же], ловит и оседлывает гуся, чтобы долететь на нем в другую деревню [Там же] и т.д.

Полеты по воздуху и полет фантазии – яркая черта сказок Писахова. Летает сам Сеня Малина на ветре и облаке, пляшут в небе девки, поднимается ввысь на стае гусей изба Малины, и вся деревня Уйма со всеми домами и жителями взлетает на ветрах, подобно летучему кораблю. В фольклоре летучий корабль символизировал стремление человека к движению, как частное его проявление – передвижению по воздуху, в современной культуре этот образ трактуется как символ надежды, мечты, развития, устремленности в будущее [5]. Такая трактовка символа созвучна с общей идейной направленностью сказок С.Г. Писахова. Сам Писахов посвящает этой теме очерк-миниатюру «Почему много лету в сказках?»: «Меня корят да упреками донимают: почему много лету в сказках? <...> Фантазия начинает свое дело полетом. Не мое дело останавливать фантазии полет» [8, с. 262].

Тема полёта неоднократно возникает в «Нерассказанных сказках», особенно выделяются истории, в которых в летающее транспортное средство превращается часть дома Сени Малины. В одной из сказок Сеня Малина вместе с женой отправляется в город на повети, отделившейся от избы: «Я окошки верхни приоткрыл, чувствую, ветер загулял, загудел, да и вызнял поветь-то мою. Жона едва скочить успела. Летим-отдыхам...» [9].

Сказка насыщена бытовыми деталями: на повети сушатся веники, от которых «воздух свежий, березовый», лежит в сундуке старая шуба, в которую кутается главный герой, когда от ветра становится холодно, валяют-

ся половики, по которым, как по самолетному трапу, спускаются на землю пассажиры летающей повети. В финале повествования рассказчик приводит «доказательства», предлагая читателю убедиться в правдивости истории: «...не веришь, так обойди поветь сзади, там и надпись увидишь <...>: ИЛ-89. Стало быть, значит, изобретение летно из дома 89» [Там же].

Подобный финал неоднократно встречается в сказках С.Г. Писахова. Так в сказке «Гуси» изба, которую случайно унесли гуси, вернувшись, встала на свое место «передом в задню сторону, задом на улицу. По сю пору так стоит» [8, с. 141]. В финале сказки «На треске гуляли» Сеня Малина угощает гостя треской, которая «из того самого стада, на котором я ехал, только уже не обессудь – посолена» [Там же, с. 147]. Рассказчик может пообещать показать гостям один из чудесных предметов – табакерку Наполеона, платок жены Мамаю, светящиеся штаны, которые натерты об радугу, но предметов по какой-то причине все время не оказывается на месте: «Стой, дай вспомню, куда я ее запропастил. Не то на повети, не то на полатях? Вспомню – покажу» [Там же, с. 77].

В полет может отправиться деревянный конь с крыши дома, неожиданно оживший в белую ночь: «Тут вдруг треск сверху услышал, голову-то задрал, смотрю, а конь деревянный, что у меня на крыше, крылья расправляет! И уверенно так взмахивает, от чего и дом дрожит. У меня дело впереди мысли – вскочил на охлупень, коня-то за шею схватил <...> Конь мой не ожидал седока, дернулся, но я крепко вцепился, вот и взлетели мы над домом» [9].

Этот образ возникает не случайно. Дом, украшенный головой коня – коньком, становился своего рода оберегом, который хранил семью от бед и несчастий, от злых духов [5]. Традиционно охлупень (бревно с желобом по всей длине, венчающее крышу) с коньком для дома делал лично глава семьи. Понятной становится и причина полета деревянного коня, резко меняющая настроение сказки: «...сегодня и есть память деда моего. Разве вспомнил бы за делами без этого ночного приключения? Вот какое напоминание мне вышло. На кладбище сходил, помянул деда. Иду и думаю, что вот ведь как интересно, ночью над этими местами на своём собственном деревянном коне кружил...» [9].

Целый ряд сказок С.Г. Писахова посвящен образам деревни, крестьянского дома, бытовых предметов, с которыми могут происходить всевозможные чудеса: «Уйма в город на свадьбу пошла», «Баня в море», «Пляшет самовар, пляшет печка» и многие другие. На фантастическом уровне художественного пространства дом оживает, что отражает «отношение крестьян к дому как к живому существу, человеку» [7]: «Мой дом ковды как выстанет – и все по-разному. В утрешну рань, коли взглядывать мельком, дом-то после ночи, после сна при солнышке весь расправится, вздынется да станет всяки штуки выделывать: и так и сяк повернется, а сам довольнехонек, окошками светится, улыбается» [8, с. 32].

Образы одушевленных построек встречаются в «Нерассказанных сказках». Например, баня и амбар могут начать спорить между собой, не замечая, что хозяин их слышит: «...заспорили баня да амбар, кто по хозяйству нужней да важней, кому ближе к дому стоять. Баня пыхтит, дескать, ко мне люди уставшие да грустные идут, а обратно веселы да с улыбочкой выходят. <...> А амбар свое гундосит: не видать людям счастья до здоровья коли еды не приберегли, зерна да муки не сохранили. <...> Разобиделась баня, да как искрами сыпать из трубы начала, чуть сама не задымилась. А амбар тоже не промах: скочил со свай, да и утопал от экой сварливой соседки подальше» [9]. Происходит слияние реального и фантастического в художественном пространстве: реальные объекты (баня, амбар) приобретают фантастические характеристики.

Необходимо отметить, что центральным персонажем, наряду с Сенею Малиной, в «Нерассказанных сказках» нередко оказывается Перепилиха. При этом образ главной уемской склочницы претерпевает некоторые изменения. Можно утверждать, что этот персонаж вызывает у современных интерпретаторов определенную симпатию, вследствие чего приобретает положительные черты. Основная характеристика Перепилихи – пронзительный голос – остается неизменной, но либо используется на благо окружающих, либо вовсе становится второстепенной. Перепилиха голосом прорубает прорубь, помогая мужикам достать рыбу [Там же], «охотится» на гусей, которые от её крика «уже без перьев и потрохов, во двор с неба сыплются» [Там же], рубит дрова [Там же] и т.д. В ряде сказок Перепилиха вообще не использует свой дар: «Заприметила она большо дерево, взяла крепку верёвку, привязала её к стволу и давай медведя дразнить. А другой конец верёвки в руке зажала крепко-накрепко да от зверя кругом дерева, а Миша за ней, что сил есть, ухлёстывает. Перепилиха его к стволу и примотала» [Там же].

Также в историях о крикливой жонке возникают легко узнаваемые современные реалии: «...ехать на вокзал надо на городском автобусе. Вечер уже, народу тьма, все с работы едут. Кое-как мы влезли в автобус. <...> Я молчу, Перепилиха <...> тоже молчит. И тут одна жонка взяла и сказала: «Народ с работы едет, а тут еще эти две со своим барахлом!» [Там же].

В произведениях С.Г. Писахова реалии конца XIX – начала XX вв. – телефон, трамвай, урядник, «инстервенты» и т. д. – указывают на художественное время. В отдельных текстах «Нерассказанных сказок» художественное время смещается в современность, и детали, характерные для нашего времени, подчеркивают оппозицию «Город – Уйма», характерную для оригинальных сказок о Сене Малине. Город, как место, противопоставленное Уйме, продолжающей жить в сказках традиционной поморской жизнью, появляется в сказке «Кабатчиха в Архангельске». Кабатчиха, неожиданно оказавшаяся в городе, встречает там многочисленные современные «диковины»: «...увидала по телевизору – певец поёт, Киркоровым прозывают. Глаза у Кабатчихи пуще прежнего заблестели. “Хочу, – говорит – таки же перья, как у него, и

чтоб блестело также!» Сделали ей шляпу с перьями, со стразами Сваровски» [Там же]. Кабатчиха, будучи персонажем, изначально наименее включенным в природный мир Уймы, успешно вписывается в городское окружение, вызывающее у нее бурный восторг. Ее глазами мы видим город не как что-то неестественное, а как нечто чудесное и необычное. Однако финал сказки возвращает читателя к пониманию, что городские «чудеса» не доводят до добра: «Кабатчиха от такого количества нарядов вся вспотела, устала и вызвала повозку, «такси» называется. <...> встал таксист прямо посередине лужи. Кабатчиха думала, что она сейчас во всей красоте продефилирует, но не тут-то было. Дверку такси отворила, да, не глядя себе под ноги, в лужу-то и села» [Там же].

Рассмотрев работы, присланные на конкурс «Нерассказанные сказки Сени Малины» за период с 2019 по 2023 гг., можно сделать вывод, что особенности мира сказок С.Г. Писахова воспроизводятся интерпретаторами интуитивно. Образы, особенности «писаховской» картины мира воспринимаются достаточно легко, что позволяет современным сочинителям разных возрастов создавать сюжеты, вписывающиеся в «писаховский стиль».

Источники и литература:

1. Горшков О.Е. Образовательный потенциал экскурсионной программы «Сеня Малина: были и небылицы» // Контроль и оценка компетенций обучающихся как условие повышения качества образования [Текст] : сборник материалов XXII Студенческой научно-практической конференции и XVII Межрегиональных (с международным участием) педагогических чтений (Архангельск, 24-25 февраля 2015 года) / М-во образования и науки Архангельской обл., Гос. бюджетное проф. образовательное учреждение Архангельской обл. «Архангельский пед. Колледж» ; [редкол.: Ю.А. Спехина, М.Н. Рашева]. – Архангельск : КИРА, 2015. – С. 213–220.

2. Горшков О. Е. Образ Сени Малины и сказочной Уймы: от С.Г. Писахова к современным интерпретаторам // Геопоэтика Севера в русской литературе и текстах культуры народов циркумполярного мира : сборник научных статей : [16+] / М-во образования и науки Арханг. обл., Сев. (Аркт.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова, Центр сравнит. религиоведения и этносемиотики, Науч.-образоват. центр «Ломоносов. Дом». – Архангельск, 2016. – С. 133–139.

3. Горшков О.Е. Популяризация культурного наследия Приморского района (на примере Музея народных промыслов и ремесел Приморья) // Важский край: источниковедение, история, культура: исследования и материалы. Вып. 7. – Вельск, 2016. – С. 214–222.

4. Камалова А.А. Художественная картина мира сказок С. Писахова (лингвостилистический очерк) // Вестник БГУ. – 2012. – №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-kartina-mira-skazok-s-pisahova-lingvostilisticheskiy-ocherk> (дата обращения: 20.02.2024).

5. *Михеева Г.В.* Специфика художественного пространства сказок С. Г. Писахова // *Litera*. – 2018. – № 4. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28028 (дата обращения: 17.02.2024).

6. *Овчинникова Л.В.* Фольклорно-литературные сказки как составная часть отечественного литературного процесса 20–50 гг. XX в. (Б.В. Шергин) / Л.В. Овчинникова // *Русская словесность*. – 2002. – № 3. – С. 15–20.

7. *Пермиловская А.Б.* Декоративное убранство и символика народной архитектуры Русского Севера // *Вестник ВятГУ*. – 2011. – №1– 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dekorativnoe-ubranstvo-i-simvolika-narodnoy-arhitektury-russkogo-severa> (дата обращения: 17.02.2024).

8. *Писахов С.Г.* Сказки; Очерки; Письма: [Сборник/Сост., авт. вступ. ст. и коммент. И. Б. Пономарева]. – Архангельск: Сев.-зап. кн. изд-во, 1985. – 367 с.

9. Архив МНПиРП.

УДК 398.8; 82.09

Якубовская Е.И.

Федор Абрамов – наследник ленинградской школы собирателей фольклора

Аннотация. Федор Александрович Абрамов записывал фольклор родного Пинежья на протяжении всей жизни. Первая его экспедиция состоялась летом 1939 г. по окончании 1 курса Филфака ЛГУ, по следам экспедиции Государственного института истории искусств (ГИИИ) 1927 г. Благодаря тщательной подготовке, будущему писателю удалось сделать научно значимые записи, в том числе от своей мамы. Вместе с тем он сумел многое открыть для себя в этой культуре, и позже это стало основой его глубочайшего знания пинежской устной традиции, тонко и глубоко вошло в его творчество.

Ключевые слова: Федор Абрамов, фольклор Пинежья, ленинградская школа фольклористики.

Федор Александрович Абрамов собирал фольклор на протяжении всей своей сознательной жизни, специально продумывая маршруты, расспрашивая заранее о потенциальных собеседниках – знатоках и талантливых носителях устной традиционной культуры родного Пинежья. Писатель осознанно отличал свою деятельность от научной полевой работы, которую проводила на Пинежье, например, его коллега по филологическому факультету Ленинградского университета Галина Яковлевна Сими́на (к ее изданию «Пинежские сказки» [12] Ф.А. Абрамов даже написал предисловие), фольклористы Московского университета, Архангельского пединститута и Ленинградской консерватории. Их целью был фольклор как объект науки. Сам же он ставил творческие цели: он углублялся в стихию народного слова, чтобы напитать им свой писательский, творческий дар. Как показывает анализ его произведений, он не просто «отражал» или, как у нас любят говорить, «исполь-

зовал» родную «говóрю», но, усвоив самые основы этой особой культуры, смог синтезировать их в своих авторских образах.

Начало этого процесса – открытие будущим писателем для себя красоты и глубины своего родового словесного наследства – произошло в его студенческой фольклорной экспедиции на Пинегу летом 1939 года.

В ходе полевой фольклорной практики после окончания 1-го курса филфака ЛГУ будущий писатель собрал значительную коллекцию фольклора – более 300 произведений, среди которых былина, исторические, рекрутские и солдатские, лирические и свадебные, плясовые и игровые песни, частушки, заговоры, похоронные и свадебные причитания. Коллекция записей, собранная Ф. Абрамовым, хранится в Рукописном Отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН¹.

Результаты собирательской работы молодого Абрамова свидетельствуют о его серьезной подготовке к экспедиции. Федора Абрамова направил на его «малую родину» для записи фольклора Марк Константинович Азадовский, в ту пору заведующий кафедрой фольклора, созданной на филологическом факультете ЛГУ в конце 1930-х гг. Азадовский был одним из крупнейших исследователей быта, фольклора, истории Сибири, за плечами которого были, в частности, записи фольклора по Амуру и Лене (в 1913–1915 годах) [5, 6], в Тункинской долине (в 1925–1927 годах). Опыт собирательской работы обобщен ученым в «Беседах собирателя» [4]. Поездка студента Абрамова на Пинегу стала одним из первых полевых исследований, организованных кафедрой фольклора на правах летней практики.

Готовясь к экспедиции, Ф. Абрамов имел возможность встречаться с Натальей Павловной Колпаковой, изучавшей пинежский фольклор в составе комплексной пинежской экспедиции Российского Института Истории Искусств в 1927 году². Участниками этой поистине исторической экспедиции были ученые, со временем ставшие крупнейшими фигурами отечественной фольклористики: А.М. Астахова, А.И. Никифоров, Н.П. Колпакова, И.М. Левина, Е.В. Гиппиус, З.В. Эвальд. В 1938 – январе 1939 года Колпакова была приглашена Марком Константиновичем Азадовским на должность заведующей Кабинетом народного творчества при новой кафедре.

Разумеется, при подготовке своей летней поездки под руководством столь серьезных ученых, Абрамов познакомился и с результатами ранних исследований традиционной культуры Пинежья – собраниями А.Д. Григорьева [7] и

¹ РО ИРЛИ, р. V, коллекция 165. Записи представлены в виде полевых рукописных тетрадей (п. 1: перебеленные полевые записи в школьных тетрадках в линейку чернилами и карандашом, а также самозаписи народных исполнителей чернилами и карандашом) и беловых авторизованных машинописных копий (п. 2-4: 1-й экз., с пометами карандашом и вставками чернилами).

² Экспедиция на Пинегу была организована летом 1927 года Секцией изучения крестьянского искусства Российского (позже Государственного) института истории искусств (РИИИ/ГИИИ). Она носила комплексный характер; в том числе записывались обряды, словесный и музыкальный фольклор. Запись напевов осуществлялась с помощью фонографа.

О.Э. Озаровской [15, 16, 17], что несомненно повлияло на качество его собственной собирательской работы, результаты которой отличаются настоящим профессионализмом, и в особенности, широтой охвата местного традиционного репертуара, замечательной полнотой передачи традиции, высокой художественной ценностью записанных текстовых вариантов. Остается только сожалеть о том, что напевы песен в 1939 г. остались незафиксированными.

Таким образом, студент Федор Абрамов прекрасно понимал, насколько ответственна его собирательская работа – не больше, не меньше, как очередная ступень в истории изучения духовной культуры пинежского былинного и песенного края. Проводя записи спустя 12 лет после фольклористов Института истории искусств, Абрамов сумел отыскать нескольких крупных мастеров, с которыми они работали в 1927 г. – *невких жонок и мужиков*, в том числе Ивана Александровича Ломтева из Карпогор, Татьяну Даниловну Мельникову из Айновой Горы и Анну Ермолаевну Хромцову из Городеца (Поганца).

Одним из народных исполнителей, кого записывали участники пинежской экспедиции 1927 г., был потомственный сказитель Иван Александрович Ломтев – крестьянин села Карпогоры Карпогорского района. А.М. Астахова, которая встречалась с ним в те годы, писала: «Знание <...> былин и песен давно уже в роду Ломтева. Известно, что пел их еще прадед Ломтева, Андрей Трофимович» [8. С. 584]. Личность Ломтева и его пение в свое время оставили яркий след в душе собирателей. «Ломтев представлял привлекательный тип пинежанина, – писала Астахова, – это был высокий, рыжебородый сухощавый человек с голубыми глазами. Нервный и очень застенчивый» [Там же].

Е.В. Гиппиус, проводивший запись сказителя на фонограф, оставил о ней воспоминания в полевом экспедиционном дневнике: «Запись в 10 часов вечера. Рыжий рослый мужик, чрезвычайно застенчивый: – Не могу, натура моя мне не позволяет! Подождите, дайте духу набраться. – Глубочайший бас. В избе полная тишина. С полатей безмолвно глядят три белые головы ребят. Жёнка застыла у зыбки. В окна пурпурный закат»¹.

В 1939 году Ф. Абрамову удалось встретиться с Иваном Александровичем и записать от него былинку и две исторические песни. Конечно, он записал лишь словесный текст. Но, благодаря тому, что в Фонограммархиве Пушкинского Дома сохранились фонозаписи, выполненные в 1927 г.², мы можем услышать то, что в свое время он слышал и записывал [22].

Среди исполнителей, от которых записывал фольклор юный Федор Абрамов, были и те, с кем он встречался и позже, когда приезжал на родину уже взрослым человеком, известным писателем. Некоторые из них стали прототипами его литературных героев.

¹ Отдел документов и личных архивов Российского национального музея музыки, фонд Е.В. Гиппиуса. Ф. 450. № 3317. Е. Гиппиус. Тетрадь записей в экспедиции в Архангельскую область. 1927. Л. 23–23 об.

² Фонограммархив Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (ФА ИРЛИ), коллекция 003. ФВ 0157.02, ФВ 0159.01-03.

В 1970 г. Абрамов начинает работу над рассказом «Из колена Аввакумова». Масштабная фигура главной героини Соломеи (или Соломиды) имеет реальный прототип: Татьяну Андреевну Федорову из «заречной» деревни Летопола (в 1939 г. ей было 58 лет). Комментируя рассказ «Из колена Аввакумова», Л. В. Крутикова отмечает мощь ее характера и жизнестойкость [10. С. 640]. Татьяна Андреевна стала одной из тех пинежанок – хранительниц традиции и духа, с кем писатель общался долгие годы. По свидетельству Людмилы Владимировны Крутиковой, Абрамов признавался, что личность Татьяны Андреевны ему не с кем сравнить [Там же]: «Великий дух. Великая убежденность» [Там же. С. 641].

А тогда, в далеком 1939 г., будущий писатель даже побаивался встречаться с Татьяной Андреевной: ведь вся округа считала ее вместе со всей ее семьей «лихими знающими людьми», «икотниками», которые могут навязать человеку злую болезнь¹. В сведениях об исполнителях собиратель отмечает: «Весь род их считается знахарями».

Тем не менее, записать от нее заговоры, казалось бы, естественные для репертуара «знахарки», ему не удалось. Зато Татьяна Андреевна тогда исполнила свадебные причитания и редкой красоты рекрутские песни.

Ох, Ярославская наша, наша́ да губерня,
Ох, и как-то лекру́тская наша, наша́ да приёмна,
Ох, молодецкая наша, наша́ да розлука.
Ох, вы роста́ноцьки, очень, очень тяжёлы́е:
Ох, и с ро́дным-то батюшкой дак я ле, ведь я розостава́ўсэ <...>.
Ох, и с корешка травонька, травонька-травка спосыхала.
Ох, и с родной-то ма́тенкой дак я ле ведь, я розоста́ўсэ <...>.
Ох, и мать сыра́ земля, матери престонала.
Ох, и с ро́дными́ братьи́цами я ле ведь, я розостава́ўсэ.
Ох, нас три сокола, дак наро́зь, наро́зь розлетались <...>.
Ох, и с родными́ сестри́цами я ле ведь, я розостава́ўсэ –
Ох, и как-то ве́сной ру́цьи, дак, ве́сной ру́цьи розливались [11. С. 67–68].

Позже Татьяна Андреевна говорила о себе: «*На песни певка́ и на молитвы горазда*» [10. С. 640]. История ее жизни и стала впоследствии основой сюжета рассказа «Из колена Аввакумова». Оказалось, что характеристика «знахарка», данная односельчанами и зафиксированная в полевой тетради студента Абрамова, основана на трагическом недоразумении, т. е. была «*по-напра́слиной*», что, в конце концов, и было признано земляками. О праведной кончине Татьяны Андреевны в присутствии всего «деревенского мира» Ф.А. Абрамов узнал от ее дочери и ввел этот эпизод в концовку своего рас-

¹ «Есть на Севере, а точнее сказать, на Пинеге и на Мезени, такая женская болезнь – икота, которая, правда, сейчас немного поутихла, а еще совсем недавно редкую работную бабу не трепала. Найдет, накатит на бедную – и мутит, и ломает, и душит, и крик и рев на все голо-са – по-собачьи, по-кошачьи, и даже самая непотребная матерщина иной раз срывается с губ. <...> в наших местах доселе считается: икоту садят, икоту насылают лихие, знающие люди – икотники» [2. С. 217].

сказа: «Прости, прости, говорят, Соломида. <...> Мы ведь, говорят, всю жизнь тебя топтали да пинали, детям твоим житья не давали, а теперь, говорят, видим, святая меж нас жила» [2. С. 228–229].

...И все же главный его источник всевозможных знаний по местным традициям, обладатель огромного песенного репертуара оказался совсем рядом: в родительском доме. Вклад Степаниды Павловны Абрамовой в коллекцию фольклора Пинежья, собранную ее сыном, наиболее крупный как по количеству (треть всего собранного), так и по разнообразию. За три дня работы с ней Абрамову удалось записать произведения всех основных жанров местной традиции.

Думается, что молодой Абрамов смог по-новому взглянуть на свою мать, которая, быть может, впервые раскрылась перед ним, как носитель тонкой словесной культуры и хранитель глубоких сакральных знаний. Именно в этот момент было поколеблено представление абрамовского поколения об «отсталости», «некультурности» и «темноте» их предков – севернорусских крестьян, символом которой выступала их неграмотность. Позже Абрамов писал об этом своем прозрении: «Бережем среду, а о сохранении духовных ценностей нет заботы. Больше того – гонение. Гонение на патриархальность. А ведь патриархальность – <...> совесть и т. д., да ведь это и неуважение к своим предкам. А ближе – к своим отцам и матерям. Все наши матери очень патриархальны. <...> Прошлое беззащитно и его надо оберегать» [1. С. 164–165].

Да, Степанида Павловна расписывалась, с трудом выводя лишь свои инициалы, но ее память сохранила сотни вдохновенных поэтических строк, которые не могли не поразить талантливого юношу-филолога, будущего писателя. Недаром многие из них позже вошли в его произведения.

Так, одной из любимых песен писателя, записанных им от матери, была песня «Хо́ жу я с-по травке, гуляю с-по муравке» [12. С. 28–29]. Этой песней во дни молодости Степаниды Павловны начиналось грандиозное летнее праздничное гулянье – «мечи́ще». Прошло время, и в абрамовском философском цикле коротких рассказов-зарисовок «Трава-мурава» начальные строки этой песни заняли место эпитафии, а в одном из центральных рассказов цикла – «Последняя страда» – герой, подводя итог своей жизни, именно ее хочет услышать из уст своих детей [20. С. 53–54].

Став писателем, Федор Абрамов продолжал ежегодно бывать в родных местах, заносил в свои записные книжки словесные зарисовки, частушки, песни. Как и ранние юношеские записи, они отразились в его творчестве. Более того – писатель создает оригинальный авторский текст по законам устной народной традиции. Примерами такого творческого метода являются страницы повести «Мамониха» [Подробнее см.: 24. С. 250–253; 20. С. 27–30], романа «Две зимы и три лета» [Там же; 20. С. 54–59]. Филигранная писательская техника Абрамова в обращении с подлинными образцами народной речи в его собственной записи ярко проявляется в рассказе «Самая счастливая» [18].

Сегодня мне хотелось бы продемонстрировать образец абрамовского метода создания авторского текста в жанре причитания.

Среди опубликованных Л.В. Крутиковой-Абрамовой ранних редакций романа «Две зимы и три лета» – описание похорон Трофима Лобанова, изъятые в своё время по цензурным соображениям. В причет дочери Трофима, Александры, автор вводит ключевые «уставные» строки, в свое время записанные им в 1939 г. от односельчанки Евгении Александровны Постниковой. Причитание по отцу разрастается в крупную драматическую сцену, где Абрамов воссоздает плач, вполне традиционный по лексике, композиции и типологически точным образам.

Откроем страницы романа. «...Александра, младшая и любимая дочь Трофима, обхватила свою мать и запричитала по-бабьи:

Уж и родимый да мой тятенька,
Золота гора желанная.
Ты куда это собрался,
Ты куда это снарядился? <...>
Уж на кого ты нас, родимой, оставляешь,
На кого да спокидаешь? <...>
*Уж мы жили с тобой да красовались,
Как во масле сыр да катались»* [3. С. 561].

Вариант этой последней поэтической формулы мы находим в записанном Абрамовым в 1939 г. причете невесты-сироты:

*«Уж я у родимого-то жила у татеньки,
Я жила да красовалася,
Уж во сырѣ-масле да купалася»* [11. С. 210].

Этот обязательный элемент сюжета похоронного причитания сохранялся в них до конца XX в. Так, в записи студентов МГУ 1970-х гг. читаем:

*«Я с тобой жила да красовалася,
Уж я как сыр в масле да купалася»* [14. С. 136].

Далее в романе Абрамова Александра говорит о том, что Трофима свела в могилу забота о семье:

*«И уж не от нас ли да ты, родимой, помер?
Уж не мы ли тебя да сгубили?
Уж не мы ли тебя да свалили?
Уж, быват, нас ты напужался,
Что мы мал-мала меньше
Что осталась у тебя полна и' зба»* [3. С. 562].

Здесь писатель почти буквально цитирует свою студенческую запись от односельчанки Е. Постниковой [11. С. 59]

И наконец, заключительным мотивом причета в доме покойного, согласно традиции, было обращение к родным, к соседям с просьбой не забывать их. В записи 1939 г. плачея обращается к пришедшим на похороны людям:

*«Уж не оставьте нас да не спокиньте,
Уж словом-то нас да призакарьте,
Уж теплом-то нас да обогрейте» [Там же].*

Этот мотив в романе «Две зимы и три лета», с цитацией характерных по лексике строк, в причете Александры появляется в момент, когда она, «мокрая, распухшая от слез», «запричитала вторым заходом:

*Уж вы люди добрые да суседи,
Уж вы не оставьте нас да не спокиньте,
Словом-жалостью нас да призакарьте,
Уж хоть не ради нас, да ради татеньки,
Ради первого работничка, ради всей его работушки.
Уж он помял, поробил колхозной работушки
Безотказно да круглосуточно.
Уж я пойду-пройду по темным лесам,
По сырým борам да вдоль Синельги.
Уж там не ветром леса повалены,
Не зверями тропы прохожены.
Уж я пойду-пройду по лугам да по поженкам,
По иссадинам, по излучинам.
Чьи зароды там выше кустиков,
Выше кустиков до заоблачья?
Уж я пойду-пройду по занавинам,
По холмам пройду, по веретям.
Уж не медведушки там пашенки расчищали,
Не они злое коренье вырывали <...>» [3. С. 562–563].*

Вдохновенный текст причитания, созданный писателем по канонам народной традиции, является, с нашей точки зрения, одной из вершин творчества Федора Абрамова. Недаром, по свидетельству Л. В. Крутиковой-Абрамовой, он так дорожил этим отрывком, в свое время изъятым цензурой, хранил его и «впоследствии хотел снова ввести в роман» [9. С. 627].

Если собрание фольклора Пинежья 1939 года известно исследователям: недавно оно было полностью издано [11; 12], то его дневниковые записи 1970-х–80-х гг. пока еще не готовы к работе исследователя: они переданы наследниками писателя в Рукописный Отдел Пушкинского Дома, но пока не обработаны и не введены в научный оборот. Со временем, я уверена, будут обнаружены его более поздние фольклорные записи, которые позволят проанализировать истоки его зрелых произведений более глубоко.

Рассказ о записях народной песенной поэзии Фёдором Абрамовым был бы неполным, если не сказать несколько слов о записи музыкального фольклора Верколы в 1982 году, на которой присутствовал и Фёдор Александрович, к этому времени уже известный писатель, всю жизнь продолжавший собирательскую работу на своей «малой родине». Эту запись проводил ленинградский фольклорист, преподаватель Ленинградской консерватории Анатолий

Михайлович Мехнецов со студентами – в ходе летней полевой практики, как и когда-то студент Абрамов. Кстати, участницы группы Мехнецова, студентки Галина Лобкова и Елена Демиденко (Мадлевская) впоследствии стали известными учеными¹.

Записи состоялись в июле 1982 г. Записывали свадебные, лирические песни, в том числе и рекрутские, исторические. Отдельно вспоминали свадебные причеты. Затем настал черед хороводным, игровым песням и частушкам. Повспоминать старину собрались: Екатерина Неофитовна Рогалёва, Анна Ивановна Яковлева, Офимья Фёдоровна Клевакина, Анна Васильевна Абрамова, Мария Васильевна Вдовина, Ксения Михайловна Каракина, Варвара Трофимовна Клопова, Наталья Петровна Заварзина. Всех их, конечно же, хорошо помнят веркольские старожилы. Среди певиц были родственницы Фёдора Абрамова, были и те, чьи рассказы стали сюжетами его произведений, а сами они – прототипами его литературных героев.

По воспоминаниям студентов – участников экспедиции, Фёдор Александрович Абрамов пришел в дом, где проходила запись, скромно поздоровался со всеми, затем присел в уголке и задумчиво, внимательно слушал. Звучали песни, которые уже не так часто можно было услышать от односельчан, но сорок лет тому назад ему удалось их записать. И, быть может, маститый писатель, вслушиваясь в неповторимый пинежский распев таких знакомых ему слов, вспоминал себя юным студентом, старательно поспевающим записать их за своей мамой...

В числе песен, которые вспомнили веркольские песенницы, была историческая песня «Во городи во Казани». Юный Федор Абрамов записал ее в своей первой экспедиции в нескольких вариантах, в том числе и от своей матери С.П. Абрамовой.

Сюжет песни повествует о пленении татарской «королевишны» и князе Румянцеве. Эпизод относится ко времени Персидского похода Петра I в октябре 1722 г. Сподвижник Петра Первого, Александр Иванович Румянцев – отец великого русского полководца Петра Александровича Румянцева, того самого, в чью честь поставлен обелиск в Румянцевском сквере на Васильевском острове в Санкт-Петербурге. Полонянку Румянцев, восхищенный ее красотой, отдает замуж за своего родного брата – генерал-майора и сенатора Никиту Ивановича Румянцева.

В 1982 году все песни и причеты исполнялись «на голос» и были зафиксированы в звукозаписи, позволяющей воспроизвести напевы со всеми вторыми, распевами и словообрывами. Для того чтобы представить реально

¹ Лобкова Галина Владимировна. Кандидат искусствоведения, доцент. Зав. кафедрой этномузыкологии СПбГК; научный руководитель Фольклорно-этнографического центра Санкт-Петербургской государственной консерватории; художественный руководитель Фольклорного ансамбля Консерватории. Автор научных трудов по этномузыкологии.

Мадлевская Елена Львовна. Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета. Автор научных трудов по этнографии русских.

звучащую форму песенного стиха при исполнении его на напев, присущий данной песне, можно сравнить запись Абрамова 1939 г. (слева) со звукозаписью, сделанной в той же деревне фольклорной экспедицией Ленинградской консерватории в 1982 году (справа).

Запись 1939 г. [12. С. 18-19]	Запись 1982 г. ¹
<p>Во городи во Казани, <i>(далее каждая строка повторяется)</i> Во другом было во Резани, Да ой, во третьём было в Острахани: Да во строю стоели соўдаты, Стоели соўдатушки молодые, Да неженатые, холостые. Мастера были песни пети, <Мастера были> да запевати, Да отця с матушкой споминати, Да свою ровнюшу забывати. Близь-то ко городу подходили, Непорядосьнѣ да поступали, В дуло-то ядрышко закатали, Да каменну стену розбивали, Да королевисьню доступали. Не слыхала как подступили, За белы руки подхватили, Да на резвы ноги становили, Да на красно крыльцѣ выводили, Да на добра коня посадили, Да во цисто полѣ отвозили, Против-то Руменьцева становили. Князь-то Руменьцѣв сдивоваўсэ: «Да хороша девка уродилась, Да с отцѣм-то матушкой не простилась. Да с родом-племенем роскорилась».</p>	<p>Во городе во Казани да <i>(далее каждая строка повторяется)</i> Во... ой, во втором было́ во Резани, да Во... ой, во третьём было́ в Остраха́ни, да Во... ой, во строю стояли сол(ы)даты, Стоя́ли сол(ы)датушки молодые, да Ма... ой, мастера были песен(ы) пети, да Ма... ой, мастера были запевати, да Свой... сво́ю-то ро́внюшу взыбывати, да й-О... й-отца ли с матушкой споминати, да Бли... ой(и) близко к городу подходили, да Не... ой(и) непорядочнѣ поступали, да С ду... с дулу-то ядрышко сокатали, да Ка... ой(и) каменну́ стену розбивали, да Ко... ой(и) королевичну доступали, да Не... ой, не слыхали как в полон(ы) взяли, да <i>(далее словами):</i> На красно́ крыльцѣ да выводили, да На добра коня садили, Во цисто́ полѣ отвозили, Князь Румяньцеву становили. <i>А ён сказаў:</i> «Хороша́ девушка да уродиласе – С отцѣм, с матушкой да не простиласе».</p>

Степанида Павловна Абрамова, которая не пела, а диктовала своему сыну слова этого поэтического повествования о далеких исторических событиях, сжимает стихотворные строки до наиболее краткой их формы. Сравнивая приводимые варианты, мы видим, что в распетом варианте песни – а произведение устной традиционной культуры живет своей полноценной жизнью

¹ Архив ФЭЦ СПбГК. ОАФ 1277-06. Архангельская обл., Пинежский р-н, Веркольский с/с, д. Веркола. 13.07.1982. Поют: Клопова Александра Семёновна, 1905 г.р., Каракина Ксения Михайловна, 1903 г.р., Клевакина Офимья Фёдоровна, 1903 г.р., Клопова Варвара Трофимовна, 1908 г.р. Зап.: Мехнецов А.М., Лобкова Г.В., Демиденко Е.Л.

только в распевной, развернутой форме –этот «чистый» стих изменяется с помощью словообрывов, вставок «ой», «да», огласовок согласных. Во время пения ритм стиха преобразуется: акцентуемые слоги протягиваются в распеве, почему в фольклористике эта форма лирической песни именуется «протяжной».

Другое важное наблюдение относится к истории жизни песни во времени, в памяти поколений. С.П. Абрамова воспроизводит сюжет песни полнее: ее описания подробнее, а сама история пленения красавицы-королевишны приобретает более законченную форму. В 1982 г. веркольские песельницы вспоминают слова когда-то певшейся ими песни уже с некоторым трудом. Они смогли распеть ее лишь до половины, а затем наиболее памятливые из них досказывают песенную историю только словами, и в конце, теряя форму стиха, переходят на пересказ. Остается надеяться, что будущие поколения верколюян смогут восстановить полноту своего родового культурного наследия, зафиксированного и в звукозаписи, и в прекрасных, полных словесных версиях, записанных их знаменитым земляком.

Итак, мы видим, что, будучи одаренным филологом, Федор Абрамов уже в самом начале своего профессионального пути сумел сделать научно-доверенные записи, продолжив традиции своих предшественников-собирателей, пополнив этим источниковедческую базу петербургской-ленинградской школы фольклористики. Значение этих материалов велико и для последующих полевых исследований. С другой стороны, знакомство с пинежским собранием Ф. Абрамова 1939 г. позволяет увидеть доселе скрытую для нас грань творческой лаборатории писателя, существенно расширяет представление об истоках его творчества – традициях северной народной культуры, наследником и преемником которой он являлся¹.

Источники и литература:

1. *Абрамов Ф.А.* Дневниковые записи: О сказке // Абрамов Федор. Собрание сочинений: в 6 т. СПб.: Худож. лит-ра, 1995. Т. 6. С. 164–165.

2. *Абрамов Ф.А.* Из колена Аввакумова. Рассказ // Абрамов Ф.А. Жарким летом: Рассказы. Л.: Сов. писатель, 1984. С. 216–229.

3. *Абрамов Ф.А.* Из ранних редакций романа «Две зимы и три лета» // Абрамов Федор. Собрание сочинений : в 6 т. / Федор Абрамов; Редкол.: Д.С. Лихачев и др. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1990. Т. 1 : Братья и сестры : роман в 4 кн., Кн. 1-2 / (Подгот. текста, послесл., примеч. Л. Крутиковой-Абрамовой). В прил.: Из ранних редакций романа «Две зимы и три лета». С. 546–601.

4. *Азадовский М.* Беседы собирателя : О собирании и записывании памятников устного творчества применительно к Сибири / Рус. геогр. о-во. Вост.-Сиб. отд. Этнол. секция. – [Иркутск] : Б. и., 1924. 86 с.

¹ Фольклорным истокам творчества Федора Абрамова посвящено несколько публикаций автора статьи [см.: 18–21, 23, 24].

5. *Азадовский М.К.* Ленские причитания. Чита: Б. и., 1922. 128 с.
6. *Азадовский М.К.* Сказки Верхнеленского края. Вып. 1. Иркутск: Изд. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва, 1925. 14–143 с.
7. Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа. М.; СПб.: Имп. Акад. наук, 1904. Т. 1. LX, 708 с. : нот.
8. Былины Севера / Записи, вступ. ст. и коммент. А.М. Астаховой. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. Т. 2: Прионежье, Пинега и Поморье. 848 с.: 19 л. портр. и нот. (Материалы рукопис. хранилища Сектора фольклора / Под ред. В. П. Адриановой-Перец).
9. *Крутикова Л.В.* Послесловие //Абрамов Федор. Собрание сочинений: в 6 т. СПб.: Худож. лит-ра, 1993. Т. 1. С. 602–633.
10. *Крутикова Л.В.* Послесловие //Абрамов Федор. Собрание сочинений: в 6 т. СПб.: Худож. лит-ра, 1993. Т. 4. С. 630–656.
11. Культурное наследие Пинежья. Фольклор Пинежского края, записанный Федором Абрамовым в 1939 году / Изд. подгот. Е.И. Якубовская. Архангельск: Лоция, 2020. 264 с.
12. Материнское наследство. Фольклор Пинежского края, записанный Федором Абрамовым от Степаниды Павловны Абрамовой в 1939 году / Изд. подгот. Е.И. Якубовская. Архангельск: Лоция, 2019. 88 с.
13. Пинежские сказки / Собраны и записаны Г.Я. Симиной. Архангельск: Северо-Зап. книжн. изд-во, 1975. 223 с.
14. Обрядовая поэзия Пинежья: Материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области (1970–1972 гг.) / Под ред. Н.И. Савушкиной. М., МГУ, 1980. 279 с.
15. *Озаровская О.Э.* Бабушкины старины. Пг.: Изд-во Огни, 1916. 116, [1] с., 3 л. нот.
16. *Озаровская О.Э.* Пятиречие : [Сказки] / О.Э. Озаровская ; Гравюры на дереве Л.С. Хижинского. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, [1931] (тип. им. Ив. Федорова). 457, [4] с.
17. *Озаровская О.Э.* Северная свадьба (на р. Пинеге) // Художественный фольклор. М., 1927. Вып. 2–3. С. 96–102.
18. *Якубовская Е.И.* Заметки фольклориста об истоках рассказа Федора Абрамова «Самая счастливая» // Русская литература. 2019. № 1. С. 227–236.
19. *Якубовская Е.И.* «Люблю слово душистое, напоённое соками земли...» (Фольклор Пинежья в творчестве Фёдора Абрамова) // «Двина», № 3 (75), 2019. С. 115–122. Часть первая.
20. *Якубовская Е.И.* «Люблю слово душистое, напоённое соками земли...» (Фольклор Пинежья в творчестве Фёдора Абрамова) // «Двина», № 4 (76), 2019. С. 27–32, 51–59. Части вторая и третья.
21. *Якубовская Е.И.* «Люблю слово душистое, напоённое соками земли...» (Фольклор Пинежья в творчестве Фёдора Абрамова) // «Двина», № 1 (77), 2020. С. 15–22. Часть четвертая.

22. Якубовская Е.И. Мужская певческая традиция средней Пинеги в записях от И.А. Ломтева (с. Карпогоры) и А.П. Вехорева (д. Шотова Гора) // Русский фольклор: Наследие Б.Н. Путилова и К.В. Чистова и современная фольклористика. Т. XXXIX. СПб., 2022. С. 296–343.

23. Якубовская Е.И. Федор Абрамов – собиратель пинежского фольклора // Из истории этномузыкологии : сборник научных статей и методических материалов / Министерство культуры Российской Федерации, Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н.А. Римского-Корсакова, Кафедра этномузыкологии, Фольклорно-этнографический центр имени А.М. Мехнецова ; научный редактор, составитель Г.В. Лобкова ; редколлегия : И.В. Светличная, К.А. Мехнецова, М.В. Калинина, А.Г. Остапенко, А.В. Полякова, Е.С. Черменина. – Санкт-Петербург ; Воронеж : МИР, 2019. С. 131–147.

24. Якубовская Е.И. Фольклор Пинежья в творчестве Федора Абрамова // Русский фольклор: Фольклоризм в литературе и культуре: границы понятия и сущность явления (Сборник статей и материалов памяти А.А. Горелова). Т. 37. СПб.: Нестор-история, 2018. С. 250–253.

Архивы:

1. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (РО ИРЛИ), разряд V, коллекция 165. Санкт-Петербург.

2. Фонограммархив Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (ФА ИРЛИ), коллекция 003. Санкт-Петербург.

3. Архив Фольклорно-этнографического центра СПбГК (ФЭЦ). Основной аудиофонд (ОАФ). Санкт-Петербург.

4. Отдел документов и личных архивов Российского национального Музея музыки (РНММ), фонд Е.В. Гиппиуса (Ф. 450). Москва.

Сведения об авторах

1. Афанасьева Надежда Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент, краевед (г. Сыктывкар)

E-mail: helpisleonidas@mail.ru

3. Ванеева Алина Робертовна, директор ММУК «Удорская ЦБС» (Республика Коми, Удорский район, с. Кослан)

E-mail: alina_udora67@mail.ru

4. Епишева Надежда Владимировна, учитель биологии и химии МБОУ «Средняя школа № 51 имени Ф.А. Абрамова» (г. Архангельск, участие онлайн)

E-mail: nadya.episheva@yandex.ru

5. Казакова Татьяна Ивановна, заведующий Литературно-мемориальным музеем Ф.А. Абрамова, филиалом ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей» (Архангельская область, Пинежский район, д. Веркола)

E-mail: museyfaa@yandex.ru

6. Колядич Елена Георгиевна, старший научный сотрудник МАУК «Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского» (Кемеровская область, г. Новокузнецк, участие онлайн)

E-mail: dostoevski_nvz@mail.ru, alenka-241175@mail.ru

7. Ларионов Алексей Эдиславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Технологического университета (Московская область, г. Королёв)

E-mail: allar71@yandex.ru

8. Леонович Наталья Станиславовна, библиотекарь, педагог Библиотеки им. Н. Жернакова (г. Архангельск)

E-mail: Nat1956leonovich@yandex.ru

9. Незговоров Сергей Владимирович, старший преподаватель кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью САФУ им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск, участие онлайн)

E-mail: utrikus@gmail.com

10. Немиров Павел Иванович, член Союза журналистов России, автор книг (Архангельская область, Пинежский район, с. Карпогоры)

E-mail: grinish48@mail.ru

11. Никифорова Нина Борисовна, старший научный сотрудник Литературно-мемориального музея Ф.А. Абрамова, филиала ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей» (Архангельская область, Пинежский район, д. Веркола)

E-mail: nikiforova1974@yandex.ru

12. Петров Андрей Васильевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и речевой культуры САФУ им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск)

E-mail: a.petrov@narfu.ru

13. Полева Наталья Николаевна, генеральный директор ГБУК «Объединение государственных литературно-мемориальных музеев Пензенской области» (г. Пенза)

E-mail: upr-muz@yandex.ru

14. Романов Сергей Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Курского литературного музея (г. Курск, участие онлайн)

E-mail: Litmuseum46-kursk@yandex.ru

15. Соколова Ксения Николаевна, научный сотрудник филиала ФГБУК «Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» (г. Вологда)

E-mail: belovmuseum@yandex.ru

16. Третьяков Максим Андреевич, студент ВШСГНиМК САФУ им. М.В. Ломоносова, направление подготовки – Журналистика (научный руководитель – С.В. Незговоров) (г. Архангельск, участие онлайн)

E-mail: chernovsxe@gmail.com

17. Холопова Диана Григорьевна, научный сотрудник ГБУ РК «Национальный музей Республики Коми» (г. Сыктывкар)

E-mail: diana1949@list.ru

18. Чебыкина Настасья Владимировна, научный сотрудник МБУ «Музей народных промыслов и ремёсел Приморья» (Архангельская область, Приморский район, п. Уемский)

E-mail: nastas-c@ya.ru

19. Якубовская Елена Ивановна, старший научный сотрудник Фонотехнического архива ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (г. Санкт-Петербург, участие онлайн)

Содержание

<i>Афанасьева Н.Л.</i> Две войны в судьбе Афанасьева Леонида Григорьевича из коми деревни Ёлькыб	3
<i>Ванеева А.Р.</i> Юрий Спиридонов: дорога в жизнь.	20
<i>Епишева Н.В., Епишев А.С.</i> Ожившая история предметов прошлого	26
<i>Казакова Т.И.</i> Взаимодействие литературно-мемориального музея Ф.А. Абрамова с образовательными учреждениями, учреждениями культуры и общественными организациями.	31
<i>Колядич Е.Г.</i> «Я в рощице той не была целый век»: образ родного села Владимировка в поэзии Любови Никоновой.	36
<i>Ларионов А.Э.</i> Философия истории в творчестве Фёдора Абрамова.	41
<i>Леонович Н.С.</i> Абрамовские родники.	49
<i>Незговорев С.В.</i> Лингвистические средства создания портрета личности в публицистике Ф.А. Абрамова на примере очерка «Деревеньку зовут Тимониха»	52
<i>Немиров П.И.</i> Земляки Федора Абрамова	56
<i>Никифорова Н.Б.</i> Мемориальная коллекция в собрании Литературно-мемориального музея Ф.А. Абрамова	66
<i>Петров А.В.</i> Творческие переключки Федора Абрамова и Николая Жернакова.	71
<i>Полева Н.Н.</i> Картинки подлинной действительности (российская деревня в творчестве П. Замойского)	77
<i>Романов С.С.</i> Уход деревенского жителя из родных мест в художественном осмыслении Ф.А. Абрамова и Е.И. Носова.	81
<i>Соколова К.Н.</i> «...я верю: из Вас выработается настоящий писатель»: письма Фёдора Абрамова к Василию Белову, сохранившиеся в фондах Музея-квартиры В.И. Белова и Государственного архива Вологодской области	93
<i>Третьяков М.А.</i> «Деревянные кони» Федора Абрамова как собирательный образ одной из сотен советских деревень	99
<i>Холопова Д.Г.</i> Литературный музей И.А. Куратова – хранитель коми языка и литературы Республики Коми (к 185-летию со дня рождения первого коми поэта И.А. Куратова и 55-летию со дня основания музея).	102
<i>Чебыкина Н.В.</i> «Нерассказанные сказки Сени Малины» – опыт художественной интерпретации литературного наследия С.Г. Писахова	111
<i>Якубовская Е.И.</i> Федор Абрамов – наследник ленинградской школы собирателей фольклора	119
Сведения об авторах	131